

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ГОУ ВПО «НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

В.С. Елагин

**Хрестоматия по истории
Древнерусского Государства**

Утверждено Редакционно-издательским советом НГПУ
в качестве учебного пособия

Новосибирск – 2009

УДК
ББК

Печатается по решению редакционно-
издательского совета НГПУ

Научный редактор
доктор исторических наук, профессор НГПУ

Е.И. Соловьёва

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент НГПУ

А.В. Новиков

кафедра педагогики и психологии художественного образования НГПУ

- X Хрестоматия по истории Древнерусского Государства: учебное пособие / Автор-составитель В.С. Елагин. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2009. – 264 с.

Данная работа обобщает многолетнюю деятельность автора по публикации источников по истории Древнерусского государства, необходимых студентам для работы на семинарских занятиях по углубленному изучению нашей древней истории.

Рекомендуется для студентов, обучающихся по специальностям «История», «История – культурология», «Музеология», всех, интересующихся историей Древнерусского государства.

УДК
ББК

© ГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», 2009

Введение

Настоящая работа предназначена в первую очередь для студентов исторических специальностей Вузов, хотя, мы надеемся, она будет интересна и для студентов – филологов и всех, интересующихся историей Древнерусского государства. Данная работа – это плод многолетнего труда, как по исследованию историко-литературного наследия Древней Руси, так и по методике его преподавания. За 25 лет работы на кафедре отечественной истории НГПУ в качестве преподавателя истории Древнерусского государства накоплен определенный опыт, частично реализованный в ряде учебно-методических пособий.¹ Хрестоматия и является своеобразным обобщением всего ранее сделанного.

«Хрестоматия» – производное от греческих слов – «полезный» и «учусь», другими словами «полезное учение». В Российском энциклопедическом словаре дано следующее определение: «Сборник систематически подобранных в учебных целях или для самообразования материалов по какой-либо отрасли знания».² Вот я и постарался проделать такую систематическую работу по истории Древнерусского государства IX – 30-е годы XII вв. Необходимость и потребность книг подобного рода автор видит в нескольких ракурсах. Хотя в последнее время поток книг многократно увеличен, всё же специальной литературы (типа предлагаемой) крайне недостаточно. В лучшем случае в библиотеках вузов её содержится по несколько единиц, которых явно не хватает на всех студентов. В силу известных обстоятельств, почти все имеющиеся хрестоматии содержат в большей или меньшей степени лишь отрывки текстов, что явно недостаточно, либо совсем губительно для их изучения. Так, например, ни в одной из имеющихся на сегодня хрестоматий по Древней Руси нет полного текста «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Изучать это замечатель-

¹ Елагин В.С. «Русская Правда»: методические рекомендации к семинарским занятиям для студентов исторического факультета. Новосибирск, 1993; Елагин В.С. «Повесть временных лет»: методическое пособие к семинарским занятиям для студентов исторического факультета. Новосибирск, 1997; Елагин В.С., Шаланова И.И. «Духовный мир Киево - Печерского Патерика»: учебно-методическое пособие. Новосибирск, 2000; Елагин В.С., Назанский В.В. «Историко-биографический словарь «Повесть временных лет»». Новосибирск, 2002; Елагин В.С. «Договоры русских с греками X века»: учебно-методическое пособие. Новосибирск, 2006; Елагин В.С. «Житие Александра Невского, как исторический источник»: учебно-методическое пособие. Новосибирск, 2008.

² Российский энциклопедический словарь. Кн. 2. – Москва : БРЭ, 2000. – с. 1734.

нейшее произведение XI века и вместе с этим эпоху, породившую этот литературный памятник невозможно по отрывкам. По обломкам трудно восстановить целое. То же самое относится и к «Повести временных лет» и к другим произведениям. Ранее, прежде всего в советское время, из текста изымались куски, целые блоки текста, носившего явно религиозный характер. Ну и конечно, – любой автор ограничен объёмом издаваемой книги. Не избежал этого явления и я. Первоначально планировалось издать произведения на старославянском языке в его переводе и комментарий автора к каждой из его частей. От первой и третьей части работы, ввиду объёма книги, пока пришлось отказаться. В итоге мы тоже не избежали усечённости данной работы. Особенно жалко было отказываться от публикации старославянского текста. Насколько он красив, красочен и колоритен! Изучать Древнюю Русь нужно лишь по старославянски, а уж потом в переводе текста.

В Древней Руси было трепетное отношение к книгам. В силу обстоятельств их было мало, они писались на пергаменте, украшались дорогими вставками и миниатюрами, и с особой трепетностью переписывались и хранились. Каждая книга уже представляла определённое богатство. Но основной клад – это их внутреннее содержание. В знаменитой Похвале книгам, которую вы найдёте в данной хрестоматии, книги сопоставимы с реками «наполняющие вселенную, это источники мудрости... Если прилежно поищешь в книгах мудрость, то найдёшь великую пользу душе своей». Я сам всю жизнь живу по этому принципу и пытаюсь в своей работе помочь студентам полюбить древнерусские тексты – не только клад мудрости, но и глубочайший источник знаний по древней истории нашего государства. Если эта книга хоть немного поможет студентам, я буду счастлив.

От нехватки литературы, оригинальных текстов, мы подходим ещё к одной проблеме сегодняшней вузовской исторической науки, умению работать с текстом, умению извлекать из него историческую информацию. Приходится признаться, что с каждым годом уровень абитуриентов, а затем и студентов резко снижается. Они не умеют и не любят читать (это я в целом обобщаю), не умеют анализировать, исторически мыслить. Это не их вина, скорее беда целого поколения, в котором виноваты все: общество, школа, мы – преподаватели. Перевод на систему тестирования, это взорвавшаяся бомба, которая уничтожает всю сложившуюся гуманитарную науку, превращая людей в «болванчиков». Зачем читать А. Пушкина, А. Блока, зачем знать ход Куликовской битвы – важно выучить лишь тесты, к чему, к сожалению, вынуждены переходить преподаватели. В своей работе я продолжаю следовать славным традициям российской исторической школы: бережному отношению к историческому источнику. Важно научить студента не столько пересказу того или иного события, а нау-

читать его, на основе текстов, самому извлекать историческую информацию, уметь её правильно анализировать и опираясь на труды предшественников создавать собственное видение событий. Казалось бы это аксиома. Но до чего трудно следовать ей сейчас. Вот почему, работая над историей Древнерусского государства, я надеюсь вдумчивый студент получит в помощь не только предшествующие мои работы, указанные выше, но и эту хрестоматию.

Структура данной работы, как мне кажется, логически выдержана. Здесь представлены основные типы письменных источников по истории Древней Руси, раскрывается их своеобразие и особенности работы с каждым памятником. Открывается хрестоматия конечно же с «Повести временных лет», удивительного историко-литературного произведения той эпохи. Перед текстом разбирается вопрос о летописях, как исторического источника, этапах становления русского летописания, авторстве произведения, структуре текста и т.д. Словом всего того, что хотя бы минимально должен знать студент – историк. И конечно без знания текста ПВЛ нет смысла работать по изучению истории Древнерусского государства.

Следующими по значимости за ПВЛ идут важнейшие законодательные памятники Древней Руси: «Договоры русских с греками X века» и «Русская правда». В преамбулах так же анализируется особенность законодательных источников, их отличие от других типов памятников, структура текстов и т.д. Особенно мне хотелось бы подчеркнуть неразрывность изучения и летописного текста и законодательных памятников. Последние – непосредственное порождение того или иного времени, а без знания особенностей эпохи невозможно понять и нормы жизни общества.

«Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона сегодняшнему читателю даётся достаточно сложно. Но если раз за разом перечитывать это произведение, то начинаешь постепенно понимать всю его беспредельную глубину, весь пафос эпохи князя Ярослава Мудрого. Это как «Слово о полку Игореве» – чем больше вчитываешься, тем больше «тонешь» в его приворожительности, всё больше и больше открываешь для себя, и уже не можешь вырваться из его оков очаровательности.

К жанру поучительной литературы относится и «Поучение Владимира Мономаха». Структурно оно входит в состав «ПВЛ», в реальности же живёт самостоятельной жизнью и является одним из шедевров древнерусской литературы. Важно понять, что в «Поучении» в концентрированном виде излагаются все мысли, чаянья, тревоги людей уходящей Руси. И это даёт понять, чем живёт общество, что его волнует, как оно решает свои проблемы. Обращаясь к своим сыновьям Владимир Мономах призывает всех людей жить в мире и согласии. Послушались бы его потомки!

Повесть временных лет

Важнейшим источником по истории Древнерусского государства являются летописи. Уже само название «летопись» (лето. (год) – погодное описание событий) указывает на хроникальный характер данного источника. Ценность летописей состоит, прежде всего, в том, что они дают описание событий через трактовку их древними авторами, раскрывают сложный мир политической истории государства, направлений его внутренней и внешней политики. Летописи в значительной степени расширяют границы нашего познания. Не будь их, мы не получили бы и сотой доли той информации, что сегодня владеем, а вся история была бы сухой и малособытийной.

Вместе с этим к сообщениям летописей надо относиться критически. В силу своего своеобразия они какбы воедино и объективный, и субъективный источник. Объективность сообщений летописей заключается уже в том, что они фиксируют события, действительно происходившие в тот или иной год: здесь и описания природных катаклизмов (засухи, пожары, появления комет и т.д.), и реально происходившие события (военные походы, рождение и смерть князей, строительство церквей и т.д.). Все это подтверждается либо другими источниками, либо доказывается с помощью точных наук (например, вычислена и доказана цикличность появления комет, солнечных затмений и т.д.). И вот в этом случае надо помнить, что полнота описания событий, отраженных в летописях, во многом условна. Летописец выхватывает лишь куски событий, близких ему не только территориально, но и его миропониманию, кругозору, и дает им собственную оценку. Часто в летописях попадаются эпизоды, значимые с точки зрения летописца, захватившие его чувства, и в то же время в рамках государства представляющиеся незначительными, малозначимыми. В качестве хрестоматийного примера приведу высказывание одного из учеников В.О. Ключевского о том, как тонко улавливал и доносил студентам интонации и чувства разных летописцев в описании одного и того же события Великий Мастер. *«Войска Боголюбского в 1165 году взяли Киев; предводительствующий ими брат Андрея воз-*

вратился на север «съ честию и славою великою», как рассказывает северный летописец». Ключевский произносил эти слова громко, торжественным, напыщенным тоном, затем выдерживал паузу, наклонялся с кафедры к слушателям и каким-то особым, многозначительным шепотом, слышимым однако на всю аудиторию, доканчивал: «и съ проклятием», – добавляет южный летописец². Вот это «со славою» и «с проклятием» как раз и есть две полярные точки зрения двух авторов на одно и то же событие.

Или другой пример, иллюстрирующий «местнический характер» интересов летописцев. В Ипатьевской летописи под 1242 годом записана единственная фраза «*Не было ничего*»³. С точки зрения летописца Южной Руси, только что пережившей страшный Батыев погром, год 1242 мог показаться и спокойным. Но ведь это год знаменитого Ледового побоища, узлового события Северной Руси, так ярко описанного в Новгородской летописи, но выпавшего из поля зрения летописца Южной Руси⁴. На этих примерах становится понятным субъективизм сообщений летописей. В силу того, что они создавались субъектами, конкретными людьми, они несут в себе элемент личного отношения, не лишённого и эмоционального состояния и политической конъюнктуры. Все это, безусловно, надо знать и учитывать, работая с данным видом исторического источника.

Русское летописание имеет давнюю и самобытную историю. Корни ее уходят еще в языческую Русь. Ведь и тогда существовала потребность сохранения информации и выработалась определенная система ее передачи. В бесписьменный период она существовала в виде легенд, сказаний, исторических песен и т.п. и передавалась из поколения в поколение изустно. Живучесть этой традиции поразительна. Пройдя через века, через различные народные трагедии, она сохранила свой дух, свой колорит и во многом дожила до нашего времени.

² Бушуев С.В., Миронов Г.Е. История Государства Российского: Историко-библиографические очерки. М, 1991. С.44.

³ Ипатьевская летопись//ПСРЛ. М. Л 962. Т.2. Стб. 794.

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 295-296.

И все же начало русского летописания связано с распространением христианства. Принятие мировой религии у восточных славян привело не только к изменению идеологии, но и стало условием ломки старых традиций, появлению новых норм поведения. Вместе с религией распространяется и письменность. Соединение этих двух явлений дало возможность появлению новых форм фиксации событий – появлению письменных записей.

Отправной точкой, примером для русского летописания явились византийские хроники и болгарские летописи. Именно благодаря знакомству с ними возникла потребность фиксировать и события собственной истории. Это те «корни» и «ствол», которые позволили вырасти «пышному дереву» русского летописания.

И все же найти отправные точки русского летописания очень сложно. Дело в том, что древнейшие летописи не сохранились и дошли до нас в виде компилятивных произведений XIV – XVI вв. в виде большого количества летописных сводов.

Что такое летописный свод? Свод – от слова «сводить», т.е. собирать воедино. Необходимо знать, что каждая из дошедших до нас летописей – продукт работы не одного поколения летописцев, «плод» не одной эпохи. Первоначально летописец для составления своего труда собирал весь доступный ему материал, «раскладывал» его по хронологическим полкам, дополняя его, видоизменяя, устраняя, с его точки зрения, противоречия, неточности. Подборка материала чаще всего носила тенденциозный характер. Автор через изложение событий отражал собственное видение проблем, а чаще всего желания своих заказчиков. Следующий летописец, в руки которого попадала летопись, переписывал ее, дополняя своими материалами, где-то корректируя старые, – и так из поколения в поколение.

Летописец Лаврентий, заканчивая свой кропотливый труд по переписыванию и редактированию ставшей знаменитой и названной в его честь Лаврентьевской летописи, радовался и облегченно вздыхал, отмечая все трудности пройденного пути, и в то же время просил прощение у читателя, если что переписал неверно, т.к. *«занеже книги*

ветшаны»⁵. Вместе с этим необходимо отметить, что каждый из летописцев стремился подражать мастерам прошлых лет, сохраняя их стиль и манеры, в результате чего летописные своды сохраняют внутреннее единство, создавая впечатление единого монолитного произведения.

До нас дошло большое количество русских летописных сводов⁶. Отметим здесь лишь только три наиболее известных и значимых для нашей работы. Самой старшей является уже упоминавшаяся *Лаврентьевская летопись*. Написана она монахом Лаврентием по заказу суздальского князя Дмитрия Константиновича и, очевидно, при благословении и бдительном контроле епископа Дионисия в 1377 году. Она включает в себя древнейшую летопись («Повесть временных лет») и летописание Северо-Восточной Руси, законченное в 1305 году⁷. *Первая Новгородская летопись* составлена в 30-е годы XIV века. В ней содержится летописание Новгородской земли. Она представлена в двух редакциях, или изводах⁸. *Ипатьевская летопись*, названная так по Ипатьевскому монастырю в Костроме, где была обнаружена, написана в начале XV века. Помимо древнейшей летописи (ПВЛ), она включает в себя Киевскую и Галицко-Волынскую летопись, заканчивающуюся 1292 годом⁹.

Почти все летописные своды начинаются древнейшей русской летописью, названной «Повесть временных лет» (ПВЛ). Свое название она получила от заголовка, которым и начинается произведение: *«Се повести времяньных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто въ Кieve нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть»*¹⁰. По существу, это первое из дошедших до нас описание и осмысление древнейшей истории нашего народа.

⁵ Лаврентьевская летопись//ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 487 - 488.

⁶ Шахматов АЛ. Обзорение русских летописных сводов XIV - XVI вв. М.; Л., 1938.

⁷ Лаврентьевская летопись// ПСРЛ М., 1962. Т. 1.

⁸ Новгородская летопись//ПСРЛ.М., 1962. Т.2.

⁹ Ипатьевская летопись// ПСРЛ. М., 1962. Т.2.

¹⁰ ПВЛ// Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М., 1978. С.22.

История изучения ПВЛ насчитывает уже свыше 200 лет. Пальму первенства в ее исследовании следует отдать двум талантливым историкам XVIII века, заложившим основы изучения летописей и написания российской истории. Я имею в виду А. Шлёцера – немецкого историка, долгое время работавшего в Российской академии наук и посвятившего свыше 40 лет изучению русских летописей, и В.Н. Татищева – последнего летописца России и одного из первых ее историков, создавшего монументальную для своего времени «Историю Российскую»¹¹. В данной работе я не ставлю перед собой задачу дать подробную историю исследования ПВЛ. Выделю только некоторые, как мне кажется, узловые вопросы ее изучения.

Большинство исследователей XVIII – XIX вв. считали ПВЛ единым памятником, составителем которого был монах Киево-Печерского монастыря Нестор. И только со временем ученые пришли к выводу, что ПВЛ – это летописный свод, очень сложный по своему составу, включающий в себя большое количество источников и создаваемый на протяжении длительного периода. Особенно здесь нужно отметить громадную работу академика А.А. Шахматова¹². На рубеже веков им была создана блестящая теория становления русского летописания, о составе и источниках ПВЛ, о ее авторстве и т.д. Теория, во многом предопределившая направления поиска и изучения ПВЛ и не потерявшая своего научного значения и сегодня.

Прежде чем перейти к истории создания ПВЛ, следует рассмотреть источники, на базе которых создавалось это произведение. Условно круг источников можно разбить на несколько типов. Здесь мы разберем лишь некоторые, наиболее важные для нашей работы.

¹¹ Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1.

¹² Шахматов А. А. О Начальном Киевском летописном Своде. М, 1897; его же. Разыскания о древнейших русских летописных Сводах. СПб., 1908; его же. «Повесть временных лет», Пг., 1916. Т. 1; его же. «Повесть временных лет» и ее источники// ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т.IV; его же. Обзорение русских летописных сводов XIV – XVI вв. М.; Л. Л 940.

1. Византийский и болгарские источники. Они объединены в один тип, т.к. большинство византийских источников использовано в ПВЛ через болгарские переводы.

Хроника Григория Амартола и его продолжателя. Одна из самых популярных византийских хроник, была написана монахом Григорием Амартолой около 867 года и включает в себя всемирную историю до 842 года. Через древнеболгарский перевод хроника получила широкое распространение на Руси уже в X – XI вв. Летописец прекрасно знает эту хронику и заимствует целые куски-вставки, цитируя при этом автора: «*Глаголеть Георгий в летописании*», Из хроники Григория в ПВЛ попало описание распределения земель между сыновьями Ноя, рассказ о вавилонском столпотворении, этнографическое описание народов и их обычаев.

Неизвестный продолжатель хроники Григория довел ее описание до 948 года, года смерти византийского императора Романа. Из этого источника русский летописец взял рассказ о нападении Руси на греков при Аскольде и Дире в 866 году и ряд других событий. Всего А.А. Шахматов выделяет 26 заимствований, попавших в ПВЛ из хроники Григория и его продолжателя.¹³

Летописец патриарха Никифора (или в русских текстах называемый «*Летописцем вскоре*») излагает всемирную историю до 829 года. Из него в русскую летопись попали прежде всего хронологические выкладки, Причем на Руси был известен болгарский перевод летописца с изложением некоторых моментов болгарской истории. Вот почему в ПВЛ попали тексты о крещении болгарской земли, походе угров на болгар и ряд других известий. «*Въ лето 6360 (852 г.) индикта (промежуток времени в 15 лет у византийцев) 15, начению Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семь бо уведохомъ, яко при сем цари приходиша Русь на Царьгородъ, якоже пишется в летописаньи гречьстемъ*»¹⁴. Это собственно первая хроно-

¹³ Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники... С. 41 -61.

¹⁴ ПВЛ. Указ. соч. С. 102.

логическая привязка истории Руси в ПВЛ, попытка привязать ее к мировой истории.

«*Житие Василия Нового*». Из него составитель ПВЛ почти полностью берет рассказ под 6449 (941 г.) о походе Игоря на Царьград, вставляя только в начале рассказа имя Игоря и несколько смягчая стиль повествования¹⁵.

Бесспорно переводной характер носит источник, получивший условное название «*Речь философа*», с которой к князю Владимиру Святославичу обратился греческий миссионер во время знаменитого выбора веры, Начинается она со слов: «*И нача философъ глаголати сице...*»¹⁶. В ней излагаются догматы христианской религии, рисуется библейская картина мира. По всей видимости, это также известный перевод древнеболгарского источника, т.к. в греческих хрониках есть рассказ о крещении болгарского царя Бориса и воздействии на него картиной страшного суда греческого философа.

II. Договоры русских с греками являются одним из важнейших источников по истории Руси X века. Они содержат тексты договоров, заключенных Олегом, Игорем, Святославом с Византией в 907, 911, 945, 971 гг. Это по существу первые из дошедших до нас юридических актов молодого государства, позволяющие понять и социально-политическую, и правовую основу Древней Руси X века. Сами договоры стали результатом военных действий Руси против Византии и отражают разные степени уступок со стороны Византии. Их можно также назвать и актами дипломатического признания Руси крупнейшей мировой империей X века. Договоры составлялись в 2-х экземплярах: один от имени императора на греческом языке, другой на языке страны, заключающей договор, от имени ее правителя: «*Мы от рода рускаго*»¹⁷. Очевидно, славянские переводы текстов, хранившиеся в княжеских архивах, стали доступны летописцу и включены им в сетку событий X века.

¹⁵ Шахматов АЛ. «Повесть временных лет» и ее источники //С. 41-61

¹⁶ ПВЛ. Указ. соч. С. 102.

¹⁷ ПВЛ. Указ. соч. С. 60.

*Легенда об апостоле Андрее.*¹⁸ Это один из ярких примеров, как летописец «подгоняет» известные легенды к русской истории. Предания об апостоле Андрее были широко распространены в Причерноморье и возникли задолго до формирования русского летописания. Очевидно, в Корсуни сложился цикл легенд о посещении этого города учеником Христа и о его проповедях. Русский книжник смело берет эти легенды, расширяет хождения апостола и направляет Андрея по пути «Из Варяг в Греки», в Русь и Словены. На Киевских горах (примерно за полтысячелетия до возникновения поселения) Андрей предрекает возникновение здесь города – «*Матери городов русских*» – и, воздвигая крест, пророчествует (примерно за 900 лет до принятия христианства) о снисхождении здесь благодати Божьей. В словенской земле зафиксирован лишь красочно-удивленный рассказ о словенских банях. Однако в этой легенде происходит слияние двух каких-то повествований, связанных с Андреем. От славян путь Андрея лежит по Варяжскому (Балтийскому) морю через Северную Европу, Атлантику, Средиземное море в Рим, Достаточно проанализировать маршрут Андрея из Синопа в Рим, чтобы понять всю «натяннутость» легенды применительно к Руси.

Ш. Древнерусские источники.

Героические сказания, легенды, дружинные песни. Круг их, особенно в начальной части ПВЛ, необычайно велик. Когда автор летописи испытывает недостаток в исторической информации, он смело обращается к фольклору, к этой сокровищнице народной памяти. Легендарный характер носит рассказ об основании Киева. Причем, во время составления летописи существовало как минимум два варианта легенды. Один из них утверждал Кия князем, другой – перевозчиком через Днепр. Летописец с негодованием отвергает второй вариант словами: «*Ини же, не сведуще, рекоша, яко Кий есть перевозникъ быль...*».¹⁹

¹⁸ Там же. С. 26

¹⁹ Там же. С. 28

Легенда о братьях, основателях того или иного города, – широко распространенный сюжет как в античном, так и в средневековом мирах. Поэтому не случайно в ПВЛ важные темы связываются с легендарными братьями. Так, происхождение вятичей и радимичей идет от легендарных братьев Вятко и Радима – «из ляхов»; возникновение столицы государства города Киева – от трех братьев Кия, Щека, Хорива и их сестры Лыбедь; возникновение правящей династии Рюриковичей связано с именами трех варяжских братьев Рюрика, Синеуса и Трувора, пришедшими «из-за моря».

Отражением устного народного эпоса являются рассказы о первых киевских князьях. Более того, сказания во многом превалируют над историческими реалиями. Олег захватывает Киев и убивает Аскольда и Дира при помощи хитрости, спрятав своих воинов в ладьях и притворившись купцами. Этот широко распространенный фольклорный сюжет у многих народов заставляет задуматься об историчности рассказа.

Вообще образ Олега большей частью фольклорный. В летописи исторические события расцветают многогранными красками эпоса. Достаточно перечислить «подвиги» Олега: это и легендарный штурм Царьграда на судах, поставленных на колеса, с распущенными парусами (интересно было бы смоделировать эту ситуацию) и, разгадка хитросплетений греков, в результате которой князь сравнивается со святым Димитрием, и легендарный щит на воротах Царьграда. В результате «и прозваша Олга – вещим»²⁰ – кудесником, волшебником. И, наконец, финал правления Олега – гибель от коня, так великолепно воспетая А.С. Пушкиным. На самом деле это пересказ широко распространенной скандинавской саги о богатыре Орвар-Одде и его коне Такси. Только в скандинавской былине герой погибает от укуса ящерицы, а не змеи.

Легендарный характер носит жизнеописание жены Игоря Ольги. Ее месть яркая и запоминающаяся. Но при более внимательном анализе выясняется, что все составные части мести: убийство послов в ладьях, поджег бани, где мылось второе посольство древлян, кровавая

²⁰ Там же. С. 46

тризна на могиле Игоря, взятие города Искоростень при помощи птиц – находят себе параллели в скандинавских сагах о Гаральде, Ниале, Стире и др. Стоит также обратить внимание на одну деталь: каждый этап мести соответствует одному из элементов славянского языческого погребального обряда. Древляне сватают Ольгу за своего князя Мала, и здесь происходит слияние свадебной и погребальной обрядностей. Свадебные обряды требуют и решения загадок, от правильности которых зависит жизнь жениха и сватов (сюжет достаточно хорошо известный в русских сказках). Древляне не разгадали предложенных Ольгой условий, за что и поплатились жизнью.

Как образец смешения исторического факта и легенд можно привести пример с эпизодом крещения Ольги. Летописец знал о поездке Ольги в Константинополь, знал, что Ольга одной из первых на Руси приняла христианство, но обстоятельства и подробности этих фактов время уже не сохранило. Более того, все, что связано с Ольгой, обросло вымыслами и догадками, приобрело некую опозитизированную форму. Вот почему в ПВЛ содержится удивительное и невероятное повествование о визите Ольги в Царьград, о сватовстве к ней императора Иоанна Цимисхия, о крещении русской княгини императором и патриархом и о том, как их Ольга *«переклюкала»*, перехитрила. Летописца не смущает ряд деталей, для него важно создать образ мудрой правительницы, христианки, принявшей крещение из рук первых лиц Византии.

Дружинным эпосом насквозь пронизано в ПВЛ правление Святослава. Он – часть своей дружины, неразделен с ней, делит с воинами все превратности ратного быта. Образ Святослава становится синонимом русской ратной славы. Его прямой вызов врагам *«Хочю на вы ити»*²¹ и легендарное *«да не посрамимъ земле Руские, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ»*²² через века несут несокрушимую силу нашего народа. Очевидно, рассказы о князе Святославе составили особый цикл воинских песен и передавались из поколения в поколение.

²¹ Там же. С. 78

²² ПВЛ. Указ. соч. С. 84.

Князь Владимир Святославич, легендарный Владимир Красное Солнышко, Владимир Равноапостольный – человек, стоящий на стыке двух эпох: Руси языческой и христианской. Его жизнь также мало известна летописцу и большей частью передана в виде былин, легенд. Это, прежде всего, летописное известие о женитьбе Владимира на Рогнеде, так созвучное с былиной о Добрыне-свате, описание знаменитых дружинных пиров князя Владимира, сказания о Кожемяке и белгородском киселе. Особенно выделяется блок легенд о крещении князя. В памяти людской стерлись время и обстоятельства принятия христианства Владимиром, остались лишь туманные отголоски, воплощенные в легенды. У составителя ПВЛ имелось по крайней мере три версии крещения Владимира, но он выбирает Корсуньскую легенду и твердо следует ей.

В качестве источников выделяют еще две группы. Это исторические повести и житийная литература. **Исторические повести** включены в ПВЛ как составная часть общего повествования. В отличие от сказаний они писались современниками и содержат более расширенную информацию о происходивших событиях. Наиболее яркой и запоминающейся является «Повесть об ослеплении Василька Тербовльского». Написанная сочным и очень колоритным языком, она представляется самостоятельным произведением. Но, войдя в ПВЛ под 1097 годом, повесть стала частью и хроникой сложных событий, развернувшихся после Любечского съезда.

В рамках **житийной литературы** в ПВЛ²³ помещены рассказы агиографического плана. Это повествования о первых русских мучениках-варягах, сказание о Борисе и Глебе, о просветительской деятельности князя Ярослава. Из общего фона их выделяет своеобразие, жанра, единство стиля, что дало возможность Д.С. Лихачеву выделить их в особый цикл, названный им «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси»²⁴. Помимо названных рас-

²³ Там же. С. 248-255.

²⁴ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 62-76.

сказов, по мнению автора, в сказания вошли рассказы о крещении Ольги, о крещении Руси, о просветительской деятельности Ярослава, что явилось первой попыткой создания литературного произведения о христианизации Руси.

Теперь рассмотрим *этапы становления русского летописания*. А.А. Шахматов блестяще знал содержание всех летописных сводов. Им было обращено внимание на различия, имеющиеся в различных летописях. Так, текст ПВЛ, читаемый в Лаврентьевском и Ипатьевском сводах, существенно отличается от Новгородского трактовкой событий. В последнем нет текста договоров с греками. Олег назван воеводой при князе Игоре, по иному описывается поход Руси на Царьград и др. Таким образом, в результате применения сравнительно-типологического метода родилось исследование громадной важности, реконструирующее начальные этапы русского летописания.

Наглядно схему становления ПВЛ по А.А. Шахматову можно представить следующим образом (см. стр. 26).

I этап. Летопись создается в период необычайно бурного подъема страны, 30 – 50-е гг. XI века – высший пик развития Древнерусского государства. Князь Ярослав Владимирович добился объединения Русской земли, значительно укрепил ее внутренние устои, возвысил ее внешнеполитический статус. При помощи брачных союзов он устанавливает дипломатические отношения со многими государствами Европы, в том числе и с Византией.

В 1039 году Ярослав добивается создания русской митрополии в составе Константинопольской патриархии, и на Русь приезжает митрополит – грек Феопемпт. Создание митрополии еще больше упрочило социально-политический статус государства и его правителя.

Политические претензии молодого государства явственно читаются в знаменитом «Слове о Законе и Благодати» Илариона, написанного примерно в то же время, что и летопись. В нем утверждается величие молодого государства, его равноправие с Византией. Приняв от Византии Закон – Христианство, как утверждал Иларион, Русь приобрела Божественную Благодать. На Руси были свои христиан-

ские подвижники (княгиня Ольга), своим личным примером побуждавшие народ на принятие христианства; были свои мученики (варяги: отец и сын), пострадавшие за веру в борьбе с язычниками; были свои святые (князья Борис и Глеб), не преступившие христианских заповедей; был и свой Равно-апостольный князь Владимир, крестивший Русь.

Эти мысли Ярослав стремится закрепить и пышным строительством. В Киеве строятся величественные Золотые Ворота, которые должны были символизировать величие государства, создаются по примеру Константинопольского Софийские соборы в Киеве и Новгороде, чтобы Благодать Божья поселилась на Русской земле. Встретив сопротивление со стороны Византии, Ярослав идет с ней на разрыв отношений и в 1051 году назначает, «*собрав епископы*», собственного митрополита «*из русин*», известного нам Илариона.

«Русская летопись родилась в той атмосфере борьбы за свою культурную и политическую самостоятельность, которая пронизывала собой всю эпоху Ярослава»²⁵, – эта мысль Д.В. Лихачева лучше всего подтверждает обстановку создания летописи. Она создается по примеру византийских хроник и болгарских летописей, причем одновременно в двух центрах Руси – Киеве и Новгороде. Собственно это еще не летопись, в ней нет еще хронологической разбивки по годам. Это сборник рассказов о начальной истории государства, в которую вошли исторические предания, легенды, материалы греческой переводной хроники.

Завершается повествование обширной похвалой христианской деятельности князя Ярослава. Возможно, что составителем этого произведения, названного А.А. Шахматовым «*Древнейшим Киевским Сводом*», был сам Иларион. Одновременно в Новгороде создается собственное летописание, оформленное в 1050 году в «*Древний Новгородский Свод*».

²⁵ Там же. С. 58

II этап русского летописания падает на 60 – 70-е годы XI века и связывается, по А.А. Шахматову, с деятельностью монаха Киево-Печерского монастыря Никона-Илариона.

После смерти Ярослава его преемник Изяслав вынужден был пойти на уступки Византии и уступить митрополичью кафедру греку. В 1055 году митрополитом становится Ефрем. Изгнанный Иларион постригается в Киево-Печерский монастырь под именем Никона и в стенах этого монастыря продолжает начатую им работу над летописным сводом²⁶, В Киево-Печерском патерике Никон изображен как великий летописец, «*сидящу и строшу книги*». В монастыре Никон проводил ярко выраженную антигреческую политику, что вызвало большое недовольство князя Изяслава и митрополита-грека. В результате он вынужден был бежать из Киева в далекую Тмуторокань, где основал новый монастырь, и скоро становится одним из авторитетнейших людей этого княжества. Никон продолжает свою любимую работу. Он собирает материалы по современной ему истории Тмуторокани, записывает легенды, сказания, рассказы известных людей (например, новгородца Вышаты). Вернулся Никон на Русь в 1074 году, затем был избран в игумены Киево-Печерского монастыря, где и умер в 1088 году.

А.А. Шахматов обратил внимание, что за период 60-х годов XI века в ПВЛ отсутствуют киевские события, но зато выделяется большой блок записей о Тмутороканском княжестве. Он связал это с жизнедеятельностью Никона-Илариона и пришел к выводу, что именно этот человек продолжил работу над русским летописанием. Им был создан труд, названный А.А. Шахматовым «*Первым Киево-Печерским Сводом*». В него вошли рассказы древнейшего Киевского Свода и сообщения о событиях, произошедших после смерти Ярослава, где основной упор был сделан на Тмутороканские эпизоды. Вот почему в тексте ПВЛ имеются такие яркие рассказы, написанные, конечно, современником, а может быть, и очевидцем, о борьбе за Тму-

²⁶ Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв. СПб., 1913. С. 181 - 184.

торокань Ростислава Владимировича с Глебом Святославичем, об отравлении Ростислава греческим наместником (котопаном).

Через Никона в ПВЛ попали и местные (Тмутороканские) фольклорные рассказы минувших дней о князе Мстиславе Владимировиче и его борьбе с касожским князем Редедею, корсуньская легенда о крещении князя Владимира Святославича.

Никон не только собирал материал, но и упорядочивал систему его подачи. Очевидно, под влиянием пасхальных хронологических таблиц появилось расположение материала в форме погодных записей. «Соединив устные предания – киевские, киево-печерские, северочерноморские, новгородские – с данными «Сказаний о первых русских христианах», Никон создал первую систематическую историю русского народа», – отмечает Д.С.Лихачев²⁷.

III этап русского летописания относится к середине 90-х годов XI века. В это время в Киево-Печерском монастыре продолжается работа, начатая Никоном, и где-то в 1095 году на основании слияния «Первого Киево-Печерского Свода» и «Древнего Новгородского Свода» (1050 г.) появляется «*Второй Киево-Печерский Свод*». А.А. Шахматов назвал его «*Начальным Сводом*» и считал, что он лучше всего сохранился в составе 1-й Новгородской летописи. Мы не знаем, кто был автором этого свода, знаем только, что эта работа проводилась в монастыре при игумене Иване.

Автор «Начального Свода» дополнил летопись Никона событиями 70 – 90-х годов, включил в нее выдержки из византийского хронографа. Он широко применяет рассказы очевидцев, прежде всего Яня Вышатича (например, его рассказ об усмирении волхвов в Белоозере), использует «Житие Антония Печерского» и ряд других источников.

IV этап характерен тем, что именно в это время летопись приобретает свою структуру и становится законченным произведением. Автором его является монах Киево-Печерского монастыря Нестор, имя которого читается в одном из списков летописи Хлебниковском, где есть запись: «*Повесть временных лет Нестора черноризца*». О

²⁷ Лихачев Д.С. Русские летописи... С. 90.

Несторе-черноризце Феодосьева, т.е. Киево-Печерского монастыря, говорит и Ипатьевская летопись.

О Несторе известно, к сожалению, очень мало. Поселился он в Киево-Печерском монастыре при игумене Стефане в 1074 – 1078 гг., им же был посвящен в дьяконы этого же монастыря. Большинство исследователей признают за Нестором авторство произведений, написанных где-то в 1081 – 1088 гг., – «*Житие Бориса и Глеба*» и «*Житие Феодосия Печерского*».

В Киево-Печерском монастыре Нестор продолжил славную традицию летописания. Им был отредактирован труд 90-х годов XI века, исправлен ряд рассказов, осуществлено дополнение в начальную часть летописи. Так, по мнению А. А. Шахматова, им было вставлено этнографическое описание в рассказе о расселении славян, включены извлечения из хроники Георгия Амартолы, тексты договоров с греками, введена четвертая мечь Ольги, выверена хронология.

Особое место в летописи занимает описание событий конца XI – начала XII веков, времени правления Святополка Изяславича, собранные самим Нестором. Он обстоятельно излагает сведения о перенесении мощей Феодосия, о набеге половцев на Киево-Печерский монастырь в 1096 году, о победе Святополка над половцами в 1107 году. Свое повествование Нестор довел до 1113 года – года смерти Святополка.

Отношения между великим князем и Киево-Печерским монастырем складывались по-разному. Поначалу очень напряженные, затем Святополк помирился с монахами и оказывал всемерное благорасположение этому монастырю. Естественно, что монахи отвечали ему тем же. Вот почему летопись Нестора была написана в выгодном великому князю свете, возвеличивая его, унижая его противников. Труд Нестора получил название «*Повесть временных лет*» от начальных слов его заголовка, о чем выше было сказано. Эта грандиознейшая для своего времени работа создает широкую панораму истории Руси с древнейших времен до начала XII века. Мастерски владея материалом, Нестор выводит эпическую историю славян и ранней Руси из всемирной истории, подчеркивая идею единства народов,

общности их судеб. Широкая эрудиция позволила автору превратить историческую часть летописи в историко-литературное повествование, где факты истории излагались в виде историко-публицистических рассказов с их общеобразовательными и нраво-учительными задачами. ПВЛ изначально выходит за рамки хроники и представляет читателю широчайший спектр политических, философско-религиозных, нравственных проблем Древнерусского государства. К сожалению, сам труд Нестора до нас не дошел. Он сохранился лишь в переделках более поздних авторов.

V этап русского летописания связан как раз с одной из редакций ПВЛ Нестора. После смерти Святополка Изяславича и последовавшего за этим восстания киевлян в 1113 году, в Киев был приглашен княжить Владимир Всеволодович Мономах. Он был основным политическим противником княжеской линии Святополка, поэтому, став великим князем, попытался изменить ситуацию. Им был создан новый кодекс законов – *«Устав Владимира Всеволодовича»*, изъято из Киево-Печерского монастыря русское летописание. Право записывать и оформлять политическую историю государства было поручено придворному Выдубицкому монастырю и его игумену Сильвестру. Естественно, что летопись подверглась редактированию. Причем, как отмечают исследователи, изменения коснулись только 90-х годов XI – начала XII вв. – времени Святополка Изяславича.

Все тексты, где Святополк представляется в положительном свете, подверглись переписыванию, да так, что он теперь выглядел чуть ли не как новый Святополк Окаянный. В то же время Владимир Мономах предстает перед читателями в роли защитника Русской земли, заботящегося о ее народе. Сильвестр вставляет в текст рассказ об ослеплении Василька Теробовльского после Любечского совета в 1097 году. В нем он обличает Святополка в причастности к этому вероломному акту и рисует Владимира переживающим за судьбы Русских земель, за установление братских отношений между князьями.

Вообще трудно сказать, был ли Сильвестр редактором и переписчиком летописи или лишь только возглавлял как игумен эту работу. Мог ли игумен сам, заниматься перепиской и редактированием

летописей? Скорее всего мог. Такое важное и значимое дело, порученное великим князем мог лично осуществлять сам игумен, ведь есть примеры, что даже сам митрополит Петр с удовольствием занимался своим любимым делом – написанием икон.

Сильвестр убрал из текста летописи имя Нестора и вставил свое, тем самым как бы обозначил себя автором ПВЛ. Отредактированный текст читается в составе Лаврентьевской летописи: *«Игумень Сильвестръ святаго Михаила написах книги си Летописецъ, надеяся от бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святаго Михаила въ 6624, индикта 9 лета. А иже чтеть книги сия, то буди ми въ молитвахъ»*²⁸.

VI этап. В 1118 году ПВЛ подвергалась еще одной и последней редакции. И связано это с именем сына Владимира Мономаха – Мстиславом, который, став Новгородским князем, приказал усилить новгородскую направленность летописания, вставив туда ряд рассказов с новгородскими событиями.

Таким образом, мы видим, что «Повесть временных лет» – очень сложное по своему составу произведение, создаваемое в течение длительного времени, разными авторами. Вклад их в написание ПВЛ различный; но думается, что перед Историей они все равновелики, и их труд нужно знать и помнить, «помяная в молитвах», как говорил Сильвестр, каждого поименно.

В ПВЛ структурно помещен еще один вид источника по истории Древнерусского государства, «Договоры русских с греками X века». Они являются необычайно важным источниковым материалом для изучения ранних этапов становления древнерусской государственности.

По существующей в исторической науке классификации источников, они относятся к актовым материалам. Под актами понимаются лишь те материалы, которые устанавливают определенные правоотношения между контрагентами сделки. В этом их принципиальное отличие от законодательных памятников. Законы устанавливают, формулируют правовые нормы, а акты лишь используют их.²⁹ Этот

²⁸ ПВЛ. Указ. соч. С. 276.

²⁹ Источниковедение. Учебное пособие для гуманитарных специальностей. М., 2000, с.249.

тезис ярко подтверждается договорами русских с Грецией X века. Русские, в выработке своих правовых отношений, опираются на «Закон Русский», греки – на соответствующие византийские законодательства. До нас не дошел «Закон Русский» (упоминания о нем помимо договоров есть и в «Русской Правде», о которой разговор пойдет ниже), и мы не знаем как выглядела (и была ли она вообще) система законодательства формирующегося Древнерусского государства. Анализируя дошедшие до нас источники, мы по крупицам восстанавливаем законодательную базу и через это анализируем социально-экономические отношения, политический строй начальных веков Древнерусского государства.

Необходимо отметить, что оригинальных текстов договоров не сохранилось, все они дошли до нас в составе «Повести временных лет» (ПВЛ) и отсутствуют в византийских источниках. Сегодня практически невозможно ответить на вопрос, как попали договоры в состав ПВЛ. Важным моментом является понимание того, что летопись создавалась в конце XI – начале XII вв. Поэтому возможно, что ряд терминов, выражений не являются характерными для X века и дошли до читателя в переложении поздних переписчиков.

Все договоры являлись результатом и следствием военных действий, что вела Русь против Византии в X веке. В ПВЛ под 907 годом описан поход объединенных сил князя Олега на Константинополь. Описание похода удивительно красочное и во многом фантастическое.³⁰ Не вдаваясь здесь в детали, отметим, что Олег почти захватил Царьград и заставил греков заключить выгодное для себя соглашение. Далее в ПВЛ содержится текст договора 907 года.³¹ Под 912 годом летописец говорит о визите в Константинополь делегации Олега и заключения мирного соглашения.³² Таким образом договоры 907 и 912 годов являлись результатом победоносных действий князя Олега в Византии. Правда в отечественной и зарубежной историографии по поводу существования двух договоров Олега сложились две противо-

³⁰ ПВЛ... с.44 – 45.

³¹ Там же... с. 44 – 47.

³² Там же... с. 46 – 53.

положительные точки зрения. Одни исследователи отрицают самостоятельность договора 907 года, считая его лишь преамбулой текста 912 года. Нам представляется более убедительной точка зрения ученых, отстаивающих самостоятельность двух договоров и вместе с тем их взаимозависимость.³³

Договор 944 года является результатом неудачных действий князя Игоря против греков. В ПВЛ под 941 годом дается описание грандиозного похода князя, закончившегося катастрофическим исходом.³⁴ Второй поход под 944 годом фактически не состоялся. Греки, узнав о его приготовлениях, попросту откупились. В ПВЛ под 945 годом содержится текст договора, заключенного между Русью и Византией.³⁵

Договор 971 года по своей форме резко отличается от предшествующих. Он не содержит в себе обещания двух сторон, а это скорее односторонняя клятва Святослава по отношению к Византии. И это объяснимо. В ходе Балканской кампании Святослав потерпел поражение, и заключенное соглашение гарантировало ему право отступления на Русь. Русско-византийская война 970 – 971 гг. изложена не только в ПВЛ.³⁶ Подробное ее описание (взгляд с другой стороны) содержится в византийских источниках и прежде всего в описании Льва Диакона.³⁷

Таким образом, договоры русских с греками X века, разные по форме, содержанию, условиям заключения, содержат в себе удивительную информацию о дипломатических отношениях двух сторон на протяжении столетия. Являясь древнейшими русскими актами, они содержат бесценную информацию о ранних этапах Древнерусского государства. Именно поэтому мы, в курсе отечественной истории, выносим на изучение и обсуждение эти документы.

³³ Сахаров А.Н. Русско-Византийский договор 907 г.: реальность или вымысел летописца? // В. И. – 1978. - № 2,3.

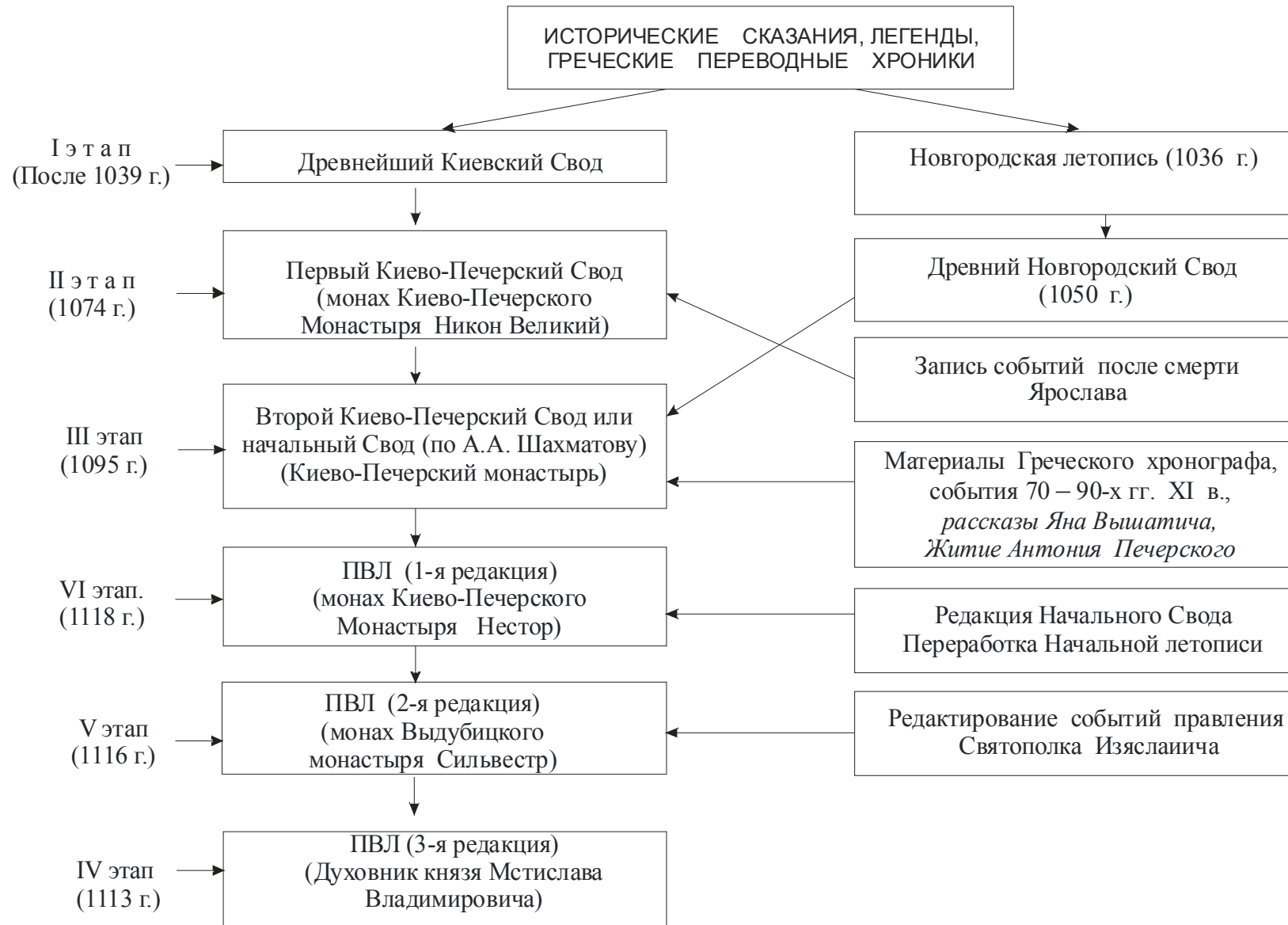
³⁴ ПВЛ... с. 58 – 59.

³⁵ Там же... с. 60 - 69.

³⁶ Там же... с. 84 - 89.

³⁷ Лев Диакон. История. М. 1988, с. 121 – 133.

Этапы становления древнерусского летописания

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Печатается по: «Памятники литературы Древней Руси XI начало XII в.». – Москва : Художественная литература, 1978.

Вот повести минувших лет, откуда пошла Русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла Русская земля.

Так начнем повесть сию.

По потопе трое сыновей Ноя разделили землю Сим, Хам, Иафет. И достался восток Симу: Персия, Бактрия, даже и до Индии в длину, а в ширину до Ринокорура, то есть от востока и до юга, и Сирия, и Мидия до реки Евфрат, Вавилон, Кордуна, ассирияне, Месопотамия, Аравия Старейшая, Елимаис, Инди, Аравия Сильная, Колия, Комагина, вся Финикия.

Хаму же достался юг: Египет, Эфиопия, соседящая с Индией, и другая Эфиопия, из которой вытекает река эфиопская Красная, текущая на восток, Фивы, Ливия, соседящая с Киринией, Мармария, Сорт, другая Ливия, Нумидия, Масурия, Мавритания, находящаяся против Гадира. В его владениях на востоке находятся также: Киликия, Памфилия, Писидия, Мизия, Ликаония, Фригия, Камалия, Ликия, Кария, Лидия, другая Мизия, Троада, Эолида, Вифания, Старая Фригия и острова некие: Сардиния, Крит, Кипр и река Геона, иначе называемая Нил.

Иафету же достались северные страны и западные: Мидия, Албания, Армения Малая и Великая, Каппадокия, Пафлагония, Галатия, Колхида, Босфор, Меоты, Деревья, Сарматия, жители Тавриды, Скифия, Фракия, Македония, Далматия, Малосия, Фессалия, Локрида, Пеления, которая называется также Пелопоннес, Аркадия, Эпир, Иллирия, славяне, Лихнития, Адриакия, Адриатическое море. Достались и острова: Британия, Сицилия, Эвбея, Родос, Хиос, Лесбос, Китира, Закинф, Кефаллиния, Итака, Корсика, часть Азии, называемая Иония, и река Тигр, текущая между Мидией и Вавилоном; до Понтийского моря на север: Дунай, Днестр, Кавкасинские горы, то есть Венгерские, а оттуда до Днепра, и прочие реки: Десна, Припять, Двина, Волхов, Волга, которая течет на восток в страны Сима. В странах же

Иафета сидят русские, чудь и всякие народы: меря, мурома, весь, мордва, заволочская чудь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимигола, корсь, летгола, ливы. Ляхи же и пруссы, чудь сидят близ моря Варяжского. По этому морю сидят варяги: отсюда к востоку – до пределов Сима, сидят по тому же морю и к западу – до земли Английской и Волошской. Потомство Иафета также: варяги, шведы, норманны, готы, русь, англы, галичане, волохи, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, гонуэзцы и прочие, – они примыкают на западе к южным странам и соседят с племенем Хамовым.

Сим же, Хам и Иафет разделили землю, бросив жребий, и порешили не вступать никому в долю брата, и жили каждый в своей части. И был единый народ. И когда умножились люди на земле, замыслили они создать столп до неба, – было это в дни Иоктана и Фалека. И собрались на месте поля Сенаар строить столп до неба и около него город Вавилон; и строили столп тот сорок лет, и не свершили его. И сошел Господь Бог видеть город и столп, и сказал Господь: «Вот род един и народ един». И смешал Бог народы, и разделил на семьдесят и два народа, и рассеял по всей земле. По смешении же народов Бог ветром великим разрушил столп; и находятся остатки его между Ассирией и Вавилоном, и имеют в высоту и ширину 5433 локтя, и много лет сохраняются эти остатки.

По разрушении же столпа и по разделении народов взяли сыновья Сима восточные страны, а сыновья Хама – южные страны, Иафетовы же взяли запад и северные страны. От этих же семидесяти двух язык произошел и народ славянский, от племени Иафета – так называемые норики, которые и есть славяне.

Спустя много лет сели славяне по Дуная, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест, на которых сели. Так одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались морава, а другие назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян дунайских, и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и про-

звались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи – лутичи, иные – мазовшане, иные – поморяне.

Также и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие – древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами, по речке, впадающей в Двину, по имени Полота, от нее и получили название полочане. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем – славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались северянами. И так разошелся славянский народ, а по его имени и грамота назвалась «славянская».

Когда же поляне жили отдельно по горам этим, тут был путь из Варяг в Греки и из Грек по Днепру, а в верховьях Днепра – волок до Ловоти, а по Ловоти можно войти в Ильмень, озеро великое; из этого же озера вытекает Волхов и впадает в озеро великое Нево, и устье того озера впадает в море Варяжское. И по тому морю можно плыть до Рима, а от Рима можно приплыть по тому же морю к Царьграду, а от Царьграда можно приплыть в Понт море, в которое впадает Днепр река. Днепр же вытекает из Оковского леса и течет на юг, а Двина из того же леса течет, и направляется на север, и впадает в море Варяжское. Из того же леса течет Волга на восток и впадает семьюдесятью устьями в море Хвалиское. Так из Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвалисы, и дальше на восток пройти в удел Сима, а по Двине – в землю Варягов, от Варяг до Рима, от Рима же и до племени Хама. А Днепр впадает устьем в Понтийское море; это море слывет Русским, – по берегам его учил, как говорят, святой Андрей, брат Петра.

Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуни устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и проплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: «Видите ли горы эти? На этих

горах воссияет Благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей». И взошел на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев, и отправился по Днепру вверх, И пришел к славянам, где нынче стоит Новгород, и увидел живущих там людей – каков их обычай и как моются и хлещутся, и удивился им. И отправился в страну варягов, и пришел в Рим, и поведал о том, как учил и что видел, и рассказал: «Удивительное видел я в Славянской земле на пути своем сюда. Видел бани деревянные, и разожгут их докрасна, и разденутся, и будут наги, и обольются квасом кожевненным, и поднимут на себя прутья молодые и бьют себя сами, и до того бьют, что едва вылезут, чуть живые, и обольются водою студеною, и только так оживут. И творят это всякий день, никем же не мучимые, но сами себя мучат, и то совершают омовенье себе, а не мученье». Те же, слышав об этом, удивлялись; Андрей же, побыв в Риме, пришел в Синоп.

Поляне же жили в те времена отдельно и управлялись своими родами; ибо и до той братии (о которой речь в дальнейшем) были уже поляне, и жили они родами на своих местах, каждый управлялся самостоятельно. И были три брата: один по имени Кий, другой Щек, и третий – Хорив, а сестра их была Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая нынче зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, которая прозвалась по нему Хоривицей. И построили городок во имя старшего своего брата и назвали его Киев. Был кругом города лес и бор велик, и ловили там зверей, и были те мужи мудры и смыслены, и назывались они полянами, от них поляне и донныне в Киеве.

Некоторые же, не зная, говорят, что Кий был перевозчиком; был-де тогда у Киева перевоз с той стороны Днепра, отчего и говорили: «На перевоз на Киев». Если бы был Кий перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду; а между тем Кий этот княжил в роде своем, и ходил он к царю, и великие почести воздал ему, говорят, тот царь, при котором он приходил. Когда же возвращался, пришел он на Дунай, и облюбовал место, и срубил городок невеликий, и хотел сесть в

нем со своим родом, да не дали ему близживущие; так и доньше называют придунайские жители городище то – Киевец. Кий же, вернувшись в свой город Киев, тут и умер; и братья его Щек и Хорив и сестра их Лыбедь тут же скончались.

И по смерти братьев этих потомство их стало держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у славян в Новгороде свое, а другое на реке Полоте, где полочане. От этих последних произошли кривичи, сидящие в верховьях Волги, и в верховьях Двины, и в верховьях Днепра, их же город – Смоленск; именно там сидят кривичи. От них же происходят и северяне. А на Белоозере сидит весь, а на Ростовском озере меря, а на Клещине озере также меря. А по реке Оке – там, где она впадает в Волгу, – мурома, говорящая на своем языке, и черемисы, говорящие на своем языке, и мордва, говорящая на своем языке. Вот кто только говорит по-славянски на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане, прозванные так потому, что сидели по Бугу, а затем ставшие называться волынянами. А вот другие народы, дающие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливонцы, – эти говорят на своих языках, они – потомство Иафета, живущие в северных странах.

Когда же славяне, как мы уже говорили, жили на Дунае, пришли от скифов, то есть от хазар, так называемые болгары, и сели по Дунаю, и были насильники славянам. Затем пришли белые угры и наследовали землю Славянскую. Угры эти появились при царе Ираклии, который ходил походом на персидского царя Хоздроя. В те времена существовали и обры, воевавшие против царя Ираклия и чуть было его не захватившие. Эти обры воевали и против славян и примучили дулебов – также славян, и творили насилие женам дулебским: если поедет куда обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трех, четырех или пять жен и вести его – обрина, – и так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, а умом горды, и Бог истребил их, умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и доньше: «Погибли как обры», –

их же нет ни племени, ни потомства. Вслед за этими обрами пришли печенеги, а затем шли черные угры мимо Киева, но было это уже после – при Олеге.

Поляне же, жившие сами по себе, как мы уже говорили, были из славянского рода и только после назвались полянами, и древляне произошли от тех же славян и также не сразу назвались древляне; радимичи же и вятичи – от рода ляхов. Были ведь два брата у ляхов – Радим, а другой – Вятко; и пришли и сели: Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него получили свое название вятичи. И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне волыняне, а уличи и тиверцы сидели по Днестру и соседнили с Дунаем. Было их множество: сидели они прежде по Днестру до самого моря, и сохранились города их и донныне; вот почему греки называли их «Великая Скифь».

Все эти племена имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, и каждые – свой, нрав. Поляне имеют обычаи отцов своих кроткий и тихий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, матерями, и родителями; перед свекровями и деверями великую стыдливость имеют, имеют и брачный обычай: не идет зять за невестой, но приводит ее накануне, а на следующий день приносят за нее – кто что даст. А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как звери, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни и здесь умыкали себе жен по сговору с ними; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, то устраивали по нему тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах при дорогах, как делают и теперь еще вятичи.

Этого же обычая держались и кривичи и прочие язычники, не знающие закона, Божьего, но сами себе устанавливающие закон.

Говорит Георгий в своем летописании: «Каждый народ имеет либо письменный закон, либо обычай, который люди, не знающие закона, соблюдают как предание отцов. Из них же первые – сирийцы, живущие на краю света. Имеют они законом себе обычаи своих отцов: не заниматься любодеем и прелюбодеем, не красть, не клеветать или убивать и, особенно, не делать зло. Таков же закон у бактриан, называемых иначе рахманами или островитянами; эти по заветам прадедов и из благочестия не едят мяса и не пьют вина, не творят блуда и никакого зла не делают, имея великий страх Божьей веры. Иначе – у соседних с ними индийцев. Эти – убийцы, сквернотворцы и гневливы сверх всяком меры; а во внутренних областях их страны – там едят людей, и убивают путешественников, и даже едят как псы. Свой закон у халдеян и у вавилонян: матерей брать на ложе, блуд творить с детьми братьев и убивать. И всякое бесстыдство творят, считая его добродетелью, даже если будут далеко от своей страны.

Другой закон у гилий: жены у них пашут, и строят дома, и мужские подвиги совершают, но и любви предаются сколько хотят, не сдерживаемые своими мужьями и не стыдась; есть среди них и храбрые женщины, умелые в охоте на зверей. Властвуют жены эти над мужьями своими и повелевают ими. В Британии же несколько мужей с одной женой спят, и многие жены с одним мужем связь имеют и беззаконие как закон отцов совершают, никем не осуждаемые и не сдерживаемые. Амазонки же не имеют мужей, но, как бессловесный скот, однажды в году, близко к весенним дням, выходят из своей земли и сочетаются с окрестными мужчинами, считая то время как бы неким торжеством и великим праздником. Когда же зачнут от них в чреве, – снова разбегутся из тех мест. Когда же придет время родить и если родится мальчик, то убивают его, если же девочка, то вскормят ее и прилежно воспитают».

Так вот и при нас теперь половцы держатся закона отцов своих: кровь проливают и даже хвалятся этим, едят мертвечину и всякую нечистоту – хомяков и сусликов, и берут своих мачех и невесток, и выполняют иные обычаи своих отцов. Мы же, христиане всех стран, где веруют во святую Троицу, в единое крещение и исповедуют единую веру, имеем единый закон, поскольку мы крестились во Христа и во Христа облеклись.

Вслед за тем, по смерти братьев этих (Кия, Щека и Хорива), притесняли полян древляне и иные окрестные люди. И нашли их хазары сидящими на горах этих в лесах и сказали: «Платите нам дань». Поляне, посовещавшись, дали от дыма по мечу, и отнесли их хазары к своему князю и к старейшинам, и сказали им: «Вот, новую дань нашли мы». Те же спросили у них: «Откуда?» Они же ответили: «В лесу на горах над рекою Днепром». Опять спросили те: «А что дали?» Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: «Не добрая дань это, княже: мы доискались ее оружием, острым только с одной стороны, – саблями, а у этих оружие обоюдоострое – мечи. Станут они когда-нибудь собирать дань и с нас и с иных земель». И сбылось сказанное ими, так как не по своей воле говорили они, но по Божьему повелению. Так вот было и при фараоне, царе египетском, когда привели к нему Моисея и сказали старейшины фараона: «Этот унизит когда-нибудь Египет». Так и случилось: погибли египтяне от Моисея, а сперва работали на них евреи. Тоже и эти: сперва властвовали, а после над ними самими властвуют; так и есть: владеют русские князья хазарами и по нынешний день.

В год 6360 (852), индикта 15, когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград, как пишется об этом в летописании греческом. Вот почему с этой поры начнем и числа положим. От Адама и до потопа 2242 года, а от потопа до Авраама 1000 и 82 года, а от Авраама до исхода Моисея 430 лет, а от исхода Моисея до Давида 600 и 1 год, а от Давида и от начала царствования Соломона до пленения Иерусалима 448 лет а от пленения до Александра Ма-

кедонского 318 лет, а от Александра до рождества Христова 333 года, а от Христова рождества до Константина 318 лет, от Константина же до Михаила сего 542 года. А от первого года царствования Михаила до первого года княжения Олега русского князя, 29 лет, а от первого года княжения Олега потому что он сел в Киеве, до первого года княжения Игоря 31 год, а от первого года княжения Игоря до первого года Святославова 33 года, а от первого года княжения Святослава до первого года Ярополкова 28 лет; а княжил Ярополк 8 лет, а Владимир княжил 37 лет, а Ярослав княжил 40 лет. Таким образом, от смерти Святослава до смерти Ярослава 85 лет; от смерти же Ярослава до смерти Святополка 60 лет.

Но возвратимся мы к прежнему и расскажем, что произошло в эти годы, как уже начали: с первого года царствования Михаила и расположим по порядку года.

В год 6361 (853). В год 6362 (854).

В год 6363 (855). В год 6364 (856).

В год 6365 (857).

В год 6366 (858). Царь Михаил отправился с воинами на болгар по берегу и морем. Болгары же, узнав об этом, не могли противостать им, попросили крестить их и обещали покориться грекам. Царь же крестил их князя и всех бояр и заключил мир с болгарами.

В год 6367 (859). Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со славян, и с мери, и со всех кривичей. А хазары брали с полян и с северян, и с вятичей по серебряной монете и по белке от дыма.

В год 6368 (860). В год 6369 (861).

В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет.

Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. Через два же года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всей властью один Рюрик и стал раздавать мужам своим города – тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах – находники, а коренное население в Новгороде – славяне, в Полоцке – кривичи, в Ростове – меря, в Белоозере – весь, в Муроме – мурома, и над теми всеми властвовал Рюрик. И было у него два мужа, не родственники его, но бояре, и отпросились они в Царьград со своим родом. И отправились по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе небольшой город. И спросили: «Чей это городок?» Тамошние жители ответили: «Были три брата, Кий, Щек и Хорив, которые построили городок этот и сгинули, а мы тут сидим, их потомки, и платим дань хазарам». Аскольд же и Дир остались в этом городе, собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян. Рюрик же княжил в Новгороде.

В год 6371 (863). В год 6372 (864).

В год 6373 (865).

В год 6374 (866). Отправились Аскольд и Дир войной на греков и пришли туда в четырнадцатый год царствования Михаила. Царь же был в это время в походе на агарян, дошел уже до Черной реки, когда епарх прислал ему весть, что Русь идет походом на Царьград, и возвратился царь. Эти же вошли внутрь Суда совершили много убийств христиан и осадили Царьград двумястами кораблей. Царь же с трудом вошел в город и всю ночь молился с патриархом Фотием в церкви святой Богородицы во Влахерне, и вынесли они с песнями Божественную ризу святой Богородицы и омочили в море ее полу. Была в это время тишина и море было спокойно, но тут внезапно поднялась буря с ветром, и великие волны, чтобы разметать корабли язычников

русских, и прибило их к берегу и переломало так, что и немногим из них удалось избежать этой беды и вернуться домой.

В год 6375 (867).

В год 6376 (868). Начал царствовать Василий.

В год 6377 (869). Крещена была вся земля Болгарская.

В год 6378 (870). В год 6379 (871).

В год 6380 (872). В год 6381 (873).

В год 6382 (874). В год 6383 (875).

В год 6384 (876). В год 6385 (877).

В год 6386 (878).

В год 6387 (879). Умер Рюрик и, передав княжение свое Олегу – родичу своему, отдал ему на руки сына Игоря, ибо был тот еще очень мал.

В год 6388 (880). В год 6389 (881).

В год 6390 (882). Выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску с кривичами, и принял власть в городе, и посадил в нем своих мужей. Оттуда отправился вниз, и взял Любеч, и также посадил своих мужей. И пришли к горам Киевским, и узнал Олег, что княжит тут Аскольд и Дир. Спрятал он одних воинов в ладьях, а других оставил позади и сам отправился к ним вместе с младенцем. И подплыл к Угорской горе, спрятав своих воинов, и послал к Аскольду и Диру, говоря им, что «де мы купцы идем к грекам от Олега и княжича Игоря. Придите к нам, к родичам своим». Когда же Аскольд и Дир пришли, все спрятанные воины выскочили из ладей, и сказал Олег Аскольду и Диру: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода», а когда вынесли Игоря, добавил: «Вот он сын Рюрика». И убили Аскольда и Дира, отнесли на гору и погребли: Аскольда – на горе, которая называется ныне Угорской, где теперь Ольмин двор; на той могиле Ольга поставил церковь святого Николы; а Дирова могила – за церковью святой Ирины. И сел Олег, княжа, в Киеве, и сказал Олег: «Да будет матерью городам русским». И были у него варяги, и славяне, и прочие, прозавшиеся русью. Тот Олег начал ставить го-

рода и установил дани славянам, и кривичам, и мери, положил и для варягов давать дань от Новгорода по триста гривен ежегодно ради сохранения мира, что и давалось варягам до самой смерти Ярослава.

В год 6391 (883). Начал Олег воевать против древлян и, покорив их, брал дань с них по черной кунице.

В год 6392 (884). Отправился Олег на северян, и победил их, и возложил на них легкую дань, и не позволил им платить дань хазарам, говоря так: «Я враг их, и вам им платить незачем».

В год 6393 (885). Послал Олег к радимичам, спрашивая: «Кому даете дань?» Они же ответили: «Хазарам». И сказал им Олег: «Не давайте хазарам, но платите мне». И дали Олегу по щелягу, как раньше хазарам давали. И властвовал Олег над полянами, и древлянами, и северянами, и радимичами, а с уличами и тиверцами воевал.

В год 6394 (886).

В год 6395 (887). Царствовал Леон, сын Василия, который прозывался Львом, и брат его Александр, царствовавший двадцать шесть лет.

В год 6396 (888). В год 6397 (889).

В год 6398 (890). В год 6399 (891).

В год 6400 (892). В год 6401 (893).

В год 6402 (894). В год 6403 (895).

В год 6404 (896). В год 6405 (897).

В год 6406 (898). Шли угры мимо Киева горою, которая прозывается теперь Угорской, пришли к Днепру, и стали вежами: ходили они так же, как теперь половцы. И, придя с востока, устремились через великие горы, которые прозвались Угорскими горами, и стали завоевывать живших там волохов и славян. Сидели ведь тут прежде славяне, а затем Славянскую землю захватили волохи. А после угры прогнали волохов, унаследовали ту землю и поселились со славянами, покорив их себе; и с тех пор прозвалась земля Угорской. И стали угры воевать против греков и попленили землю Фракийскую и Македонскую до самой Селуни. И стали воевать против моравов и чехов. Был един народ славянский: и те славяне, которые сидели по Дунаю,

покоренные уграм, и моравы, и чехи, и поляки, и поляне, которых теперь называют русь. Для них ведь, моравов, первоначально созданы буквы, названные славянской грамотой; эта же грамота и у русских, и у болгар дунайских.

Когда славяне жили уже крещенными, князья их Ростислав, Святополк и Коцел послали к царю Михаилу, говоря: «Земля наша крещена, но нет у нас учителя, который бы нас наставил и поучил нас и объяснил святыя книги. Ведь не знаем мы ни греческого языка, ни латинского; одни учат нас так, а другие иначе, от этого не знаем мы ни начертания букв, ни их значения. И пошлите нам учителей, которые бы могли нам рассказать о книжных словах и о смысле их». Услышав это, царь Михаил созвал всех философов и передал им все, сказанное славянскими князьями. И сказали философы: «В Селуни есть муж, именем Лев. Имеет он сыновей, знающих славянский язык; два сына у него искусные философы». Услышав об этом, царь послал за ними ко Льву в Селунь, со словами: «Пошли к нам без промедления своих сыновей Мефодия и Константина». Услышав об этом, Лев вскоре же послал их, и пришли они к царю, и сказал им царь: «Вот, прислала послов ко мне Славянская земля, прося себе учителя, который мог бы им истолковать священные книги, ибо этого они хотят». И уговорил их царь и послал их в Славянскую землю к Ростиславу, Святополку, и Коцелу. Когда же братья эти пришли, – начали они составлять славянскую азбуку и перевели Апостол и Евангелие. И рады были славяне, что слышали они о величии Божьем на своем языке. Затем перевели Псалтырь и Октоих и другие книги. Некие же люди стали хулить славянские книги и говорили, что-де «ни одному народу не следует иметь свою азбуку, кроме евреев, греков и латинян, как в надписи Пилата, который на кресте Господнем написал только на этих языках». Услышав об этом, папа римский осудил тех, кто ропщет на славянские книги, сказав так; «Да исполнится слово Писания: «Пусть восхвалят Бога все народы», и другое: «Пусть все народы восхвалят величие Божие, поскольку Дух святой дал им говорить». Если же кто бранит славянскую грамоту, да будет отлучен от церкви, пока не исправится; это волки, а не овцы, их следует уз-

навать по поступкам их и беречься их. Вы же, дети, послушайте Божественного учения и не отвергните церковного поучения, которое дал вам наставник ваш Мефодий». Константин же вернулся назад и отправился учить болгарский народ, а Мефодия оставил в Моравии. Затем князь Коцел поставил Мефодия епископом в Паннонии на столе святого Андроника, одного из семидесяти апостолов, ученика святого апостола Павла. Мефодий же посадил двух попов, хороших скорописцев, и перевел все книги полностью с греческого языка на славянский в шесть месяцев, начав в марте, а закончив 26 октября. Закончив же, воздал достойную хвалу и славу Богу, давшему такую Благодать епископу Мефодию, преемнику Андроника; ибо учитель славянскому народу – апостол Андроник. До моравов же доходил и апостол Павел и учил там; там же находится и Иллирия, до которой доходил апостол Павел и где первоначально жили славяне. Вот почему учитель славян – апостол Павел, из тех же славян – и мы, русь; поэтому и нам, руси, учитель Павел, так как учил славянский народ и поставил по себе для славян епископом и наместником Андроника. А славянский народ и русский един, от варягов ведь прозвались русью, а прежде были славяне; хоть и полянами назывались, но речь была славянской. Полянами прозвались потому, что сидели в поле, а язык был им общий – славянский.

В год 6407 (899). В год 6408 (900).

В год 6409 (901).

В год 6410 (902). Леон-царь нанял угров против болгар. Угры же, напав, попленили всю землю Болгарскую. Симеон же, узнав об этом, возвратился на угров, а угры двинулись против него и победили болгар, так что Симеон едва убежал в Доростол.

В год 6411 (903). Игорь вырос и собирал дань после Олега, и слушались его, и привели ему жену из Пскова, именем Ольгу.

В год 6412 (904). В год 6413 (905).

В год 6414 (906).

В год 6415 (907). Пошел Олег на греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хор-

ватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли греки «Великая Скифы». И с этими всеми пошел Олег на конях и в кораблях; и было кораблей числом две тысячи. И пришел к Царьграду; греки же замкнули Суд, а город затворили. И вышел Олег на берег, и начал воевать, и много убийств сотворил в окрестностях города грекам, и разбили множество палат, и церкви пожгли. А тех, кого захватили в плен, одних иссекли, других замучили, иных же застрелили, а некоторых побросали в море, и много другого зла сделали русские грекам, как обычно делают враги.

И повелел Олег своим воинам сделать колеса и поставить на колеса корабли. И с попутным ветром подняли они паруса и пошли по полю к городу. Греки же, увидев это, испугались и сказали через послов Олегу: «Не губи города, дадим, тебе дани какой захочешь». И остановил Олег воинов, и вынесли ему пищу и вино, но не принял его, так как было оно отравлено. И испугались греки и сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас от Бога». И приказал Олег дать дани на две тысячи кораблей: по двенадцати гривен на человека, а было в каждом корабле по сорок мужей.

И согласились на это греки, и стали греки просить мира, чтобы не воевал Греческой земли. Олег же, немного отойдя от столицы, начал переговоры о мире с греческими царями Леоном и Александром и послал к ним в столицу Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава, Стемида со словами: «Платите мне дань». И сказали греки: «Что хочешь, дадим тебе». И приказал Олег дать воинам своим на две тысячи кораблей по двенадцати гривен на уключину, а затем дать дань для русских городов: прежде всего для Киева, затем для Чернигова, для Переяславля, для Полоцка, для Ростова, для Любеча и для других городов: ибо по этим городам сидят великие князья, подвластные Олегу. «Когда приходят русские, пусть берут содержание для послов сколько хотят; а если придут купцы, пусть берут месячное на шесть месяцев; хлеба, вина, мяса, рыбы и плодами. И пусть устраивают им баню – сколько захотят. Когда же русские отправятся домой, пусть берут у царя на дорогу еду, якоря, канаты, паруса и что им нужно». И обязались гре-

ки, и сказали цари и все бояре: «Если русские явятся не для торговли, то пусть не берут месячное: да запретит русский князь указом своим, чтобы приходящие сюда русские не творили ущерба в селах и в стране нашей. Прибывающие сюда русские пусть обитают у церкви святого Мамонта и, когда пришлют к ним от нашего государства и переписут имена их, только тогда пусть возьмут полагающееся им месячное, – сперва те, кто пришел из Киева, затем из Чернигова, и из Переяславля, и из других городов. И пусть входят в город через одни только ворота, в сопровождении царского мужа, без оружия, по пятьдесят человек, и торгуют сколько им нужно, не уплачивая никаких сборов».

Итак, царь Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и ходили ко взаимной присяге: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили к клятве по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, их богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир. И сказал Олег: «Сшейте для руси паруса из паволок, а славянам копринные», – и было так! И повесил щит свой на вратах в знак победы, и пошли от Царьграда. И подняла русь паруса из паволок, а славяне копринные, и разодрал их ветер; и сказали славяне: «Возьмем свои простые паруса, не дали славянам паруса из паволок». И вернулся Олег в Киев, неся золото, и паволоки, и плоды, и вино, и всякое узорочье. И прозвали Олега Вещим, так как были люди язычниками и непросвещенными.

В год 6416 (908). В год 6417 (909). В год 6418 (910).

В год 6419 (911). Явилась на западе большая звезда в виде копья, **В год 6420 (912).** Послал Олег мужей своих заключить мир и установить договор между греками и русскими, говоря так: «Список с договора, заключенного при тех же царях Льве и Александре. Мы от рода русского – Карлы, Инегелд, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид – посланные от Олега, великого князя русского, и от всех, кто под рукою его, – светлых и великих князей, и его великих бояр, к вам, Льву, Александру и Константину, великим в Боге самодержцам, царям гре-

ческим, на укрепление и на удостоверение многолетней дружбы, существовавшей между христианами и русскими, по желанию наших великих князей и по повелению всех, кто находится под рукою его, русских. Наша светлость, превыше всего желая в Боге укрепить и удостоверить дружбу, существовавшую неоднократно между христианами и русскими, рассудили по справедливости, не только на словах, но и на письме, и клятвою твердою, клянясь оружием своим, утвердить такую дружбу и удостоверить ее по вере и по закону нашему.

Таковы суть главы договора, относительно которых мы себя обязали по Божьей вере и дружбе: первыми словами нашего договора помиримся с вами, греки, и станем любить друг друга от всей души и по всей доброй воле, и не дадим произойти, поскольку это в нашей власти, никакому обману или преступлению от сущих под рукою наших светлых князей; но постараемся, как только можем, сохранить с вами в будущие годы и навсегда непревратную и неизменную дружбу, открытым объявлением и преданием письму с закреплением, клятвой удостоверяемую. Также и вы, греки, соблюдайте такую же непоколебимую и неизменную дружбу к князьям нашим светлым русским и ко всем, кто находится под рукою нашего светлого князя всегда и во все годы.

А о главах, касающихся возможных совершиться злодеяний, договоримся так: те злодеяния, которые будут явно удостоверены, пусть считаются бесспорно совершившимся; а какому злодеянию не станут верить, пусть клянется та сторона, которая домогается, чтобы злодеянию этому не верили; и когда поклянется сторона та, пусть будет такое наказание, каким окажется преступление.

Об этом: если кто убьет – русский христианина или христианин русского, – да умрет на месте убийства. Если же убийца убежит, а окажется имущим, то ту часть его имущества, которую полагается по закону, пусть возьмет родственник убитого, но и жена убийцы пусть сохранит то, что полагается ей по закону. Если же окажется неиму-

щим бежавший убийца, то пусть останется под судом, пока не разыщется, а тогда да умрет.

Если ударит кто мечом или будет бить каким-либо другим орудием, то за тот удар или битье пусть даст пять литр серебра по закону русскому; если же сделавший этот проступок неимущий, то пусть даст сколько может, так, что пусть снимет с себя и те самые одежды, в которых ходит, а об оставшейся неуплаченной сумме пусть клянется по своей вере, что никто не может помочь ему, и пусть не взыскивается с него этот остаток.

Об этом: если украдет что русский у христианина или, с другой стороны, христианин у русского, и пойман будет вор пострадавшим в то самое время, когда совершает кражу, либо если приготовится вор красть и (в обоих случаях) будет убит, то не взыщется смерть его ни от христиан, ни от русских; но пусть пострадавший возьмет то свое, что потерял. Если же добровольно отдастся вор, то пусть будет взят тем, у кого он украл, и пусть будет связан, и отдаст то, что украл, в тройном размере.

Об этом: если кто из христиан или из русских посредством побоев покусится (на грабеж) и явно насильно возьмет что-либо, принадлежащее другому, то пусть вернет в тройном размере.

Если выкинута будет ладья сильным ветром на чужую землю и будет там кто-нибудь из нас, русских, и (хозяин) соберется снабдить ладью товаром своим и отправить вновь в Греческую землю, то проводим ее через всякое опасное место, пока не придет в место безопасное; если же ладья эта ли от бури или противного ветра задерживается и не может возвратиться в свои места, то поможем гребцам той ладьи мы, русские, и проводим с куплею их поздорову. — Это если случится около Греческой земли. Если же приключится такое же зло русской ладье, то проводим ее в Русскую землю, и пусть (свободно) продают товары той ладьи (еще в Греции), так что если можно что продать из той ладьи, то пусть (беспрепятственно) вынесем (на греческий берег) мы, русские. И когда приходим (мы, русские) в Греческую землю для торговли или посольством к вашему царю, то (мы,

греки) пропустим с честью проданные товары их ладьи. Если же случится кому-либо из нас, русских, прибывших с ладьею, быть убиту или что-нибудь будет взято из ладьи, то пусть будут виновники присуждены к вышесказанному наказанию.

Об этих: если пленник той или иной стороны насильно удерживается русскими или греками, будучи продан в их страну, и если действительно окажется русский или грек, то пусть выкупят и возвратят выкупленное лицо в его страну и возьмут цену его купившие или пусть будет предложена за него цена, полагающаяся за челядина. Также, если и на войне взят будет он теми греками, – все равно, пусть возвратится он в свою страну и отдана будет за него цена его, как уже сказано выше, существующая по обычным торговым расчетам. Если же будет набор в войско и эти (русские) захотят почтить вашего царя, и сколько бы ни пришло их в какое время, и захотят остаться у вашего царя по своей воле, то пусть будет исполнено их желание.

Еще о русских, о пленниках. Явившиеся из какой-либо страны (пленные христиане) на Русь и продаваемые (русскими) назад в Грецию или пленные христиане, приведенные на Русь из какой-либо страны, все эти должны продаваться по двадцати златников и возвращаться в Греческую землю.

Об этом: если украден будет челядин русский, либо убежит, либо насильно будет продан и жаловаться станут русские, пусть докажут это о своем челядине и возьмут его на Русь, но и купцы, если потеряют челядина и обжалуют, пусть требуют судом и, когда найдут, – возьмут его. Если же кто-либо из тяжущихся не позволит произвести дознание, – тем самым не будет признан правым.

И о русских, служащих в Греческой земле у греческого царя. Если кто умрет (из них), не распорядившись своим имуществом, а своих (в Греции) у него не будет, то пусть возвратится имущество его на Русь ближайшим младшим родственникам. Если же сделает завещание, то пусть возьмет завещанное ему тот, кому написал умирающий наследовать его имущество, и да наследует его.

О русских, взимающих куплю.

О различных людях, ходящих в Греческую землю и остающихся в долгу. Если злодей не возвратится на Русь, то пусть жалуются русские греческому царству, и будет он схвачен и возвращен насильно на Русь. То же самое пусть сделают и русские грекам, если случится такое же.

В удостоверение и неизменность, которая должна быть между вами, христианами, и русскими, мирный договор этот сотворили мы Ивановым написанием на двух хартиях – царя вашего и своею рукою, – скрепили его клятвою и предлежащим честным крестом и святою единосущною Троицею единого истинного Бога вашего и дали нашим послам. Мы же клялись царю вашему, поставленному от Бога, как Божественное создание, по вере и по обычаю нашим, не нарушать нам и никому из страны нашей ни одной из установленных глав мирного договора и дружбы. И этописание дали царям вашим на утверждение, чтобы договор этот стал основой утверждения и удостоверения существующего между нами мира. Месяца сентября 2, индикта 15, в год от сотворения мира 6420».

Царь же Леон почтил русских послов дарами – золотом, и паволоками, и драгоценными тканями – и приставил к ним своих мужей показать им церковную красоту, золотые палаты и хранящиеся в них богатства: множества золота, паволоки, драгоценные камни и страсти Господни – венец, гвозди, багряницу и мощи святых, уча их вере своей и показывая им истинную веру. И так отпустил их в свою землю с великою честью. Послы же, посланные Олегом, вернулись к нему и поведали ему все речи обоих царей, как заключили мир и договор положили между Греческою землею и Русскою и установили не преступать клятвы – ни грекам, ни руси. И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников: «От чего я умру?» И сказал ему один кудесник: «Князь! От коня твоего любимого, на котором ты ездешь, – от него тебе и умереть!» Запали слова эти в душу Олегу, и сказал он: «Никогда не сяду на него и не увижу

его больше». И повелел кормить его и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока не пошел на греков. А когда вернулся в Киев и прошло четыре года, – на пятый год помянул он своего коня, от которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшину конюхов и сказал: «Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?» Тот же ответил: «Умер». Олег же посмеялся и укорил того кудесника, сказав: «Не право говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив». И приказал оседлать себе коня: «Да увижу кости его». И приехал на то место, где лежали его голые кости и череп голый, слез с коня, посмеялся и сказал: «От этого ли черепа смерть мне принять?» И ступил он ногою на череп, и выползла из черепа змея, и ужалила его в ногу. И от того разболелся и умер он. Оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемую Щековица; есть же могила его и доньше, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три.

Не удивительно, что от волхования сбывается чародейство. Так было и в царствование Доментиана: тогда был известен некий волхв именем Аполлоний Тианский, который ходил и творил всюду бесовские чудеса – в городах и селах. Однажды, когда из Рима пришел он в Византию, его упростили живущие там сделать следующее: он отогнал из города множество змей и, скорпионов, чтобы не было от них вреда людям, и ярость конскую обуздал на сонмище бояр. Так и в Антиохию пришел, и упрошенный людьми теми – антиохиянцами, страдавшими от скорпионов и комаров, сделал медного скорпиона, и зарыл его в землю, и поставил над ним небольшой мраморный столп, и повелел взять людям палки и ходить по городу и выкликать, потрясая теми палками: «Быть городу без комара!» И так исчезли из города скорпионы и комары. И спросили его еще об угрожавших городу землетрясениях, и, вздохнув, написал он на дощечке следующее: «Увы тебе, несчастный город, много тебя будет трясти земля, и огнем будешь популен, оплачет тебя и Оронтия на берегу». Об Аполлонии этом и великий Анастасий Иерусалимский сказал: «Чудеса, произведенные Аполлонием, даже и до сих пор на некоторых местах испол-

няются: некоторые из них сотворены, чтобы отогнать четвероногих животных и птиц, которые могли бы вредить людям, другие же для удержания речных струй, вырвавшихся из берегов, но иные и на погибель и в ущерб людям, хотя и на обуздание их. Не только ведь при жизни его так делали бесы такие чудеса, но и по смерти, у гроба его, творили чудеса его именем, чтобы обольщать жалких людей, часто уловляемых на них дьяволом». Итак, кто что скажет о творящих волшебство? Ведь вот, искусен был на волшебное обольщение и никогда не считался Аполлоний с тем, что в безумстве предался мудрому ухищрению; а следовало бы ему сказать: «Словом только творю я то, что хотел», и не совершать действий ожидаемых от него. То все попущением Божиим и творением бесовским случается, – всеми подобными делами испытывается наша православная вера, что тверда она и пребывает подле Господа и не увлекаема дьяволом, его призрачными чудесами и сатанинскими делам. и, творимыми врагами рода человеческого и слугами зла. Бывает же, что некоторые и Именем Господа пророчествуют, как Валаам, и Саул, и Каиафа, и бесов даже изгоняют, как Иуда и сыны Скевавели. Потому что и на недостойных многократно действует Благодать, как многие свидетельствуют: ибо Валаам был чужд и праведного жития и веры, но тем не менее свидетельствовала в нем Благодать для убеждения других. И Фараон такой же был, но и ему было раскрыто будущее. И Навуходоносор был законопреступен, но и ему также было открыто будущее многих поколений, тем свидетельствуя, что многие, имеющие превратные понятия, еще до пришествия Христа творят знамения не по собственной воле на прельщение людей, не знающих доброго. Таков был и Симон Волхв, и Менандр, и другие такие же, из-за которых и было поистине сказано: «Не чудесами прельщать...»

В год 6421 (913). По смерти Олега стал княжить Игорь. В это же время стал царствовать Константин, сын Леона. И затворились от Игоря древляне по смерти Олега.

В год 6422 (914). Пошел Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше Олеговой. В тот же год пришел Симеон Болгарский на Царьград и, заключив мир, вернулся домой.

В год 6423 (915). Пришли впервые печенеги на Русскую землю и, заключив мир с Игорем, пошли к Дунаю. В те же времена пришел Симеон, поплняя Фракию; греки собрались уже выступить на Симеона, греческие воеводы рассорились. Печенеги, увидев, что они сами между собою ссорятся, ушли восвояси а болгары сразились с греками, и иссечены были греки. Симеон же захватил Андрианополь, который первоначально назывался городом Ореста – сына Агамемнона: ибо Орест когда-то купался в трех реках и избавился тут от своей болезни – оттого и назвал город своим именем. Впоследствии же его обновил цезарь Адриан и назвал в свое имя Адрианом, мы же зовем его Адрианом-градом.

В год 6424 (916). В год 6425 (917).

В год 6426 (918). В год 6427 (919).

В год 6428 (920). У греков поставлен царь Роман.

Игорь же воевал против печенегов.

В год 6429 (921). В год 6430 (922).

В год 6431 (923). В год 6432 (924).

В год 6433 (925). В год 6434 (926).

В год 6435 (927). В год 6436 (928).

В год 6437 (929). Пришел Симеон на Царьград, и попленил Фракию и Македонию, и подошел к Царьграду в великой силе и с гордостью и сотворил мир с Романом-царем, и возвратился восвояси.

В год 6438 (930). В год 6439 (931).

В год 6440 (932). В год 6441 (933).

В год 6442 (934). Впервые пришли на Царьград угры и попленили всю Фракию. Роман заключил мир с уграми.

В год 6443 (935). В год 6444 (936).

В год 6445 (937). В год 6446 (938).

В год 6447 (939). В год 6448 (940).

В год 6449 (941). Пошел Игорь походом на греков. И послали болгары весть царю, что идут русские на Царьград: десять тысяч кораблей, И пришли, и подплыли, и стали воевать страну Вифинскую, и попленили землю по Понтийскому морю до Ираклии и до Пафлагонской земли, и всю страну Никомидийскую попленили, и Суд весь пожгли, А кого захватили – одних распинали, в других же, расстанавливая их как мишени, стреляли, хватали, связывали назад руки и вбивали железные гвозди в макушки голов. Много же и святых церквей предали огню, монастыри и села пожгли и с обеих сторон Суда захватили немало богатств. Затем пришли с востока воины – Панфирдемestik с сорока тысячами, Фока-патриций с македонянами; Федор-стратилат с фракийцами, с ним и же и сановные бояре, и окружили русь. Русские же, посоветавшись, вышли против греков с оружием, и в жестоком сражении едва одолели греки, Русские же к вечеру возвратились к дружине своей и ночью, сев в ладьи, отплыли. Феофан же встретил их в ладьях, с огнем и стал трубами пускать огонь на ладьи, русских, И было видно страшное чудо. Русские же, увидев пламень, бросались в воду морскую, стремясь спастись – и так оставшиеся их возвратились домой. И, придя в землю свою, поведали – каждый, своим – о происшедшем и о ладейном огне. «Будто молнию небесную, – говорили они, — имеют у себя греки и, пуская ее, пожгли нас; оттого и не одолели их». Игорь же, вернувшись, начал собирать множество воинов и послал за море к варягам, приглашая их на греков, снова собираясь идти на них походом.

В год 6450 (942). Симеон ходил на хорватов, и победили его хорваты, и умер, оставив Петра, своего сына, князем над болгарями.

В год 6451 (943). Вновь пришли угры на Царьград и, сотворив мир с Романом, возвратились восвояси.

В год 6452 (944). Игорь же собрал воинов многих: варягов, русь, и полян, и славян, и кривичей, и тиверцев – и нанял печенегов, и заложников у них взял, – и пошел на греков в ладьях и на конях, стремясь отомстить за себя. Услышав об этом, корсунцы послали к Роману со словами: «Вот идут русские, без числа кораблей их, покрыли

море корабли». Также и болгары послали весть, говоря: «Идут русские и наняли с собой печенегов». Услышав об этом, царь прислал к Игорю лучших бояр с мольбою, говоря: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, прибавлю и еще к той дани». Также и к печенегам послал паволоки и много золота, Игорь же, дойдя до Дуная, созвал дружину, и стал с нею держать совет, и поведал ей речь царице. Сказала же дружина Игоревы: «Если так говорит царь, то чего нам еще нужно, – не бившись, взять золото, и серебро, и паволоки? Разве знает кто – кому одолеть: нам ли, им ли? Или с морем кто в союзе? Не по земле ведь ходим, но по глубине морской: всем общая смерть». И послушал их Игорь и повелел печенегам воевать Болгарскую землю, а сам, взяв у греков золото и паволоки на всех воинов, возвратился назад и пришел к Киеву восвояси.

В год 6453 (945). Прислали Роман, и Константин, и Стефан послов к Игорю восстановить прежний мир. Игорь же говорил с ними о мире. И послал Игорь мужей своих к Роману. Роман же созвал бояр и сановников. И привели русских послов и велели им говорить и записывать речи тех и других на хартию.

«Список с договора, заключенного при царях Романе, Константине и Стефане, христоробивых владыках, Мы – от рода русского послы и купцы, Ивор, посол Игоря, великого князя русского, и общие послы: Вуефаст от Святослава, сына Игоря; Искусеви от княгини Ольги; Слуды от Игоря; племянника Игоря; Улеб от Володислава; Каницар от Предславы; Щихберн Сфандр от жены Улеба; Прастен Тудоров; Либиар Фастов; Грим Сфирьков; Прастен Акун от племянника Игоря; Кары Тудков; Каршев Тудоров; Егри Евлисков; Воист Войков; Истр Аминодов; Прастен Бернов; Явтаг Гунарев; Шибрит Алдан; Кол Клеков; Стегги Етонов; Сфирка...; Алвад Гудов; Фудри Туадов; Мутур Утин; купцы Адунь, Адулб, Иггивлад, Улеб, Фрутан; Гомол, Куци, Емиг, Туробид, Фуростен, Бруны, Роальд, Гунастр, Фрастен, Игелд, Турберн, Моне, Руальд, Свень, Стир, Алдан, Тилен, Апубексарь, Вузлев, Синко, Борич, посланные от Игоря, великого князя русского, и от всякого княжья, и от всех людей Русской земли.

И им поручено возобновить старый мир, нарушенный уже много лет ненавидящим добро и враждолюбом дьяволом, и утвердить любовь между греками и русскими.

Великий князь наш Игорь, и бояре его, и люди все русские послали нас к Роману, Константину и Стефану к великим царям греческим, заключить союз любви с самими царями, со всем боярством и со всеми людьми греческими на-все годы, пока сияет солнце и весь мир стоит. А кто с русской стороны замыслит разрушить эту любовь, то пусть те из них, которые приняли крещение, получают возмездие от Бога вседержителя, осуждение на погибель в загробной жизни, а те из них, которые не крещены, да не имеют помощи ни от Бога ни от Перуна, да не защитятся они собственными щитами, и да погибнут они от мечей своих, от стрел и от иного своего оружия, и да будут рабами во всю свою загробную жизнь.

А великий князь русский и бояре его пусть посылают в Греческую землю к великим царям греческим корабли, сколько хотят, и с послами и с купцами, как это установлено для них. Раньше приносили послы золотые печати, а купцы серебряные; ныне же повелел князь ваш посылать грамоты к нам, царям; те послы и тости, которые будут посылаться ими, пусть приносят грамоту, так написав ее: «Послал столько-то кораблей». И из этих грамот мы узнаем, что пришли они с миром. Если же придут без грамоты и окажутся в руках наших, то мы будем содержать их под надзором, пока не возвестим князю вашему. Если же не дадутся нам и сопротивятся, то убьем их, и пусть не взыщется смерть их от князя нашего. Если же, убежав, вернуться в .Русь, то напишем мы князю вашему, и пусть делают что хотят. Если же русские придут не для торговли, то пусть не берут месячины. Пусть накажет князь своим послам и приходящим сюда русским, чтобы не творили бесчинств в селах и в стране нашей. И когда придут, пусть живут у церкви святого Мамонта, и тогда пошлем мы, цари, чтобы переписали имена ваши, и пусть возьмут месячину – послы посольскую, а купцы месячину, сперва те, кто от города Киева, затем из Чернигова, и из Переяславля, и из прочих городов. Да входят они в

город через одни только ворота в сопровождении царева мужа без оружия, человек по пятьдесят, и торгуют, сколько им нужно, и выходят назад; муж же наш царский да охраняет их, так что если кто из русских или греков сотворит неправо, то пусть рассудит то дело. Когда же русские входят в город, то пусть не творят вреда и не имеют права покупать паволоки дороже, чем по пятидесяти золотников; и если кто купит тех паволок, то пусть показывает цареву мужу, а тот наложит печати и даст им. И те русские, которые отправляются отсюда, пусть берут от нас все необходимое: пищу на дорогу и что необходимо ладьям, как это было установлено раньше, и да возвращаются в безопасности в страну свою, а у святого Мамонта зимовать да не имеют права.

Если убежит челядин у русских, то пусть придут за ним в страну нашу и если окажется у святого Мамонта, то пусть возьмут его; если же не найдется, то пусть клянутся наши русские христиане по их вере, а нехристиане по закону своему, и пусть тогда возьмут от нас цену свою, как установлено было прежде, – по две паволоки за челядина.

Если же кто из челядинов наших царских или города нашего или иных городов убежит к вам и захватит с собой что-нибудь, то пусть опять вернут его, а если то, что он принес, будет все цело, то возьмут из него два золотника за поимку.

Если же кто покусится из русских взять что-либо у наших царских людей, то тот, кто сделает это, пусть будет сурово наказан; если уже возьмет, пусть заплатит вдвойне, а если сделает то же грек русскому, да получит то же наказание, какое получил и тот.

Если же случится украсть что-нибудь русскому у греков или греку у русских, то следует возратить не только украденное но и цену украденного; если же окажется, что украденное уже продано, да вернет цену его вдвойне и будет наказан по закону греческому и по уставу и по закону русскому.

Сколько бы пленников христиан наших подданных ни привели русские, то за юношу или девицу добрую при выкупе пусть наши дают десять золотников и берут их, если же среднего возраста, то пусть

дадут им восемь золотников и возьмут его; если же будет старик или ребёнок, то пусть дадут за него пять золотников.

Если окажутся русские в рабстве у греков, то, если они будут пленники, пусть выкупают их русские по десяти золотников; если же окажется, что они куплены греком, то следует ему поклясться на кресте и взять свою цену – сколько он дал за пленника.

И о Корсунской стране. Да не имеет права князь русский воевать в тех странах, во всех городах той земли, и та страна да не покоряется вам, и если с другой стороны попросит у нас воинов князь русский, чтобы воевать, – дам ему, сколько ему будет нужно.

И о том: если найдут русские корабль греческий, выкинутый где-нибудь на берег, да не причинят ему ущерба. Если же кто-нибудь возьмет из него что-либо или обратит кого-нибудь из него в рабство или убьет, то будет подлежать суду по закону русскому и греческому.

Если же застанут русские корсунцев в устье Днепра за ловлей рыбы, да не причинят им никакого зла.

И да не имеют права русские зимовать в устье Днепра, в Белобережье и у святого Елферья; но с наступлением осени пусть отправляются по домам в Русь.

И об этих: если придут черные болгары и станут воевать в Корсунской стране, то приказываем князю русскому – чтобы не пускал их, иначе причинят ущерб и его стране.

Если же будет совершено злодеяние кем-нибудь из греков – наших царских подданных, – да не имеете права наказывать их, но по нашему царскому повелению пусть получит тот наказание в меру своего проступка.

Если убьет наш подданный русского или русский нашего подданного, то да задержат убийцу родственники убитого и да убьют его.

Если же убежит убийца и скроется, а будет он обладать собственностью, то пусть родственники убитого возьмут имущество его; если же убийца окажется неимущим и также скроется, то пусть ищут его, пока не найдется, а когда найдется, да будет убит.

Если же ударит мечом, или копьем, или иным каким-либо оружием русский грека или грек русского, то за то беззаконие пусть заплатит виновный пять литр серебра по закону русскому; если же окажется неимущим, то пусть продадут у него все, что только можно, так что даже и одежды, в которых он ходит, и те пусть с него снимут, а о недостающем пусть принесет клятву по своей вере, что не имеет ничего, и только тогда пусть будет отпущен.

Если же пожелаем мы, цари, у вас воинов против наших противников, да напишем о том великому князю вашему, и вышлет он нам столько их, сколько пожелаем: и отсюда узнают в иных странах, какую любовь имеют между собой греки и русские.

Мы же договор этот написали на двух хартиях, и одна хартия хранится у нас, царей, – на ней есть крест и имена наши написаны, а на другой – имена послов и купцов ваших. А когда послы наши царские выедут, – пусть доставят их к великому князю русскому Игорю и к его людям, и те, приняв хартию, поклянутся истинно соблюдать то, о чем мы договорились и о чем написали на хартии этой, на которой написаны имена наши.

Мы же, те из нас, кто крещен, в соборной церкви клялись церковью святого Ильи, в предлежании честного креста и хартии этой, соблюдать все, что в ней написано, и не нарушать из нее ничего; а если нарушит это кто-либо из нашей страны – князь ли или иной кто, крещеный или некрещеный, – да не получит от помощи от Бога, да будет он рабом в загробной жизни своей и да будет заклан собственным оружием.

А некрещеные русские слагают свои щиты и обнаженные мечи, обручи и иное оружие, чтобы поклясться, что все, что написано на хартии этой, будет соблюдаться Игорем, и всеми боярами, и всеми людьми Русской страны во все будущие годы и всегда.

Если же кто-нибудь из князей или из людей русских, христиан или нехристиан, нарушит то, что написано в хартии этой, – да будет достоин умереть от своего оружия и да будет проклят от Бога и от Перуна за то, что нарушил свою клятву.

И если утвердит князь Игорь клятвою договор этот, – да хранит любовь эту правую, да не нарушится она до тех пор, пока солнце сияет и весь мир стоит, в нынешние времена и во все будущие».

Послы, посланные Игорем, вернулись к нему с послами греческими и поведали ему все речи царя Романа. Игорь же призвал греческих послов и спросил их: «Скажите, что приказал вам царь?» И сказали послы царя: «Вот послал нас царь, обрадованный миром, хочет он иметь мир и любовь с князем русским. Твои послы приводили к присяге нашего царя, а нас послали привести к присяге тебя и твоих мужей». Обещал Игорь сделать так. На следующий день призвал Игорь послов и пришел на холм, где стоял Перун; и сложили оружие свое, и щиты, и золото и присягали Игорь и люди его – сколько было язычников между русскими. А христиан русских приводили к присяге в церкви святого Ильи, что стоит над Ручьем в конце Пасычьеи беседы, и хазар, – это была соборная церковь, так как много было христиан – варягов. Игорь же, утвердив мир с греками, отпустил послов, одарив их мехами, рабами и воском, и отпустил их, послы же пришли к царю и поведали ему все речи Игоря и о любви его к грекам.

Игорь же начал княжить в Киеве, мир имея ко всем странам. И пришла осень, и стал он замышлять поход на древлян, желая взять с них еще больше дани.

В год 6453 (945). В тот год сказала дружина Игорю: «Отроки Свенельда изоделись оружием и одеждою, а мы наги. Пойдем, князь, с нами за данью, и себе добудешь, и нам». И послушал их Игорь – пошел к древлянам за данью и прибавил к прежней дани новую, и творили насилие над ними мужи его. Взяв дани, пошел он в свой город. Когда же шел он назад, – поразмыслив, сказал своей дружине: «Идите с данью домой, а я возвращусь и пособираю еще». И отпустил дружину свою домой, а сам с малой частью дружины вернулся, желая большего богатства. Древляне же, услышав, что идет снова, держали совет с князем своим Малом: «Если повадится волк к овцам, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьем его, то всех нас погубит». И послали к нему, говоря: «Зачем идешь опять? Забрал

уже всю дань». И не послушал их Игорь; и древляне, выйдя из города Искоростеня, убили Игоря и дружину его, так как было ее мало. И погребен был Игорь, и есть могила его у Искоростеня в Деревской земле и до сего времени.

Ольга же была в Киеве с сыном своим, ребенком Святославом, и кормилец его был Асмуд, а воевода Свенельд – отец Мстиши. Сказали же древляне: «Вот убили князя мы русского; возьмем жену его Ольгу за князя нашего Мала и Святослава возьмем и сделаем ему, что захотим». И послали древляне лучших мужей своих, числом двадцать, в ладье к Ольге, и пристали в ладье под Боричевым подъемом. Ведь вода тогда текла возле Киевской горы, а люди сидели не на Подоле, но на горе. Город же Киев был там, где ныне двор Гордята и Никифора, а княжеский двор был в городе, где ныне двор Воротислава и Чудина, а ловушка для птиц была вне города; был вне города и другой двор, где стоит сейчас двор Уставщика позади церкви святой Богородицы Десятинной; над горою был теремной двор – был там каменный терем. И поведали Ольге, что пришли древляне, и призвала их Ольга к себе и сказала им: «Гости добрые пришли». И ответили древляне: «Пришли, княгиня». И сказала им Ольга: «Говорите, зачем пришли сюда?» Ответили же древляне: «Послала нас Деревская земля с такими словами: «Мужа твоего мы убили, так как муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что ввели порядок в Деревской земле, – пойді замуж за князя нашего за Мала». Было ведь имя ему, князю древлянскому, – Мал. Сказала же им Ольга: «Любезна мне речь ваша, – мужа моего мне уже не воскресить, но хочу воздать вам завтра честь перед людьми своими; ныне же идите к своей ладье и ложитесь в ладью, величаясь, а утром я пошлю за вами, а вы говорите: «Не едем на конях, ни пеши не пойдём, но понесите нас в ладье», – и вознесут вас в ладье», и отпустила их к ладье. Ольга же приказала выкопать яму великую и глубокую на теремном дворе, вне града. На следующее утро, сидя в тереме, послала Ольга за гостями, и пришли к ним и сказали: «Зовет вас Ольга для чести великой». Они же ответили: «Не едем ни на конях, ни на возах и пеши не идем,

но понесите нас в ладье». И ответили киевляне: «Нам неволя; князь наш убит, а княгиня наша хочет за вашего князя», – и понесли их в ладье. Они же уселись, величаясь, избоченившись и в великих нагрудных бляхах. И принесли их на двор к Ольге и как несли, так и сбросили их вместе с ладьей в яму. И, приникнув к яме, спросила их Ольга: «Хороша ли вам честь?» Они же ответили: «Пуще нам Игоревой смерти». И повелела засыпать их живыми; и засыпали их.

И послала Ольга к древлянам и сказала им: «Если вправду меня просите, то пришлите лучших мужей, чтобы с великой честью пойти за вашего князя, иначе не пустят меня киевские люди». Услышав об этом, древляне избрали лучших мужей, управлявших Деревскою землею, и прислали за ней. Когда же древляне пришли, Ольга приказала приготовить баню, говоря им так: «Вымывшись, придите ко мне». И разожгли баню, и вошли в нее древляне и стали мыться; и заперли за ними баню, и повелела Ольга зажечь ее от двери, и сгорели все.

И послала к древлянам со словами: «Вот уже иду к вам, приготовьте меда многие у того города, где убили мужа моего, да поплачусь на могиле его и сотворю тризну по своему муже». Они же, услышав об этом, свезли множество медов, заварили их. Ольга же, взяв с собою малую дружину, отправилась налегке, пришла к могиле своего мужа и оплакала его. И повелела людям своим насыпать великую могилу и, когда насыпали, приказала совершать тризну. После того сели древляне пить, и приказала Ольга отрокам своим прислуживать им. И сказали древляне Ольге: «Где дружина наша, которую послали за тобой?» Она же ответила: «Идут за мною дружиною мужа моего». И когда опьянели древляне, велела отрокам своим пить за их честь; а сама отошла прочь и приказала дружине рубить древлян, и иссекли их пять тысяч. А Ольга вернулась в Киев и собрала войско.

Начало княжения Святослава, сына Игорева. **В год 6454 (946).** Ольга с сыном своим Святославом собрала много храбрых воинов и пошла на Деревскую землю. И вышли древляне против нее. И когда сошлись оба войска для схватки, Святослав бросил копьем в древлян, и копьё пролетело между ушей коня и ударило коня в ногу,

ибо был Святослав еще ребенок. И сказали Свенельд и Асмуд: «Князь уже начал, последуем, дружина, за князем». И победили древлян. Древляне же побежали и затворились в своих городах. Ольга же устремилась с сыном своим к городу Искоростеню, так как жители его убили ее мужа, и стала с сыном своим около города, а древляне затворились в городе и крепко боролись из города, ибо знали, что, убив князя, не на что им надеяться после сдачи. И стояла Ольга все лето и не могла взять города, и замыслила так: послала она к городу со словами: «До чего хотите досидеться? Ведь все ваши города уже сдались мне и обязались выплачивать дань и уже возделывают свои нивы и земли; а вы, отказываясь платить дань, собираетесь умереть с голода». Древляне же ответили: «Мы бы рады платить дань, но ведь ты хочешь мстить за мужа своего». Сказала же им Ольга что-де «я уже мстила за обиду своего мужа, когда приходили вы к Киеву в первый раз и во второй, а в третий раз – когда устроила тризну по своему муже. Больше уже не хочу мстить, – хочу только взять с вас небольшую дань и, заключив с вами мир, уйду прочь». Древляне же спросили: «Что хочешь от нас? Мы рады дать тебе мед и меха». Она же сказала: «Нет у вас теперь ни меду, ни мехов, поэтому прошу у вас немного: дайте мне от каждого двора по три голубя да по три воробья. Я ведь не хочу возложить на вас тяжелой дани, как муж мой, поэтому-то и прошу у вас мало. Вы же изнемогли в осаде, оттого и прошу у вас этой малости». Древляне же, обрадовавшись, собрали от двора по три голубя и по три воробья и послали к Ольге с поклоном. Ольга же сказала им: «Вот вы и покорились уже мне и моему дитяти, – идите в город, а я завтра отступлю от него и пойду в свой город». Древляне же с радостью вошли в город и поведали обо всем людям, и обрадовались люди в городе. Ольга же, раздав воинам – кому по голубю, кому по воробью, приказала привязывать каждому голубю и воробью трут, завертывая его в небольшие платочки и прикрепляя ниткой к каждой птице. И, когда стало смеркаться, приказала Ольга своим воинам пустить голубей и воробьев. Голуби же и воробьи полетели в свои гнезда: голуби в голубятни, а воробьи под стрехи, и так загорелись – где

голубятни, где клетки, где сараи и сеновалы, и не было двора, где бы ни горело, и нельзя было гасить, так как сразу загорелись все дворы. И побежали люди из города, и приказала Ольга воинам своим хватать их. И так взяла город и сожгла его, городских же старейшин забрала в плен, а других людей убила, третьих отдала в рабство мужам своим, а остальных оставила платить дань.

И возложила на них тяжкую дань: две части дани шли в Киев, а третья в Вышгород Ольге, ибо был Вышгород городом Ольги. И пошла Ольга с сыном своим и с дружиною по Древлянской земле, устанавливая распорядок дани и налогов; и сохранились места ее стоянок и охот до сих пор. И пришла в город свой Киев с сыном своим Святославом и пробыла здесь год.

В год 6455 (947). Отправилась Ольга к Новгороду и установила по Мсте погосты и дани и по Луге – оброки и дани, и ловища ее сохранились по всей земле, и есть свидетельства о ней, и места ее и погосты, а сани ее стоят в Пскове и поныне, и по Днепру есть места ее для ловли птиц и по Десне, и сохранилось село ее Ольжичи до сих пор. И так, установив все, возвратилась к сыну своему в Киев и там жила с ним в любви.

В год 6456 (948). В год 6457 (949).

В год 6458 (950). В год 6459 (951).

В год.6460 (952). В год 6461 (953).

В год 6462 (954).

В год 6463 (955). Отправилась Ольга в Греческую землю и пришла к Царьграду. И царствовал тогда цесарь Константин, сын Льва, и пришла к нему Ольга, и увидел царь, что она очень красива лицом и разумна, подивился царь ее разуму, беседуя с нею, и сказал ей: «Достойна ты царствовать с нами в столице нашей». Она же, уразумев смысл его обращения, ответила цесарю: «Я язычница; если хочешь крестить меня, то крести меня сам – иначе не крещусь». И крестил ее царь с патриархом. Просветившись же, она радовалась душой и телом; и наставил ее патриарх в вере и сказал ей: «Благословенна ты в женах русских, так как возлюбила свет и оставила тьму. Благословят

тебя русские потомки в грядущих поколениях твоих внуков». И дал ей заповеди о церковном уставе, и о молитве, и о посте, и о милостыне, и о соблюдении тела в чистоте. Она же, наклонив голову, стояла, внимая учению, как губка напояемая; и поклонилась патриарху со словами: «Молитвами твоими, владыка, пусть буду сохранена от сетей дьявольских». И было наречено ей в крещении имя Елена, как и древней царице – матери Константина Великого. И благословил ее патриарх и отпустил. После крещения призвал ее царь и сказал ей: «Хочу взять тебя в жены себе». Она же ответила: «Как ты хочешь взять меня, когда сам крестил меня и назвал дочерью? А у христиан не разрешается это – ты сам знаешь». И сказал ей царь: «Перехитрила ты меня, Ольга». И дал ей многочисленные дары – золото, и серебро, и паволоки, и сосуды различные; и отпустил ее, назвав своею дочерью. Она же, собравшись домой, пришла к патриарху, и попросила у него благословения вернуться, и сказала ему: «Люди мои и сын мой язычники, – да сохранит меня Бог от всякого зла». И сказал патриарх: «Чадо верное! В Христа ты крестилась и в Христа облеклась, и Христос сохранит тебя, как сохранил Еноха в древнейшие времена, а затем Ноя в ковчеге, Авраама от Авимелеха, Лота от содомлян, Моисея от фараона, Давида от Саула, трех отроков в печи, Даниила от зверей, – так и тебя избавит он от козней дьявола и от сетей его», И благословил ее патриарх, и отправилась она с миром в свою землю и пришла в Киев. Произошло это как при Соломоне: пришла царица эфиопская к Соломону, стремясь услышать премудрость Соломона, и увидела свидетельства его многомудрия: так же и эта блаженная Ольга искала настоящей Божественной мудрости, но та (царица эфиопская) – человеческой, а эта – Божьей. «Ибо ищущие мудрости найдут». «Премудрость на перекрестках возглашает, на путях возвышает голос свой, на городских стенах проповедует, в городских воротах громко говорит: доколе невежды будут любить невежество...» Эта же блаженная Ольга с малых лет искала мудрости, что есть самое лучшее в свете этом, и нашла многоценный жемчуг – Христа. Ибо сказал Соломон: «Желание благоверных приятно для души»; и: «Наклонишь сердце твое к размышле-

нию»; «Любящих меня я люблю, и ищущие меня найдут меня», Господь сказал: «Приходящего ко мне не изгоню вон».

Эта же Ольга пришла в Киев, и прислал к ней греческий царь послов со словами: «Много даров я дал тебе. Ты ведь говорила мне: когда-де возвращусь в Русь, много даров пришлю тебе; челядь, воск, и меха, и воинов в помощь». Отвечала Ольга через послов: «Если ты так же постоишь у меня в Почайне, как я в, Суду, то тогда дам тебе». И отпустила послов с этими, словами.

Жила же Ольга вместе с сыном своим Святославом, и учила его мать принять крещение, но он не думал прислушаться к этому; но если кто собирался креститься, то не запрещал, а только насмехался над тем. «Ибо для неверующих вера христианская юродство есть»; «Ибо не знают, не понимают те, кто ходят во тьме, и не ведают славы Господней»; «Огрубели сердца их, с трудом уши их слышат, а очи видят». Ибо сказал Соломон: «Дела нечестивых далеки от разума»; «Потому что звал вас и не послушались меня, направил слова и не внимали мне, но отвергли мои советы и обличений моих не приняли»; «Возненавидели премудрость, а страха Божьего не избрали для себя, не приняли совета моего, презрели все обличения мои». Так и Ольга часто говорила: «Я познала Бога, сын мой, и радуюсь; если и ты познаешь – тоже станешь радоваться». Он же не внимал тому, говоря: «Как мне одному принять иную веру? А дружина моя станет насмехаться». Она же сказала ему: «Если ты крестишься, то и все сделают то же». Он же не послушался матери, продолжая жить по языческим обычаям, не зная, что кто матери не слушает – в беду впадет, как сказано: «Если кто отца или матери не слушает, то смерть примет». Святослав же притом гневался на мать. Соломон же сказал: «Поучающий злых наживет себе обиду, обличающий же нечестивого опорочит себя; ибо обличения нечестивых – язвы. Не обличай злых, чтобы не возненавидели тебя». Однако Ольга любила своего сына Святослава и говаривала: «Да будет воля Божья, если захочет Бог помиловать род мой и землю Русскую, то вложит им в сердце то же желание обратиться к Богу, что даровал и мне». И, гово-

ря так, молилась она за сына и за людей всякую ночь и день, руководя сыном до его возмужалости и до его совершеннолетия.

В год 6464 (956). В год 6465 (957).

В год 6466 (958). В год 6467 (959).

В год 6468 (960). В год 6469 (961).

В год 6470 (962). В год 6471 (963).

В год 6472 (964). Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых, и легко ходил в походах, как пардус, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко нарезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так ел; не имел он и шатра, но спал, постилая потник с седлом в головах, – такими же были и все прочие его воины. И посылал в иные земли со словами: «Хочу на вас идти». И пошел на Оку реку и на Волгу, и встретил вятичей, и сказал вятичам: «Кому дань даете?» Они же ответили: «Хазарам – по щелягу с сохи даем».

В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар и столицу их и Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов.

В год 6474 (966). Вятичей победил Святослав и дань на них возложил.

В год 6475 (967). Пошел Святослав на Дунай на болгар. И бились обе стороны, и одолел Святослав болгар, и взял городов их семьдесят по Дунаю, и сел княжить там в Переяславце, беря дань с греков.

В год 6476 (968). Пришли впервые печенеги на Русскую землю, а Святослав был тогда в Переславце, и заперлась Ольга со своими внуками – Ярополком, Олегом, Владимиром в городе Киеве. И осадили печенеги силою великой: было их бесчисленное множество вокруг города, и нельзя было ни выйти из города, ни вести послать, и изнемогали люди от голода и жажды. И собрались люди той стороны Днепра в ладьях и стояли на том берегу, и нельзя было ни тем пробраться в Киев, ни этим из города к ним. И стали тужить люди в го-

роде и сказали. «Нет ли кого, кто бы смог перебраться на ту сторону и сказать им: если не подступите утром к городу, – сдадимся печенегам». И сказал один отрок: «Я проберусь», и ответили ему: «Иди». Он же вышел из города, держа уздечку, и пробежал через стоянку печенегов, спрашивая их: «Не видел ли кто-нибудь коня?» Ибо знал он по-печенежски, и его принимали за своего. И когда приблизился он к реке, то, скинув одежду, бросился в Днепр и поплыл. Увидев это, печенеги кинулись за ним, стреляли в него, но не смогли ему ничего сделать. На том берегу заметили это. подъехали к нему в ладье, взяли его в ладью и привезли его к дружине. И сказал им отрок: «Если не подойдете завтра к городу, то люди сдадутся печенегам». Воевода же их, по имени Претич, сказал на это: «Пойдем завтра в ладьях и, захватив княгиню и княжичей, умчим на этот берег. Если же не сделаем этого, то погубит нас Святослав». И на следующее утро, близко к рассвету, сели в ладьи и громко затрубили, а люди в городе закричали. Печенегам же показалось, что пришел сам князь, и побежали от города врассыпную. И вышла Ольга с внуками и людьми к ладьям. Печенежский же князь, увидев это, возвратился один и обратился к воеводе Претичу: «Кто это пришел?» А тот ответил ему: «Люди с той стороны (Днепра)». Печенежский же князь снова спросил: «А ты не князь ли уж?» Претич же ответил: «Я муж его, пришел с передовым отрядом, а за мною идет войско с самим князем: бесчисленное их множество». Так сказал он, чтобы их припугнуть. Князь же печенежский сказал Претичу: «Будь мне другом». Тот ответил: «Так и сделаю». И подали они друг другу руки, и дал печенежский князь Претичу коня, саблю и стрелы. Тот же дал ему кольчугу, щит и меч. И отступили печенеги от города, и нельзя было вывести коня напоить: стояли печенеги на Лыбеди. И послали киевляне к Святославу со словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул, а нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою и детей твоих. Если не придешь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?» Услышав это, Святослав, с дружиною быстро сел на коней и вернулся в Киев;

приветствовал мать свою и детей и сокрушался о том, что случилось с ними от печенегов. И собрал воинов, и прогнал печенегов в поле, и наступил мир.

В год 6477 (969). Сказал Святослав матери своей и боярам своим: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае – там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой, земли – золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мед и рабы». Отвечала ему Ольга: «Видишь – я больна, куда хочешь уйти от меня?» – ибо она уже разболелась. И продолжала: «Когда похоронишь меня, – отправляйся куда захочешь». Через три дня Ольга умерла, и плакали по ней плачем великим сын ее, и внуки ее, и все люди, и понесли, и похоронили ее на открытом месте. Ольга же завещала не совершать по ней тризны, так как имела при себе священника – тот и похоронил блаженную Ольгу.

Была она предвозвестницей христианской земле, как денница перед солнцем, как заря перед светом. Она ведь сияла, как луна в ночи; так и она светилась среди язычников, как жемчуг в грязи; были тогда люди загрязнены грехами, не омыты святым крещением. Эта же омылась в святой купели, и сбросила с себя греховные одежды первого человека Адама, и облеклась в нового Адама, то есть в Христа. Мы же взываем к ней: «Радуйся, русское познание Бога, начало нашего с ним примирения». Она первая из русских вошла в царство небесное, ее и восхваляют сыны русские – свою начинательницу, ибо и по смерти молится она Богу за Русь. Ведь души праведных не умирают, как сказал Соломон: «Веселится народ похваляемому праведнику»; память праведника бессмертна, так как признается он Богом и людьми. Здесь же ее все люди прославляют, видя, что она лежит много лет, не тронутая тлением; ибо сказал пророк; «Прославляющих меня прославлю». О таких ведь Давид сказал: «В вечной памяти будет праведник, не убоится дурной молвы; готово сердце его уповать на Господа, утверждено сердце его и не дрогнет», Соломон же сказал: «Праведники живут вовеки; награда им от Господа и попечение о них

у всевышнего. Посему получают они царство красоты и венец доброты от руки Господа, ибо Он покровит их десницею и защитит их мышцею». Защитил ведь Он и эту блаженную Ольгу от врага и супостата – дьявола.

В год 6478 (970). Святослав посадил Ярополка в Киеве, а Олега у древлян. В то время пришли новгородцы, прося себе князя: «Если не пойдете к нам, то сами добудем себе князя». И сказал им Святослав: «А кто бы пошел к вам?» И отказались Ярополк и Олег. И сказал Добрыня: «Просите Владимира». Владимир же был от Малуши ключницы Ольгиной. Малуша же была сестра Добрыни; отец же им был Малк Любечанин, и приходился Добрыня дядей Владимиру. И сказали новгородцы Святославу: «Дай нам Владимира». Он же ответил им: «Вот он вам». И взяли к себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрынею, своим дядей, в Новгород, а Святослав в Переяславец.

В год 6479 (971). Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе. И вышли болгары на битву против Святослава, и была сеча велика, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам: «Здесь нам и умереть; постоим же мужественно, братья й дружина!» И к вечеру одолел Святослав, и взял город приступом, и послал к грекам со словами: «Хочу идти на вас и взять столицу вашу, как и этот город». И сказали греки: «Невмоготу нам сопротивляться вам, так возьмите с нас дань и на всю свою дружину и скажи, сколько вас, чтобы разочлись мы по числу дружинников твоих». Так говорили греки, обманывая русских, ибо греки лживы и до наших дней. И сказал им Святослав: «Нас двадцать тысяч», и прибавил десять тысяч: ибо было русских всего десять тысяч. И выставили греки против Святослава сто тысяч и не дали дани. И пошел Святослав на греков, и вышли те против русских. Когда же русские увидели их – сильно испугались такого великого множества воинов, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим – должны сражаться. Так не посралим земли Русской, но ляжем здесь костями, ибо мертвые не принимают позора. Если же побежим – по-

зор нам будет. Так не побежим же, но станем крепко, а я пойду впереди вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». И исполчились русские, и была жестокая сеча, и одолел Святослав, а греки бежали. И пошел, Святослав к столице, воюя и разбивая города, что стоят и донныне пусты. И созвал царь бояр своих в палату и сказал им: «Что нам делать: не можем ведь ему сопротивляться?» И сказали ему бояре: «Пошли к нему дары; испытаем его: любит ли он золото или паволоки?» И послали к нему золото и паволоки с мудрым мужем, наказавши ему: «Следи за его видом, и лицом, и мыслями». Он же взял дары и пришел к Святославу. И поведали Святославу, что, пришли греки с поклоном. И сказал он: «Введите их сюда». Те вошли, и поклонились ему, и положили перед ним золото и паволоки. И сказал Святослав своим отрокам, смотря в сторону: «Спрячьте». Греки же вернулись к царю, и созвал царь бояр. Посланные же сказали: «Пришли-де мы к нему и поднесли дары, а он и не взглянул на них – приказал спрятать», И сказал один: «Испытай его еще раз: пошли ему оружие». Они же послушали его, и послали ему меч и другое оружие, и принесли ему. Он же взял и стал царя хвалить, выражать ему любовь и благодарность. Снова вернулись посланные к царю и поведали ему все, как было. И сказали бояре: «Лют будет муж этот, ибо богатством пренебрегает, а оружие берет. Плати ему дань». И послал к нему царь, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань сколько хочешь», ибо только немногим не дошел он до Царьграда. И дали ему дань; он же брал и на убитых, говоря: «Возьмет-де за убитого род его». Взял же и даров много и возвратился в Переяславец со славою великою. Увидев же, что мало у него дружины, сказал себе: «Как бы не убили какой-нибудь хитростью и дружину мою и меня», так как многие были убиты в боях. И сказал: «Пойду на Русь, приведу еще дружины».

И отправил послов к царю в Доростол, где в это время находился царь, говоря так: «Хочу иметь с тобою прочный мир и любовь». Царь же, услышав это, обрадовался и послал к нему даров больше

прежнего. Святослав же принял дары и стал думать с дружиною своею, говоря так; «Если не заключим мир с царем и узнает царь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А Русская земля далеко, печенеги с нами в войне, и кто нам поможет? Заключим же с царем мир: ведь они уже обязались платить нам дань, – того с нас и хватит. Если же перестанут нам платить дань, то снова из Руси, собрав множество воинов, пойдём на Царьград», И была любя речь эта дружине, и послали лучших мужей к царю, и пришли в Доростол и сказали о том царю. Царь же на следующее утро призвал их к себе и сказал: «Пусть говорят послы русские». Они же начали: «Так говорит князь наш: «Хочу иметь полную любовь с греческим царем на все будущие времена». Царь же обрадовался и повелел писцу записывать все речи Святослава на хартию. И стал посол говорить все речи, и стал писец писать, Говорил же он так:

«Список с договора, заключенного при Святославе, великом князе русском, и при Свенельде, писано при Феофиле Синкеле к Иоанну, называемому Цимисхием, царю греческому, в Доростоле, месяца июля, 14 индикта, в год 6479. Я, Святослав, князь русский, как клялся, так и подтверждаю договором этим клятву мою: хочу вместе со всеми подданными мне русскими, с боярами и прочими иметь мир и полную любовь с каждым великим царем греческим, с Василием и с Константином, и с боговдохновенными царями, и со всеми людьми вашими до конца мира, И никогда не буду замышлять на страну вашу, и не буду собирать на нее воинов, и не наведу иного народа на страну вашу, ни на ту, что находится под властью греческой, ни на Корсунскую страну и все города тамошние, ни на страну Болгарскую. И если иной кто замыслит против страны вашей, то я ему буду противником и буду воевать с ним. Как уже клялся я греческим царям, а со мною и бояре и все русские, да соблюдем мы прежний договор. Если же не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты от бога, в которого веруем, – в Перуна и в Волоса, бога скота и да будем желты, как золото, и своим, оружием посечены будем. Не сомневайтесь в правде того,

что мы обещали вам ныне и написали в хартии этой и скрепили своими печатями».

Заклучив мир с греками, Святослав в ладьях отправился к порогам. И сказал ему воевода отца его Свенельд: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги». И не послушал его и пошел в ладьях. А переяславцы послали к печенегам сказать; «Вот идет мимо вас на Русь Святослав с небольшой дружиной, забрав у греков много богатства и пленных без числа». Услышав об этом, печенеги заступили пороги. И пришел Святослав к порогам, и нельзя было их пройти. И остановился зимовать в Белобережье, и не стало у них еды, и был у них великий голод, так что по полугривне платили за конскую голову, и тут перезимовал Святослав.

В год 6480 (972). когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него. Свенельд же пришел в Киев к Ярополку. А всех лет княжения Святослава было двадцать восемь.

В год 6481 (973). Начал княжить Ярополк.

В год 6482 (974).

В год 6483 (975). Однажды Свенельдич, именем Лют, вышел из Киева на охоту и гнал зверя в лесу. И увидел его Олег и спросил своих: «Кто это?» И ответили ему: «Свенельдич». И, напав, убил его Олег, так как и сам охотился там же. И поднялась оттого ненависть между Ярополком и Олегом, и постоянно подговаривал Свенельд Ярополка, стремясь отомстить за сына своего: «Пойди на своего брата и захвати волость его».

В год 6484 (976).

В год 6485 (977). Пошел Ярополк походом на брата своего Олега в Деревскую землю. И вышел против него Олег, и исполчились обе стороны. И в начавшейся битве победил Ярополк Олега. Олег же со своими воинами побежал в город, названный Овруч, а через ров к городским воротам был перекинут мост, и люди, теснясь на нем, сталкивали друг друга вниз. И столкнули Олега с моста в ров. Много лю-

дей падало туда, причем кони давили людей. Ярополк, войдя в город Олегов, захватил власть и послал искать своего брата, и искали его, но не нашли. И сказал один древлянин: «Видел я, как вчера спихнули его с моста». И послал Ярополк найти брата, и вытаскивали трупы изо рва с утра и до полдня, и нашли Олега под трупами; вынесли его и положили на ковре, И пришел Ярополк, плакал над ним и сказал Свенельду: «Смотри, этого ты и хотел». И похоронили Олега в поле у города Овруча, и есть могила его у Овруча, и до сего времени. И наследовал власть его Ярополк. У Ярополка же была жена гречанка, а перед тем была она монахиней, в свое время привел ее отец его Святослав и выдал ее за Ярополка, красоты ради лица ее. Когда Владимир в Новгороде услышал, что Ярополк убил Олега, то испугался и бежал за море. А Ярополк посадил своих посадников в Новгороде и владел один Русскою землею.

В год 6486 (978). В год 6487 (979).

В год 6488 (980). Владимир вернулся в Новгород с варягами и сказал посадникам Ярополка: «Идите к брату моему и скажите ему: «Владимир идет на тебя, готовься с ним биться». И сел в Новгороде.

И послал к Рогволоду в Полоцк сказать: «Хочу дочь, твою взять себе в жены». Тот же спросил у дочери своей; «Хочешь ли за Владимира?» Она же ответила: «Не хочу разуть сына рабыни, но хочу за Ярополка». Этот Рогволод пришел из-за моря и держал власть свою в Полоцке, а Туры держал власть в Турове, по нему и прозвались туровцы. И пришли отроки Владимира и поведали ему всю речь Рогнеды – дочери полоцкого князя Рогволода. Владимир же собрал много воинов – варягов, славян, чуди, и кривичей – и пошел на Рогволода. А в это время собирались уже вести Рогнеду за Ярополка. И напал Владимир на Полоцк и убил Рогволода и двух его сыновей, а дочь его взял в жены.

И пошел на Ярополка. И пришел Владимир к Киеву с большим войском, а Ярополк не смог выйти ему навстречу и затворился в Киеве со своими людьми и с Блудом, и стоял Владимир, окопавшись, на Дорогожиче – между Дорогожичем и Капичем, и существует ров тот

и поныне. Владимир же послал к Блуду – воеводе Ярополка – с лживыми словами: «Будь мне другом! Если убью брата моего, то буду почитать тебя как отца и честь большую получишь от меня; не я ведь начал убивать братьев, но он. Я же, убоявшись этого, выступил против него». И сказал Блуд послам Владимировым: «Буду с тобой в любви и дружбе». О злая ложь человеческая! Как говорит Давид: «Человек, который ел хлеб мой, поднял на меня ложь». Этот же обманом задумал коварство против своего князя. И еще: «Языком своим льстили. Осуди их, Боже, да откажутся они от замыслов своих; по множеству нечестия их отвергни их, ибо прогневали они тебя, Господи». И еще сказал тот же Давид: «Муж скорый на кровопролитие и коварный не доживет и до половины дней своих». Зол совет тех, кто толкает на кровопролитие; безумцы те, кто, приняв от князя или господина своего почести или дары, замышляют погубить жизнь своего князя; хуже они бесов. Так вот и Блуд предал князя своего, приняв от него многую честь: потому и виновен он в крови той. Засел Блуд в осаду вместе с Ярополком, а сам, обманывая его, часто посылал к Владимиру с призывами идти приступом на город, замышляя в это время убить Ярополка, так как, опасаясь горожан, открыто его убить он не мог. Сам же Блуд не мог никак погубить его и придумал хитрость, подговаривая Ярополка не выходить из города на битву. Сказал Блуд Ярополку: «Киевляне посылают к Владимиру, говоря ему: «Приступай к городу, предадим-де тебе Ярополка». Беги же из города». И послушался его Ярополк, выбежал из Киева и затворился в городе Родне в устье реки Роси, а Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне. И был там жестокий голод, так что ходит поговорка и до наших дней: «Беда как в Родне». И сказал Блуд Ярополку: «Видишь, сколько воинов у брата твоего? Нам их не победить. Заключай мир с братом своим», – так говорил он, обманывая его. И сказал Ярополк: «Пусть так!» И послал Блуд к Владимиру со словами: «Сбылась-де мысль твоя, приведу-де к тебе Ярополка: приготовься убить его». Владимир же, услышав это, вошел в отчий двор теремной, о котором мы уже упоминали, и сел там с воинами и с дружиною сво-

ею. И говорил Блуд Ярополку: «Пойди к брату своему и скажи ему: «Что ты мне ни дашь, то я и приму». Ярополк пошел, а Варяжко говорил ему: «Не ходи, князь, убьют тебя; беги к печенегам и приведешь воинов», и не послушался его Ярополк. И пришел Ярополк ко Владимиру; когда же входил в двери, два варяга подняли его мечами под пазуху. Блуд же затворил двери и не дал войти за ним своим. И так убит был Ярополк. Варяжко же, увидев, что Ярополк убит, бежал со двора того теремного к печенегам и часто воевал с печенегами против Владимира, с трудом привлек его Владимир на свою сторону, дав ему клятвенное обещание. Владимир же стал жить с женою своего брата – гречанкой, и была она беременна, и родился от нее Святополк. От греховного же корня зол плод бывает: во-первых, была его мать монахиней, а во-вторых, Владимир жил с ней не в браке, а как прелюбодей. Потому-то и не любил Святополка отец его, что был он от двух отцов: от Ярополка и от Владимира.

Однажды, уже после, сказали варяги Владимиру: «Это наш город, мы его захватили, – хотим взять выкуп с горожан по две гривны с человека». И сказал им Владимир: «Подождите с месяц, пока соберут вам куны». И ждали они месяц, и не дал им Владимир выкупа, и сказали варяги: «Обманул нас, так отпусти в Греческую землю». Он же ответил им: «Идите». И выбрал из них мужей добрых, умных и храбрых и роздал им города; остальные же отправились в Царьград к грекам. Владимир же еще прежде них отправил послов к царю с такими словами: «Вот идут к тебе варяги, не вздумай держать их в столице, иначе наделают тебе такого же зла, как и здесь, но рассели их по разным местам, а сюда не пускай ни одного».

И стал Владимир княжить в Киеве один и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, затем Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, а жертвы эти шли бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими. И осквернилась кровью земля Русская и холм тот. Но преблагий Бог не хочет гибели грешников, и

на том холме стоит ныне церковь святого Василия, как расскажем об этом после. Теперь же возвратимся к прежнему.

Владимир посадил Добрыню, своего дядю, в Новгороде. И, придя в Новгород, Добрыня поставил кумира над рекою Волховом, и приносили ему жертвы новгородцы как Богу.

Был же Владимир побежден вожделением, и вот какие были у него жены: Рогнеда, которую поселил на Лыбеди, где ныне находится сельцо Предславино, от нее имел он четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода, и двух дочерей; от гречанки имел он Святополка, от чехини – Вышеслава, а еще от одной жены – Святослава и Мстислава, а от болгарыни – Бориса и Глеба, а наложниц было у него триста в Вышгороде, триста в Белгороде и двести на Берестове, в сельце, которое называют сейчас Берестовое. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растляя девиц. Был он такой же женолюбец, как и Соломон, ибо говорят, что у Соломона было семьсот жен и триста наложниц. Мудр он был, а в конце концов погиб. Этот же был невежда, а под конец обрел себе вечное спасение. «Велик Господь, и велика крепость Его, и разуму Его нет конца!» Женское прельщение – зло, вот как, покаявшись, сказал Соломон о женах: «Не внимай злой жене, ибо мед каплет с уст ее, жены любодейной; мгновение только наслаждает гортань твою, после же горчее желчи найдешь его... Сближающиеся с ней пойдут после смерти в ад. По пути жизни не идет она, распутная жизнь ее неблагоприятна». Вот что сказал Соломон о прелюбодейках; а о добрых женах сказал он так: «Дороже она многоценного камня. Радуетя на нее муж ее. Ведь делает она жизнь его счастливой. Достав шерсть и лен, делает все необходимое руками своими. Она, как купеческий корабль, занимающийся торговлей, издалека собирает себе богатство, и встает еще ночью, и раздает пищу в доме своем и урочное рабыням своим. Увидев поле – покупает: от плодов рук своих насадит пашню. Крепко подпоясав стан свой, укрепит мышцы свои на дело. Она чувствует, что трудиться хорошо, и не угасает светильник ее всю ночь. Руки свои протягивает к полезному, локти свои устремляет к верете-

ну. Руки свои протягивает к бедному, плод подает нищему. Не заботится муж ее о доме своем, потому что, где бы он ни был, – все домашние ее одеты будут. Двойные одежды сделает мужу своему, а червленые и багряные одеяния – для самой себя. Муж ее заметен всем у ворот, когда сядет на собрании со старейшинами и жителями земли. Покрывала сделает она и отдаст в продажу. Уста же свои открывает с мудростью, когда следует говорить языком своим. В силу и в красоту облеклась она. Милости ее превозносят дети ее и ублажают ее; муж хвалит ее. Благословенна разумная жена, ибо похвалит она страх Божий. Дайте ей от плода уст ее, и да прославят мужа ее у ворот».

В год 6489 (981). Пошел Владимир на поляков и захватил города их, Перемышль, Червен и другие города, которые и доньше под Русью. В том же году победил Владимир и вятичей и возложил на них дань – с каждого плуга, как и отец его брал.

В год 6490 (982). Поднялись вятичи войною, и пошел на них Владимир и победил вторично.

В год 6491 (983). Пошел Владимир против ятвягов, и победил ятвягов, и взял их земли. И пошел к Киеву, принося жертвы кумирам с людьми своими. И сказали старцы и бояре: «Бросим жребий на отроков и девиц, на кого падет он, того и зарежем в жертву богам». Был тогда варяг один, а двор его стоял там, где сейчас церковь святой Богородицы, которую построил Владимир. Пришел тот варяг из Греческой земли и исповедовал христианскую веру. И был у него сын, прекрасный лицом и душою, на него-то и пал жребий, по зависти дьявола. Ибо не терпел его дьявол, имеющий власть над всеми, а этот был ему как терние в сердце, и пытался сгубить его окаянный и натравил людей. И посланные к нему, придя, сказали: «На сына-де твоего пал жребий, избрали его себе боги, чтобы мы принесли жертву богам». И сказал варяг: «Не боги это, а простое дерево: нынче есть, а завтра сгниет; не едят они, не пьют, не говорят, но сделаны человеческими руками из дерева. Бог же один, Ему служат греки и поклоняются; сотворил он небо, и землю, и звезды, и луну, и солнце, и человека, и

предназначил его жить на земле. А эти боги что сделали? Сами они сделаны. Не дам сына своего бесам». Посланные ушли и поведали обо всем людям. Те же схватили оружие, пошли на него и разнесли его двор. Варяг же стоял на сених с сыном своим. Сказали ему: «Дай сына своего, да принесем его богам». Он же ответил: «Если боги они, то пусть пошлют одного из богов и возьмут моего сына. А вы-то зачем совершаете им требы?» И кликнули, и подсекли под ним сени, и так их убивши. И не ведает никто, где их положили. Ведь были тогда люди невежды и нехристи. Дьявол же радовался тому, не зная, что близка уже его погибель. Так пытался он погубить весь род христианский, но прогнан был честным крестом из иных стран. «Здесь же, – думал окаянный, – обрету себе жилище, ибо здесь не учили апостолы, здесь и пророки ничего не предрекли», не зная, что пророк сказал: «И назову людей не моих моими людьми»; об апостолах же сказано: «По всей земле разошлись речи их, и до конца вселенной – слова их». Если и не были здесь апостолы сами, однако учения их как трубные звуки раздаются в церквах по всей вселенной: их учением побеждаем врага – дьявола, попирая его под ноги себе, как попрали и эти два праведника, приняв венец небесный наравне со святыми мучениками и праведниками.

В год 6492 (984). Пошел Владимир на радимичей. Был у него воевода Волчий Хвост; и послал Владимир Волчьего Хвоста вперед себя, и встретил тот радимичей на реке Пищане, и победил радимичей Волчий Хвост. Оттого и дразнят русские радимичей, говоря: «Пищанцы волчьего хвоста бегают». Были же радимичи от рода ляхов, пришли и обосновались тут и платят дань Руси, повоз везут и доньне.

В год 6493 (985). Пошел Владимир на болгар в ладьях с дядею своим Добрынею, а торков привел берегом на конях, и победил болгар. Сказал Добрыня Владимиру: «Осмотрел пленных колодников, все они в сапогах. Этим дани нам не давать – пойдем, поищем себе лапотников». И заключил Владимир мир с болгарями, и клятву дали друг другу,

и сказали болгары: «Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель – тонуть». И вернулся Владимир в Киев.

В год 6494 (986). Пришли болгары магометанской веры, говоря: «Ты, князь, мудр и смыслен, а закона не знаешь, уверуй в закон наш и поклонись Магомету». И спросил Владимир: «Какова же вера ваша?» Они же ответили: «Веруем Богу, и учит нас Магомет так: совершать обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с женами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жен, и выберет одну из них красивейшую, и возложит на нее красоту всех, та и будет ему женой. Здесь же, говорит, следует невозбранно предаваться всякому блуду. Если кто беден на этом свете, то и на том», и другую всякую ложь говорили, о которой и писать стыдно. Владимир же слушал их, так как и сам любил жен и всякий блуд, потому и слушал их всласть. Но вот что было ему нелюбо: обрезание, воздержание от свиного мяса и от питья, и сказал он: «Руси есть веселие пить, не можем без того быть». Потом пришли иноземцы из Рима и сказали: «Пришли мы, посланные папой», и обратились к Владимиру: «Так говорит тебе папа: «Земля твоя такая же, как и наша, а вера наша не похожа на твою, так как наша вера – свет; кланяемся мы Богу, сотворившему небо и землю, звезды и месяц и все, что дышит, а ваши боги – просто дерево». Владимир же спросил их: «В чем заповедь ваша?» И ответили они: «Пост по силе; «если кто пьет или есть, то все это во славу Божию», – как сказал учитель наш Павел». Сказал же Владимир немцам: «Идите откуда пришли, ибо и отцы наши не приняли этого». Услышав об этом, пришли хазарские евреи и сказали: «Слышали мы, что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого бога Авраама, Исаака и Иакова». И спросил Владимир: «Что у вас за закон?» Они же ответил и: «Обрезываться, не есть свинины и заячины, хранить субботу». Он же спросил: «А где земля ваша?» Они же сказали: «В Иерусалиме». Снова спросил он: «Точно ли она там?» И ответили: «Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а зем-

лю нашу отдал христианам». Сказал на это Владимир: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?»

Затем прислали греки к Владимиру философа со следующими словами: «Слышали мы, что приходили болгары и учили тебя принять свою веру; вера же их оскверняет небо и землю, и прокляты они сверх всех людей, уподобились жителям Содома и Гоморры, на которых напустил Господь горящий камень и затопил их, и потонули, так вот и этих ожидает день гибели их, когда придет Бог судить народы и погубить всех, творящих беззакония и скверны. Ибо, подмывшись, вливают ту же воду в рот, мажут ею по бороде и поминают Магомета. Так же и жены их творят эту скверну, и еще даже большую...» Услышав об этом, Владимир плюнул на землю и сказал: «Нечисто это дело». Сказал же философ: «Слышали мы и то, что приходили к вам из Рима проповедовать у вас веру свою. Вера же их немного от нашей отличается: служат на опресноках, то есть на облатках, о которых Бог не заповедал, повелев служить на хлебе, и поучал апостолов, взяв хлеб: «Сие есть тело мое, ломимое за вас...» Так же и чашу взял и сказал: «Сия есть кровь моя нового завета». Те же, которые не творят этого, неправильно веруют». Сказал же Владимир: «Пришли ко мне евреи и сказали, что немцы и греки веруют в Того, Кого они распяли». Философ ответил: «Воистину веруем в Того; их же самих пророки предсказывали, что родится Бог, а другие – что распят будет и погребен, но в третий день воскреснет и взойдет на небеса. Они же одних пророков избивали, а других истязали. Когда же сбылись пророчества их, когда сошел Он на землю, был Он распят и, воскреснув, поднялся на небеса, ожидал Бог покаяния от них сорок шесть лет, но не покаяться, и тогда послал на них римлян, и римляне разбили их города, а самих рассеяли по иным землям, где и пребывают в рабстве». Владимир спросил: «Зачем же сошел Бог на землю и принял такое страдание?» Ответил же философ: «Если хочешь послушать, то скажу тебе по порядку с самого начала, зачем Бог сошел

на землю». Владимир же сказал: «Рад послушать». И начал философ говорить так:

«В начале, в первый день, сотворил Бог небо и землю. Во второй день сотворил твердь (видимое небо) посреди воды. В тот же день разделились воды – половина их взошла на твердь, половина пошла под твердь. В третий день сотворил он море, реки, источники и семена. В четвертый день – солнце, луну, звезды и украсил Бог небо. Увидел все это первый из ангелов – старейшина чина ангельского, и подумал: «Сойду на землю, и овладею ею, и буду подобен Богу, и поставлю престол свой на облаках северных». И тотчас же был свергнут с небес, и вслед за ним пали те, кто находился под его началом – десятый ангельский чин. Было имя врагу – Сатанаил, а на его место Бог поставил старейшину Михаила. Сатана же, обманувшись в замысле своем и лишившись первоначальной славы своей, назвался противником Богу. Затем, в пятый день, сотворил Бог киты, рыбы, гады и птицы пернатые. В шестой день сотворил Бог зверей, скотов, гадов земных; создал и человека. В седьмой же день, то есть в субботу, почил Бог от дел своих. И насадил Бог рай на востоке в Эдеме и ввел в него человека, которого создал, и заповедал ему есть плоды каждого дерева, а плодов одного дерева – познания добра и зла – не есть. И был Адам в раю, видел Бога и славил его вместе с ангелами. И навел Бог сон на Адама, и уснул Адам, и взял Бог одно ребро у Адама, и сотворил ему жену, и ввел в нее в рай к Адаму, и сказал Адам: «Вот кость от кости моей и плоть от плоти моей; она будет называться женою». И нарек Адам имена скотам, птицам, зверям и гадам и дал имена даже самим ангелам. И подчинил Бог Адаму звери и скоты, и обладал он всеми, и все его слушали. Дьявол же, увидев, как почтил Бог человека, стал ему завидовать, преобразился в змия, пришел к Еве и сказал ей: «Почему не едите от дерева, растущего посредине рая?» И сказала жена змию: «Сказал Бог: не ешьте, если же съедите, то смертью умрете». И сказал жене змий: Смертию не умрете; ибо знает Бог, что в день тот, в который съедите от дерева этого, откроются очи ваши и будете как Бог, познав добро и зло». И увидела жена, что дерево съе-

добное, и взяла плод, и дала мужу своему, и ели оба, и открылись очи обоих, и поняли они, что наги, и сшили себе препоясание из листвы смоковницы. И сказал, Бог: «Проклята земля за твои дела, в печали будешь насыщаться все дни твоей жизни». И сказал еще Господь Бог: «Когда прострете руки и возьмете от дерева жизни, – будете жить вечно». И изгнал Господь Бог Адама из рая. И поселился он против рая, плачась и возделывая землю, и поразовался сатана о проклятии земли. Это первое наше падение и горькая расплата, отпадение от ангельского жития. Родил Адам Каина и Авеля, Каин был пахарь, а Авель пастух. И понес Каин в жертву Богу плоды земные, и не принял Бог даров его. Авель же принес первенца ягненка, и принял Бог дары Авеля. Сатана же вошел в Каина и стал подстрекать его убить Авеля. И сказал Каин Авелю: «Пойдем в поле». И послушал его Авель, и когда вышли, восстал Каин на Авеля и хотел убить его, но не знал, как это сделать. И сказал ему сатана: «Возьми камень и ударь его». Он взял камень и убил Авеля. И сказал Бог Каину: «Где брат твой?» Он же ответил: «Разве я сторож брату моему?» И сказал Бог: «Кровь брата твоего вопиет ко мне, будешь стонать и трястись до конца жизни своей». Адам и Ева плакали, а дьявол радовался, говоря: «Кого Бог почтил, а я того заставил отпасть от Бога и вот ныне плачу ему наделал». И плакались по Авеле тридцать лет, и не истлело тело его, и не умели его похоронить. И повелением Божиим прилетели два птенца, один из них умер, другой же ископал яму и положил в нее умершего и похоронил его. Увидев это, Адам и Ева выкопали яму, положили в нее Авеля и похоронили с плачем. Когда Адаму было двести тридцать лет, родил он Сифа и двух дочерей, и взял одну Каин, а другую Сиф, и оттого пошли плодиться люди и множиться на земле. И не познали сотворившего их, исполнились блуда, и всякой нечистоты, и убийства, и зависти, и жили люди как скоты. Только Ной один был праведен в роде этом. И родил он трех сыновей: Сима, Хама и Иафета. И сказал Бог: «Не будет дух мой пребывать среди людей»; и еще: «Истреблю то, что сотворил, от человека и до скота». И сказал Господь Бог Ною: «Построй ковчег в длину триста локтей, в

ширину восемьдесят, а в вышину тридцать»; египтяне же называют локтем сажень. Сто лет делал Ной свой ковчег, и когда поведал Ной людям, что будет потоп, посмеялись над ним. Когда же сделал ковчег, сказал Ною Господь: «Войди в него ты, и твоя жена, и сыновья твои, и снохи твои, и введи к себе по паре от всех зверей, и от всех птиц, и от всех гадов». И ввел Ной кого приказал ему Бог. Навел Бог потоп на землю, потонуло все живое, а ковчег плавал на воде. Когда же спала вода, вышел Ной, его сыновья и жена. От них и населилась земля. И было людей много, и говорили они на едином языке, и сказали они друг другу: «Построим столп до неба». Начали строить, и был старейшина их Неврод; и сказал Бог: «Вот умножились люди и замыслы их суетные». И сошел Бог, и разделил речь их на семьдесят и два языка. Язык же Адама не был отнят у Евера; этот один из всех остался непричастен к их безумному делу и сказал так: «Если бы Бог приказал людям создать столп до неба, то повелел бы то словом своим — так же как сотворил небо, землю, море, все видимое и невидимое». Вот почему не переменился его язык, от него пошли евреи. Итак, разделились люди на семьдесят один язык и разошлись по всем странам, и каждый народ принял свой нрав. По научению дьявола приносили они жертвы рощам, колодцам и рекам и не познали истинного Бога. От Адама же и до потопа прошло 2242 года, а от потопа до деления народов 529 лет. Затем дьявол ввел людей в еще большее заблуждение, и стали они создавать кумиров: одних— деревянных, других — медных, третьих — мраморных, а некоторых — золотых и серебряных; и кланялись им, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, и закалывали их перед ними, и была осквернена вся земля. Первым же стал делать кумиры Серух, создавал он их в честь умерших людей: некоторых ставил прежним царям, других — храбрым людям, и волхвам, и женам-прелюбодейкам. Серух же родил Фарру, Фарра же родил трех сыновей: Авраама, Нахора и Аарона. Фарра же делал кумиры, научившись этому у своего отца. Авраам же, начав понимать истину, посмотрел на небо, и увидел звезды и небо, и сказал: «Воистину тот Бог, который создал небо и землю, а отец мой об-

манывает людей». И сказал Авраам: «Испытаю богов отца своего», и обратился к отцу: «Отец! Зачем обманываешь людей, делая деревянных кумиров? Тот Бог, кто сотворил небо и землю». Авраам, взяв огонь, зажег идолов в храме. Аарон же, брат Авраама, увидев это, и чтя идолов, захотел вынести их, но Аарон тут же сгорел и умер раньше отца. Перед этим же не умирал сын прежде отца, но отец прежде сына; и с тех пор стали умирать сыновья прежде отцов. Бог же возлюбил Авраама и сказал ему: «Изыди из дома отца твоего и пойдешь в землю, которую покажу тебе, и сотворю от тебя великий народ, и благословят тебя поколения людские». И сделал Авраам так, как заповедал ему Бог. И взял Авраам племянника своего Лота; этот Лот был ему шурином и племянником, так как Авраам взял за себя дочь брата Аарона – Сару. И пришел Авраам в землю Хананейскую к высокому дубу, и сказал Бог Аврааму: «Потомству твоему дам землю эту». И поклонился Авраам Богу. Аврааму же было семьдесят пять лет, когда вышел он из Харрана. Сара же была неплодной, болела бесчадием. И сказала Сара Аврааму: «Войди к рабе моей». И взяла Сара Агарь и отдала ее мужу своему, и вошел Авраам к Агари. Агарь же зачала и родила сына, и назвал его Авраам Измаилом; Аврааму же было семьдесят шесть лет, когда родился Измаил. Затем зачала Сара, и родила сына, и назвала его Исаак. И приказал Бог Аврааму совершить обрезание отрока, и обрезали его на восьмой день. Возлюбил Бог Авраама и племя его, и назвал его своим народом, и, назвав своим народом, отделил его от других племен. И возмужал Исаак, а Авраам жил сто семьдесят пять лет, и умер, и был погребен. Когда же Исааку было шестьдесят лет, родил он двух сыновей: Исава и Иакова, Исав же был лжив, а Иаков – праведен. Этот Иаков работал у своего дяди семь лет, добиваясь руки его младшей дочери, и не дал ее ему Лаван – дядя его, сказав так: «Возьми старшую». И дал ему Лию, старшую, а ради другой, сказал ему, работать еще семь лет. Он же работал еще семь лет ради Рахили. И так взял себе двух сестер и родил от них восемь сыновей: Рувима, Симеона, Левгию, Иуду, Исахара, Заулону, Иосифа и Вениамина, и от двух рабынь: Дана, Нефталима, Гада и Асира. И от

них пошли евреи. Иаков же отправился, когда ему было сто тридцать лет, в Египет, вместе со всем родом своим, числом шестьдесят пять душ. Прожил он в Египте семнадцать лет и умер, а потомство его находилось в рабстве четыреста лет. По прошествии же этих лет усилились евреи и умножились, а египтяне держали их в рабстве. В эти времена родился у евреев Моисей, и сказали волхвы египетскому царю: «Родился ребенок у евреев, который погубит Египет». И тотчас же повелел царь всех рождающихся еврейских детей бросать в реку. Мать же Моисея, испугавшись этого истребления, взяла младенца, положила его в корзину и отнесла и поставила его на заливном лугу. В это время пришла дочь фараона Фермуфи купаться и увидела плачущего ребенка, взяла его, пощадила, назвала Моисеем и вскормила. Был же тот мальчик красив, и когда исполнилось ему четыре года, привела его дочь фараона к своему отцу, Фараон, увидев Моисея, полюбил мальчика. Моисей, хватаясь как-то за шею царя, сронил с царской головы венец и наступил на него. Волхв, увидев это, сказал царю: «О царь! Погуби отрока этого, если же не погубишь, то погубит он сам весь Египет». Царь же не только его не послушал, но, больше того, приказал не губить еврейских детей. Моисей возмужал и стал великим мужем в доме фараона. Когда же стал в Египте иной царь, бояре начали завидовать Моисею. Моисей же, убив египтянина, обижавшего еврея, бежал из Египта и пришел в землю Мадиямскую, и когда шел через пустыню, узнал он от ангела Гавриила о бытии всего мира, о первом человеке и о том, что было после него и после потопа, и о смещении языков, и кто сколько лет жил, и о движении звезд и о числе их, и о мере земли, и всякую премудрость. Затем явился Моисею Бог в горящем терновом кусте и сказал ему: «Видел я горе людей моих в Египте и сошел, чтобы освободить их изпод власти египетской, вывести их из этой земли. Иди же к фараону, царю египетскому, и скажи ему: «Выпусти Израиля, чтобы три дня совершали они потребу Богу». Если же не послушает тебя царь египетский, то побью его всеми чудесами моими». Когда пришел Моисей, не послушал его фараон, и напустил Бог на него десять казней: во-первых, окровавлен-

ные реки; во-вторых, жаб; в-третьих, мошек; в-четвертых, песьих мух; в-пятых, мор скота; в-шестых, нарывы; в-седьмых, град; в-восьмых, саранчу; в-девятых, трехсуточную тьму; в-десятых, мор на людей. Потому напустил Бог на них десять казней, что десять месяцев топили они детей еврейских. Когда же начался мор в Египте, сказал фараон Моисею и брату его Аарону: «Поскорей уходите!» Моисей же, собрав евреев, пошел из Египта. И вел их Господь через пустыню к Красному морю, и шел впереди них огненный столп ночью, а днем – облачный. Услышал же фараон, что бегут люди, и погнался за ними и прижал их к морю. Когда же увидели это евреи, возопили к Моисею: «Зачем повел нас на смерть?» И воззвал Моисей к Богу, и сказал Господь: «Что взываешь ко мне? Ударь жезлом по морю». И поступил Моисей так, и расступилась вода надвое, и вошли дети Израиля в море. Увидев это, фараон погнался за ними, сыновья же Израиля перешли море посуху. И когда вышли на берег, сомкнулось море над фараоном и воинами его. И возлюбил Бог Израиля, и шли они от моря три дня по пустыне, и пришли в Мерру. Была здесь вода горька, и возроптали люди на Бога, и показал им Господь дерево, и положил его Моисей в воду, и усладилась вода, Затем снова возроптали люди на Моисея и на Аарона: «Лучше нам было в Египте, где ели мы мясо, лук и хлеб досыта». И сказал Господь Моисею: «Слышал ропот сынов Израилевых», и дал им есть манну. Затем дал им закон на горе Синайской. Когда Моисей взошел на гору к Богу, люди отлили голову тельца и поклонились ей, как Богу. И иссек Моисей три тысячи этих людей. А затем снова возроптали люди на Моисея и Аарона, так как не было воды. И сказал Господь Моисею: «Ударь жезлом в камень». И ответил Моисей: «А что, если не испустит он воду?» И разгневался Господь на Моисея, что не возвеличил Господа, и не вошел он в землю обетованную из-за ропота людей, но возвел его на гору Вамскую и показал землю обетованную. И умер Моисей на той горе. И принял власть Иисус Навин; этот пришел в землю обетованную, избил хананейское племя и вселил на место их сынов Израилевых. Когда же умер Иисус, стал на его место судья Иуда; а иных

судей было четырнадцать, при них забыли евреи Бога, выведшего из Египта, и стали служить бесам. И разгневался Бог и предал их иноплеменникам на расхищение. Когда же начали они каяться, – миловал их Бог, а когда избавлял их, – снова уклонялись на служение бесам. Затем был судья Илья-жрец, а затем пророк Самуил. И сказали люди Самуилу: «Поставь нам царя». И разгневался Господь на Израиля и поставил им царя Саула. Однако Саул не захотел подчиниться закону Господню, и избрал Господь Давида и поставил его царем Израилю, и угодил Давид Богу. Давиду этому обещал Бог, что родится Бог от племени его. Он первый стал пророчествовать о воплощении Божьем, говоря: «Из чрева прежде утренней звезды родил тебя». Так пророчествовал он сорок лет и умер. А вслед за ним пророчествовал сын его Соломон, который создал храм Богу и назвал его Святая Святых. И был он мудр, но под конец согрешил; царствовал сорок лет и умер. После Соломона царствовал сын его Ровоам. При нем разделилось еврейское царство на двое: в Иерусалиме одно, а в Самарии другое. В Самарии же царствовал Иеровоам, холоп Соломона; сотворил он два золотых тельца и поставил – одного в Вефиле на холме, а другого в Дане, сказав: «Вот боги твои, Израиль». И поклонялись люди, а Бога забыли. Так и в Иерусалиме стали забывать Бога и поклоняться Ваалу, то есть богу войны, иначе говоря – Арею; и забыли Бога отцов своих. И стал Бог посылать к ним пророков. Пророки же начали обличать их в беззаконии и в служении кумирам. Они же, обличаемые, стали избивать пророков. Бог разгневался на Израиля и сказал: «Отвергну тебя, призову иных людей, которые будут послушны мне. Если и согрешат, не помяну беззакония их». И стал посылать пророков, говоря им: «Пророчествуйте об отвержении евреев и о призвании новых народов».

Первым стал пророчествовать Осия: «Положу конец царству дома Израилева... Сокрошу лук Израилев... Уже не буду более миловать дома Израилева, но, отменяя, отвергнусь их», – говорит Господь. «И будут скитальцами между народами». Иеремия же сказал: «Хотя бы представили передо мной Самуил и Моисей... не помилую их». И еще сказал тот

же Иеремия: «Так говорил господь: «Вот я поклялся именем моим великим, что не будет имя мое произносимо устами евреев». Иезекиль же сказал: «Так говорит Господь Адонай...: «Рассею вас, и весь остаток ваш развею по всем ветрам... За то, что осквернили святилище мое всеми мерзостями вашими; я же отрину тебя... и не помилую тебя». Малахия же сказал: «Так говорит господь: «Уже нет моего благоволения к вам... Ибо от востока и до запада прославится имя мое между народами, и на всяком месте будут приносить фимиам имени моему и жертву чистую, так как велико будет имя мое между народами. За то и отдам вас на поношение и на рассеяние среди всех народов». Исайя же великий сказал: «Так говорит господь: «Простру руку свою на тебя, сгною и рассею тебя, и вновь не соберу тебя». И еще сказал тот же пророк: «Возненавидел я праздники и новомесячные ваши, и суббот ваших не принимаю». Амос же пророк сказал: «Слушайте слово господне: «Я подниму плач о вас, пал дом Израилев и не встанет более». Малахия же сказал: «Так говорит господь: «Пошлю на вас проклятие и проклянью ваше благословение... разрушу его и не будет с вами». И много пророчествовали пророки об отвержении их.

Тем же пророкам повелел Бог пророчествовать о призвании на их место иных народов. И стал взывать Исайя, так говоря: «От меня произойдет закон и суд мой поставлю во свет для народов. Правда моя близка и восходит... и на мышцу мою надеются народы». Иеремия же сказал: «Так говорит господь: «Заклучу с домом Иудиным новый завет... Давая им законы в разумение их, и на сердце их напишу, и буду им богом, а они будут моим народом». Исайя же сказал: «Прежнее миновало, а новое возвещу, – прежде возвещания, оно было показано вам. Пойте Богу новую песнь». «Рабам моим дастся новое имя, которое будет благословляться по всей земле». «Дом мой назовется домом молитвы всех народов». Тот же пророк Исайя говорит: «Обнажит господь святую мышцу свою перед глазами всех народов, – и все концы земли увидят спасения Бога нашего». Давид же говорит: «Хвалите господа все народы, прославляйте его все люди».

Так возлюбил Бог новых людей и открыл им, что сойдет к ним сам, явится человеком во плоти и искупит страданием грех Адама. И стали пророчествовать о воплощении Бога, раньше других Давид: «Сказал господь господе моему: «Сядь одесную меня, доколе положу врагов твоих к подножию ног твоих». И еще: «Сказал мне господь: «Ты сын мой; я ныне родил тебя», Исайя же сказал: «Ни посол, ни вестник, но сам бог, придя, спасет нас». И еще: «Младенец родится нам, владычество на плечах его, и нарекут имя ему великого света ангел... Велика власть его, и миру его нет предела». И еще: «Вот, дева во чреве зачнет, и нарекут имя ему Еммануил». Михей же сказал: «Ты, Вифлеем – дом Ефранта, разве ты не велик между тысячами иудини-ми? Из тебя ведь произойдет тот, который должен быть владыкою во Израиле и происхождение которого от дней вечных. Посему он ставит их до времени, доколе не родит тех, которые родят, и тогда возвратятся оставшиеся братья их к сынам Израиля». Иеремия же сказал: «Сей есть бог наш, и никто другой не сравнится с ним. Он нашел все пути премудрости и даровал ее отроку своему Иакову... После того он явился на земле и жил между людей». И еще: «Человек он; кто узнает, что он бог? ибо умирает как человек». Захария же сказал: «Не послушали сына моего, а я не услышу их, говорит господь». И Осия сказал: «Так говорит господь; плоть моя от них».

Прорекли же и страдания его, говоря, как сказал Исайя: «Горе душе их! Ибо совет зол сотворили, говоря: свяжем праведника». И еще сказал тот же пророк: «Так говорит господь: «...Я не воспротивляюсь, не возражаю. Хребет мой отдал я для нанесения ран, а щеки мои – на заушение, и лица моего не отвернул от поругания и оплевания». Иеремия же сказал: «Придите, положим дерево в пищу его и отторгнем от земли жизнь его». Моисей же сказал о распятии его: «Увидите жизнь вашу висящую перед глазами вашими». И Давид сказал: «Зачем мятутся народы». Исайя же сказал: «Как овца, веден был он на заклание». Ездра же сказал: «Благословен Бог, распростерший руки свои и спасший Иерусалим».

И о воскресении, сказал Давид: «Восстань, боже, суди землю, ибо ты наследуешь все народы». И еще: «Как бы от сна воспрянул господь». И еще: «Да воскреснет бог, и да расточатся враги его». И еще: «Воскресни, господи бог мой, да вознесется рука твоя». Исайя же сказал: «Сошедшие в страну тени смертной, свет воссияет на вас». Захария же сказал: «И ради крови завета твоего освободил узников своих из рва, в котором нет воды».

И много пророчествовали о нем, что и сбылось все».

Спросил же Владимир: «Когда же это сбылось? И сбылось ли все это? Или еще только теперь сбудется?» Философ же ответил ему: «Все это уже сбылось, когда воплотился бог. Как я уже сказал, когда евреи избивали пророков, а цари их преступали законы, преданы были они на расхищение, и выведены в плен в Ассирию за грехи свои, и были в рабстве там семьдесят лет. А затем возвратились в свою землю, и не было у них царя, но архиереи властвовали над ними до ино-племенника Ирода, ставшего над ними властвовать.

В правлении этого последнего, в год 5500, послан был Гавриил в Назарет к деве Марии, родившейся в колене Давидовом, сказать ей: «Радуйся, обрадованная, Господь с тобою!» И от слов этих понесла она в утробе Слово божие, и родила сына, и назвала его Иисус. И вот пришли с востока волхвы, говоря: «Где родившийся царь еврейский? Ибо видели звезду его на востоке и пришли поклониться ему». Услышав об этом, Ирод царь смутился, и весь Иерусалим с ним, и, призвав книжников и старцев, спросил их: «Где рождается Христос?» Они же ответили ему: «В Вифлееме еврейском». Ирод же, услышав это, послал с приказанием: «Избейте младенцев всех до двух лет». Они же пошли и истребили младенцев, А Мария, испугавшись, спрятала младенца. Затем Иосиф с Марией, взяв младенца, бежали в Египет, где пробыли до смерти Ирода. В Египте же явился Иосифу ангел и сказал: «Встань, возьми младенца и Мать Его и иди в землю Израилеву». И, вернувшись, поселился в Назарете. Когда же Иисус вырос и было ему тридцать лет, начал он творить чудеса и проповедовать царство небесное. И избрал двенадцать, и назвал их учениками свои-

ми, и стал творить великие чудеса – воскрешать мертвых, очищать прокаженных, исцелять хромых, давать прозрение слепым – и иные многие великие чудеса, которые прежние пророки предсказали о Нем: «Тот исцелил недуги наши и болезни наши на себя взял». И крестился он в Иордане от Иоанна, показав обновление новым людям. Когда же он крестился, отверзлись небеса, и дух сошел под видом голубиным, и голос сказал: «Вот сын мой возлюбленный, к нему же мое благоволение». И посылал он учеников своих проповедовать царствие небесное и покаяние для оставления грехов. И собирался исполнить пророчество, и начал проповедовать о том, как подобает сыну человеческому пострадать, быть распяту и в третий день воскреснуть. Когда же учил он в церкви, архиереи и книжники исполнились зависти, и искали убить его, и, захватив его, повели к правителю Пилату. Пилат же, дознавшись, что привели его без вины, захотел его отпустить. Они же сказали ему: «Если отпустишь этого, то не будешь другом цезарю». Пилат и приказал, чтобы его распяли. Они же, взяв Иисуса, повели на лобное место и тут распяли его. Настала тьма по всей земле от шестого часа и до девятого, и в девятом часу испустил дух Иисус. Церковная завеса разодралась надвое, восстали мертвые многие, которым повелел войти в рай. Сняли его с креста, положили его в гроб, и печатями запечатали гроб евреи, приставили стражу, сказав: «Как бы не украли ученики его». Он же воскрес на третий день. Воскреснув из мертвых, явился он ученикам своим и сказал им: «Идите ко всем народам и научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа». Пробыл он с ними сорок дней, приходя к ним после своего воскресения. Когда прошло сорок дней, повелел им идти к горе Елеонской. И тут явился им, и благословил их, и сказал: «Будьте в граде Иерусалиме, пока не пришлю вам обетование отца моего». И сказав это, вознесся на небо. Они же поклонились ему. И возвратились в Иерусалим, и были всегда в церкви. По прошествии пятидесяти дней сошел Дух Святой на апостолов. А когда приняли обетование Святого Духа, то разошлись по вселенной, уча и крестя водою».

Владимир же спросил: «Зачем родился Он от жены, был распят на дереве и крестился водою?» Философ же ответил ему; «Вот зачем! Вначале род человеческий женою согрешил: дьявол прельстил Адама Евою, и отпал тот от рая, так и Бог отомстил дьяволу: через жену была первоначальная победа дьявола, так как через жену первоначально был изгнан Адам из рая; через жену же воплотился Бог и приказал войти в рай верным. А на дереве он был распят потому, что от дерева вкусил Адам и из-за него был изгнан из рая; Бог же на дереве принял страдания, чтобы деревом был побежден дьявол, и деревом жизни спасутся праведные. А обновление водою совершилось потому, что при Ное, когда умножились грехи у людей, навел Бог потоп на землю и потопил людей водою; потому-то и сказал Бог: «Водою погубил я людей за грехи их, теперь вновь водою очищу от грехов людей, – водою обновления»; ибо и евреи в море очистились от египетских злодеяний, ибо первой была сотворена вода; сказано ведь: дух божий носился поверх вод, потому и ныне крестятся водою и духом. Первое прообразование тоже было водою, когда Гедеон дал прообраз следующим способом: однажды пришел к нему ангел, веля ему идти в Мадиама, он же, испытав, обратился к Богу; положив руно на гумне, сказал: «Если будет по земле роса, а руно сухо...» И было так. Это же прообразовало, что, все иные страны были прежде без росы, а евреи – руно, после же на других странах стала роса, которое есть святое крещение, а евреи остались без росы. И пророки предрекли, что обновление будет через воду.

Когда апостолы учили во всем мире веровать богу, учение их и мы, греки, приняли, вселенная верует учению их. Установил же бог и день единый, в который, сойдя с небес, будет судить живых и, мертвых и воздаст каждому по делам его: праведникам – царство небесное, красоту неизреченную, веселие без конца и бессмертие вечное; грешникам же – мучение огненное, червь неусыпающий и мука без конца. Таковы будут мучения тем, что не верят Богу нашему Иисусу Христу; будут мучиться в огне те, кто не крестится». И, сказав это, философ показал Владимиру занавес, на котором написано было

судилище Господне, направо указал ему на праведных, в веселии идущих в рай, а налево – грешников, идущих на мучение, Владимир же, вздохнув, сказал; «Хорошо тем, кто справа, горе же тем, кто слева». Философ же сказал: «Если хочешь с праведниками справа стать, то крестись». Владимиру же запала на сердце мысль эта, и сказал он: «Подожду еще немного», желая разузнать о всех верах. И дал ему Владимир многие дары и отпустил его с честью великою.

В год 6495 (987). Созвал Владимир бояр своих и старцев градских и сказал им: «Вот приходили ко мне болгары, говоря: «Прими закон наш». Затем приходили немцы и хвалили закон свой. За ними пришли евреи. После всех пришли греки, браня все законы, а свой восхваляя, и многие говорили, рассказывая от начала мира, о бытии всего мира. Мудро говорят они, и чудно слышать их, и каждому любо их послушать, рассказывают они и о другом свете: если кто, говорят, перейдет в нашу веру, то, умерев, снова восстанет, и не умереть ему вовеки; если же в ином законе будет, то на том свете гореть ему в огне. Что же вы посоветуете? что ответите?» И сказали бояре и старцы: «Знай, князь, что своего никто не бранит, но хвалит. Если хочешь в самом деле разузнать, то ведь имеешь у себя мужей: послав их, разузнай, какая у них служба и кто как служит Богу». И понравилась речь их князю и всем людям; избрали мужей славных и умных, числом десять, и сказали им: «Идите сперва к болгарам и испытайте веру их», Они же отправились, и, придя к ним, видели их скверные дела и поклонение в мечети, и вернулись в землю свою. И сказал им Владимир: «Идите еще к немцам, высмотрите и у них все, а оттуда идите в Греческую землю». Они же пришли к немцам, увидели службу их церковную, а затем пришли в Царьград и явились к царю. Царь же спросил их: «Зачем пришли?» Они же рассказали ему все. Услышав их рассказ, царь обрадовался и в тот же день сотворил им честь великую. На следующий же день послал к патриарху, так говоря ему: «Пришли русские испытывать веру нашу, приготовь церковь и клир и сам оденься в святительские ризы, чтобы видели они славу Бога нашего». Услышав об этом, патриарх повелел созвать клир, сотворил по

обычаю праздничную службу, и кадила возожгли, и устроили пение и хоры. И пошел с русскими в церковь, и поставили их на лучшем месте, показав им церковную красоту, пение и службу архиерейскую, предстояние дьяконов и рассказав им о служении Богу своему. Они же были в восхищении, дивились и хвалили их службу. И призвали их цари Василий и Константин, и сказали им: «Идите в землю вашу», и отпустили их с дарами великими и с честью. Они же вернулись в землю свою. И созвал князь Владимир бояр своих и старцев и сказал им: «Вот пришли посланные нами мужи, послушаем же все, что было с ними», – и обратился к послам: «Говорите перед дружиною». Они же сказали: «Ходили в Болгарию, смотрели, как они молятся в храме, то есть в мечети, стоят там без пояса; сделав поклон, сядет и глядит туда и сюда, как безумный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их. И пришли мы к немцам и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали – на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, – знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве». Сказали же бояре: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей». И спросил Владимир: «Где примем крещение?» Они же сказали: «Где тебе любо?»

И когда прошел год, **в 6496 (988) году** пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий, и затворились корсуняне в городе. И стал Владимир на той стороне города у пристани, в расстоянии полета стрелы от города, и сражались крепко из города. Владимир же осадил город. Люди в городе стали изнемогать, и сказал Владимир горожанам: «Если не сдадитесь, то простою и три года». Они же не послушались его. Владимир же, изготовив войско свое, приказал присыпать насыпь к городским стенам. И когда насыпали они, корсунцы,

подкопав стену городскую, выкрадывали подсыпанную землю, и носили ее себе в город, и ссыпали посреди города. Воины же присыпали еще больше, и Владимир стоял. И вот некий муж корсунянин, именем Анастас, пустил стрелу, так написав на ней: «Перекопай и перейми воду, идет она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока». Владимир же, услышав об этом, посмотрел на небо и сказал: «Если сбудется это, – крещусь!» И тотчас же повелел, копать наперерез трубам и перенял воду. Люди изнемогли от жажды и сдались. Владимир вошел в город с дружиною своею и послал к царям Василию и Константину сказать: «Вот взял уже ваш город славный; слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу». И, услышав, это, опечалились цари, и послали ему весть такую: «Не пристало христианам выдавать жен за язычников. Если крестишься, то и ее получишь, и царство небесное восприимешь и с нами единовен будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя». Услышав это, сказал Владимир посланным к нему от царей: «Скажите царям вашим так: я крещусь, ибо еще прежде испытал закон ваш и любя мне вера ваша и богослужение, о котором рассказали мне посланные нами мужи». И рады были цари, услышав это, и упросили сестру свою, именем Анну, и послали к Владимиру, говоря: «Крестись, и тогда пошлем сестру свою к тебе». Ответил же Владимир: «Придите с сестрою вашею и тогда крестите меня». И послушались цари и послали сестру свою, сановников и пресвитеров. Она же не хотела идти, говоря: «Идти как в полон, лучше бы мне здесь умереть». И сказали ей братья: «Может быть, обратит тобою Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны. Видишь ли, сколько зла наделала грекам Русь? Теперь же если не пойдешь, то сделают и нам то же». И едва принудили ее. Она же села в корабль, попрощалась с ближними своими с плачем и отправилась через море. И пришла в Корсунь, и вышли корсунцы навстречу, ей с поклоном, и ввели ее в город, и посадили ее в палате. По Божественному промыслу разболелся в то время Владимир глазами и не видел ничего, и скорбел сильно и не

знал, что сделать. И послала к нему царица сказать: «Если хочешь избавиться от болезни этой, то крестись поскорей; если же не крестишься, то не избудешь недуга своего». Услышав это, Владимир сказал: «Если вправду исполнится это, то поистине велик Бог христианский». И повелел крестить себя. Епископ же корсунский с царицыными попами, огласив, крестил Владимира. И когда возложил руку на него, тотчас же прозрел Владимир. Владимир же, ощутив свое внезапное исцеление, прославил бога: «Теперь узнал я истинного бога». Многие из дружинников, увидев это, крестились. Крестился же он в церкви святого Василия, а стоит церковь та в городе Корсуну посреди града, где собираются корсунцы на торг; палата же Владимира стоит с края церкви и до наших дней, а царицына палата – за алтарем. По крещении же Владимира привели царицу для совершения брака. Не знающие же истины говорят, что крестился Владимир в Киеве, иные же говорят – в Васильеве, а другие и по-иному скажут. Когда же Владимира крестили и научили его вере христианской, сказали ему так: «Пусть никакие еретики не прельстят тебя, но веруй, говоря так: «Верую во единого Бога Отца Вседержителя, творца неба и земли» – и до конца этот символ веры. И еще: «Верую во единого бога отца нерожденного и во единого сына рожденного, в единый дух святой, исходящий: три совершенных естества, мысленных, разделяемых по числу и естеством, но не в божественной сущности: ибо разделяется бог нераздельно и соединяется без смешения. Отец, бог отец, вечно существующий, пребывает в отцовстве, нерожденный, безначальный, начало и первопричина всему, только нерождением своим старший, чем сын и дух; от него же рождается сын прежде всех времен, дух же святой исходит вне времени и вне тела; вместе есть отец, вместе сын, вместе и дух святой. Сын же подобосущен отцу, только рождением отличаясь от отца и духа. Дух же пресвятой подобосущен отцу и сыну и вечно сосуществует с ними. Ибо отцу отцовство, сыну сыновство, святому же духу исхождение. Ни отец переходит в сына или духа, ни сын в отца или духа, ни дух в сына или в отца: ибо неизменны их свойства... Не три бога, но один бог, так как божество едино в трех

лицах. Желанием же отца и духа спасти свое творение, не изменяя людского семени, сошло и вошло, как божественное семя, в девичье ложе пречистое и приняло плоть одушевленную, словесную и умную, прежде не бывшую, и явился бог воплощенный, родился неизреченным путем, сохранив нерушимое девство матери, не претерпев ни смятения, ни смешения, ни изменения, а оставшись как был, и став каким не был, приняв вид рабский – на самом деле, а не в воображении, всем, кроме греха, явившись подобен нам (людям)... По своей воле родился, по своей воле почувствовал голод, по своей воле почувствовал жажду, по своей воле печалился, по своей воле утрашился, по своей воле умер – умер на самом деле, а не в воображении; все свойственные человеческой природе, неподдельные мучения пережил. Когда же был распят и вкусил смерти безгрешный, – воскрес в собственном теле, не зная тления взшел на небеса, и сел справа от отца, и придет вновь со славою судить живых и мертвых; как вознесся со своей плотью, так и сойдет... Исповедую же и единокрещение водою и духом, приступаю к пречистым тайнам, верую воистину в тело и в кровь... принимаю церковные предания и поклоняюсь пречестным иконам, поклоняюсь пречестному дереву и всякому кресту, святым мощам и священным сосудам. Верую в семь соборов святых отцов, из которых первый был в Никеи трехсот восемнадцати отцов, проклявших Ария и проповедовавших непорочную и правую веру. Второй собор в Константинополе ста пятидесяти святых отцов, проклявших духоборца Македония, проповедовавшего единосущную трицу. Третий же собор в Эфесе, двухсот святых отцов против Нестория, прокляв которого, проповедали святую Богородицу. Четвертый собор в Халкидоне шестисот тридцати святых отцов против Евтуха и Диоскора, которых и прокляли святые отцы, провозгласив Господа нашего Иисуса Христа совершенным Богом и совершенным человеком. Пятый собор в Царьграде ста шестидесяти пяти святых отцов против учения Оригена и против Евагрия, которых и прокляли святые отцы. Шестой собор в Царьграде ста семидесяти святых отцов против Сергия и Кура, проклятых святыми отцами. Седьмой собор в Никее трех-

сот пятидесяти святых отцов, проклявших тех, кто не поклоняется святым иконам».

Не принимай же учения от латинян, учение их искаженное: войдя в церковь, не поклоняются иконам, но стоя кланяются и, поклонившись, пишут крест на земле и целуют, а встав, становятся на него ногами, – так что, ложась, целуют его, а встав – попирают. Этому не учили апостолы; апостолы учили целовать поставленный крест и чтить иконы. Ибо Лука-евангелист первый написал икону и послал ее в Рим. «Как говорит Василий: чествование иконы переходит на ее первообраз». Больше того, называют они землю матерью. Если же земля им мать, то отец им небо, – изначала сотворил Бог небо, также и землю. Так говорят: «Отче наш, иже еси на небеси». Если, по их мнению, земля мать, то зачем плюете на свою мать? Тут же ее лобзаете и оскверняете? Этого прежде римляне не делали, но постановляли правильно на всех соборах, сходясь из Рима и со всех епархий. На первый собор в Никее против Ария папа римский Сильвестр послал епископов и пресвитеров, от Александрии Афанасий, а от Царьграда патриарх Митрофан послали от себя епископов; и так исправляли веру. На второй же собор – от Рима Дамас, а от Александрии Тимофей, от Антиохии Мелетий, Кирилл Иерусалимский, Григорий Богослов. На третьем же соборе – папа римский Келестин, Кирилл Александрийский, патриарх иерусалимский Ювеналий. На четвертом же соборе – папа римский Лев, патриарх константинопольский Анатолий, Ювеналий Иерусалимский. На пятом соборе – папа римский Вигилий, патриарх константинопольский Евтихий, патриарх александрийский Аполлинарий, патриарх антиохийский Домнин. На шестом соборе – от Рима Агафон, Георгий из Константинополя, Феофан Антиохийский, от Александрии монах Петр. На седьмом соборе – от Рима Адриан, Тарасий из Константинополя, Политиан Александрийский, Феодорит Антиохийский, Илия Иерусалимский. Все они сходились со своими епископами, укрепляя веру. После же этого последнего собора Петр Гугнивый вошел с другими в Рим, захватил престол и развратил веру, отвергнувшись от престола иерусалимского, александрийского, константинопольского, антиохийского, сирийского, африканского, итал

дрийского, константинопольского и антиохийского. Возмутили они всю Италию, сея враждебное учение. Одни священники служат, будучи женаты только на одной жене, а другие, до семи раз женившись, служат; и следует остерегаться их учения... Прощают же они и грехи во время приношения даров, что хуже всего. Бог да сохранит тебя от этого».

После всего этого Владимир взял царицу, и Анастаса, и священников корсунских с мощами святого Климента, и Фива, ученика его, взял и сосуды церковные и иконы на благословение себе. Поставил и церковь в Корсуні на горе, которую насыпали посреди города, выкрадывая землю из насыпи; стоит церковь та и доныне. Отправляясь, захватил он и двух медных идолов и четырех медных коней, что и сейчас стоят за церковью святой Богородицы и про которых невежды думают, что они мраморные. Корсунь же отдал грекам как вено за царицу, а сам вернулся в Киев. И когда пришел, повелел опрокинуть идолы – одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью и приставил двенадцать мужей колотить его жезлами. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе, – чтобы принял он возмездие от людей. «Велик ты, господи, и чудны дела твои!» Вчера еще был чтим людьми, а сегодня поругаем. Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они святого крещения. И, притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его». Они же исполнили, что им было приказано. И когда пустили Перуна и прошел он пороги, выбросило его ветром на отмель, и оттого прослыло место то Перунья отмель, как зовется она и до сих пор. Затем послал Владимир по всему городу сказать: «Если не придет кто завтра на реку – будь то богатый, или бедный, или нищий, или раб, – будет мне врагом». Услышав это, с радостью башли люди, ликуя и говоря: «Если бы не было это хорошим, не приняли бы этого князь наш

и бояре». На следующий же день вышел Владимир с попами царицыными и корсунскими на Днепр, и сошлось там людей без числа. Вошли в воду и стояли там одни до шеи, другие по грудь, молодые же у берега по грудь, некоторые держали младенцев, а уже взрослые бродили, папы же совершали молитвы, стоя на месте.. И была видна радость на небе и на земле по поводу стольких спасаемых душ; а дьявол говорил, стеная: «Увы мне! Прогоняют меня отсюда! Здесь думал я обрести себе жилище, ибо здесь не слышно было учения апостольского, не знали здесь Бога, но радовался я служению тех, кто служил мне. И вот уже побежден я невеждой, а не апостолами и не мучениками; не буду уже царствовать более в этих странах». Люди же, крестившись, разошлись по домам. Владимир же был рад, что познал Бога сам и люди его, посмотрел на небо и сказал: «Христос Бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих и дай им, господи, познать тебя, истинного бога, как познали тебя христианские страны. Утверди в них правильную и неуклонную веру, и мне помоги, господи, против дьявола, да одолею козни его, надеясь на тебя и на твою силу». И сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия на холме, где стоял идол Перуна и другие и где творили им требы князь и люди. И по другим городам стали ставить церкви и определять в них попов и приводить людей на крещение по всем городам и селам. Посылал он собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них; ибо не, утвердились еще они в вере и плакали о них как о мертвых.

Когда отданы были в учение книжное, то тем самым сбылось на Руси пророчество, гласившее: «В те дни услышат глухие слова книжные, и ясен будет язык косноязычных». Не слышали они раньше учения книжного, но по божьему устройению и по милости своей помиловал их бог; как сказал пророк: «Помилую, кого хочу». Ибо помиловал нас святым крещением и обновлением духа, по божьему изволению, а не по нашим делам. Благословен Господь Иисус Христос, возлюбивший Русскую землю и просветивший ее крещением святым.

Вот почему и мы поклоняемся ему, говоря: «Господь Иисус Христос! Чем смогу воздать тебе за все, что воздал нам грешным? Не знаем, какое воздаяние дать тебе за дары твои».

«Ибо велик ты и чудны дела твои: нет предела величию Твоему. Род за родом восхвалят дела твои». Скажу вместе с Давидом: «Придите, возрадуемся господу, воскликнем богу и спасителю нашему. Предстанем лицу его со славословием»; «Славьте его, ибо он благ, ибо вовек милость его», ибо «избавил нас от врагов наших», то есть от языческих идолов. И еще скажем вместе с Давидом: «Воспойте господу песнь новую, воспойте господу вся земля; пойте господу, благословляйте имя его, благовествуйте со дня на день спасение его. Возвещайте в народах славу его, во всех людях чудеса его, ибо велик господь и достохвален», «И величию его нет конца». Какая радость! Не один и не два спасаются. Сказал Господь: «Радость бывает на небе и об одном покающемся грешнике». Здесь же не один и не два, но бесчисленное множество приступили к богу, просвещенные святым крещением. Как сказал пророк: «Окроплю вас водою чистой, и очиститесь и от идолопоклонения вашего, и от грехов ваших». Также и другой пророк сказал: «Кто бог, как ты, прощающий грехи и не вменяющий преступления? ибо хотящий того – милостив. Тот обратит и умилосердится над нами и ввергнет в пучину морскую грехи наши». Ибо апостол Павел говорит: «Братья! Все мы, крестившиеся в Иисуса Христа, в смерть его крестились; и так мы погреблись с ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни», И еще: «Древнее прошло, теперь все новое». «Ныне приблизилось к нам спасение... ночь прошла, а день приблизился». «Через него получили мы верою доступ к благодати этой, которой хвалимся и стоим». «Ныне же, когда освободились от греха и стали рабами богу, плод ваш есть святость». Вот почему должны мы служить богу, радуясь ему. Ибо сказал Давид: «Служите Господу со страхом и радуйтесь ему с трепетом». Мы же воскликнем к господу богу нашему: «Благословен господь, который не дал нас в добычу зубам их!... Сеть расторгнулась, и мы избавились

от обмана дьявольского». «И исчезла память их с шумом, но господь пребывает вовек», прославляемый русскими сынами, воспеваемый в Троице, а демоны проклинаются благоверными мужами и верными женами, которые приняли крещение и покаяние в отпущенье грехов, — новые люди христиане, избранные богом».

И просветился Владимир сам, и сыновья его, и земля его. Было же у него двенадцать сыновей: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав. И посадил Вышеслава в Новгороде, Изяслава в Полоцке, Святополка в Турове, а Ярослава в Ростове. Когда же умер старший Вышеслав в Новгороде, посадил в нем Ярослава, а Бориса в Ростове, а Глеба в Муроме, Святослава в Древлянской земле, Всеволода во Владимире, Мстислава в Тмуторокани. И сказал Владимир: «Нехорошо, что мало городов около Киева». И стал ставить города на Десне, и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне. И стал набирать мужей лучших от славян, и от кривичей, и от чуди, и от вятичей и ими населил города, так как была война с печенегами. И воевал с ними и побеждал их.

В год 6497 (989). Затем жил Владимир в христианском законе, и задумал создать церковь пресвятой Богородице, и послал привести мастеров из Греческой земли. И начал ее строить, и, когда кончил строить, украсил ее иконами, и поручил ее Анастасу Корсунянину, и поставил служить в ней корсунских священников, дав ей все, что взял перед этим в Корсунь: иконы, сосуды и кресты.

В год 6499 (991). Владимир заложил город Белгород, и набрал для него людей из иных городов, и свел в него много людей, ибо любил город тот.

В год 6500 (992). Пошел Владимир на хорватов, Когда же возвратился он с хорватской войны, пришли печенеги по той стороне Днепра от Сулы; Владимир же выступил против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Вла-

димира и сказал ему: «Выпусти ты своего мужа, а я своего – пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года». И разошлись. Владимир же, вернувшись в стан свой, послал глашатаев по лагерю со словами: «Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?» И не сыскался нигде. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел к князю один старый муж и сказал ему: «Князь! Есть у меня один сын меньшей дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился на меня и разодрал кожу руками». Услышав об этом, князь обрадовался, и послали за ним и привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал: «Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться, – испытай меня: нет ли большого и сильного быка?» И нашли быка, большого и сильного, и приказали разъярить его; возложили на него раскаленное железо и пустили быка. И побежал бык мимо него, и схватил быка рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила его рука. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться». На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать: «Где муж? Вот наш готов!» Владимир повелел в ту же ночь надеть вооружение, и сошлись обе стороны. Печенеги выпустили своего мужа: был же он очень велик и страшен. И выпустил мужа Владимир, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И измерили место между обоими войсками и пустили их друг против друга. И схватились, и начали крепко жать друг друга, и удавил муж печенежина руками до смерти. И бросил его оземь. Раздался крик, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того и назвал его Переяславлем, ибо перенял славу отрок тот. И сделал его Владимир великим мужем, и отца его тоже. И возвратился Владимир в Киев с победою и со славою великою.

В год 6502 (994). В год 6503 (995).

В год 6504 (996). Увидел Владимир, что церковь построена, вошел в нее и помолился богу. Говоря так: «Господи Боже! Взгляни с неба, и воззри. И посети сад свой. И охрани то, что насадила правая рука твоя – новых людей этих, сердце которых ты обратил к истине познать тебя, бога истинного. Взгляни на церковь твою, которую создал я, недостойный раб твой, во имя родившей тебя матери приснодевы богородицы. Если кто будет молиться в церкви этой, то услышь молитву его, заступление ради пречистой богородицы». И, помолившись Богу, сказал он так: «Даю церкви этой святой Богородицы десятую часть от богатств моих и моих городов». И уставил так, написав завет в церкви этой в следующих словах: «Если кто отменит это, – да будет проклят». И дал десятую часть Анастасу Корсунянину. И устроил в этот день праздник великий боярам и старцам градским, а бедным роздал много богатства.

Затем пришли печенеги к Васильеву, и вышел против них Владимир с небольшою дружиною. И схватились, и не смог устоять против них Владимир, побежал и стал под мостом, едва укрывшись от врагов. И дал тогда Владимир обещание поставить церковь в Васильеве во имя святого Преображения, ибо было в тот день, когда произошла та сеча, Преображение Господне. Избегнув опасности, Владимир, точно, построил церковь и устроил великое празднование, наварив меду триста мер. И созвал бояр своих, посадников и старейшин из всех городов и всяких людей много, и роздал бедным триста гривен. Праздновал князь восемь дней, и возвратился в Киев в день Успения святой Богородицы, и здесь вновь устроил великое празднование, сзывая бесчисленное множество народа. Видя же, что люди его христиане, радовался душой и телом. И так делал постоянно. И так как любил книжное чтение, то услышал он однажды Евангелие: «Блаженны милостивые, ибо те помилованы будут»; и еще: «Продайте именья ваши и раздайте нищим»; и еще: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль истребляет и воры подкапывают, но собирайте себе сокровища на небе, где моль не истребляет их и воры не крадут»; и слова Давида: «Благословен человек, который милует и

взаймы дает»; слышал он и слова Соломона: «Благотворящий бедному дает займы Богу». Слышав все это, повелел он всякому нищему и бедному приходить на княжий двор и брать все, что надобно, питье и пищу и из казны деньгами. Устроил он и такое: сказав, что «немошные и больные не могут добраться до двора моего», приказал снарядить телеги и, наложив на них хлебы, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас, развозить по городу, спрашивая: «Где больной, нищий или кто не может ходить?» И раздавали тем все необходимое. И еще нечто большее делал он для людей своих каждое воскресенье решил он на дворе своем в гриднице устраивать пир, чтобы приходить туда боярам, и гридням, и сотским, и десятским, и лучшим мужам – и при князе и без князя. Бывало там множество мяса – говядины и дичины, – было в изобилии всякое яство. Когда же, бывало, подопьются, то начнут роптать на князя, говоря: «Горе головам нашим: дал он нам есть деревянными ложками, а не серебряными». Услышав это, Владимир повелел исковать серебряные ложки, сказав так: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра». Ибо Владимир любил дружину и с нею совещался об устройстве страны, и о войне, и о законах страны, и жил в мире с окрестными князьями – Болеславом Польским, и со Стефаном Венгерским, и с Андрихом Чешским. И были между ними мир и любовь, Владимир же жил в страхе Божьем. И сильно умножились разбой, и сказали епископы Владимиру: «Вот умножились разбойники; почему не наказываешь их?» Он же ответил: «Боюсь греха». Они же сказали ему: «Ты поставлен Богом для наказания злым, а добрым на милость. Следует тебе наказывать разбойников, но по проверке». Владимир же отверг виры и начал наказывать разбойников, и сказали епископы и старцы: «Войн много у нас; если бы была у нас вира, то пошла бы она на оружие и на коней». И сказал Владимир: «Пусть так». И жил Владимир по заветам отца и деда.

В год 6505 (997). Пошел Владимир к Новгороду за северными воинами против печенегов, так как была в это время непрерывная

великая война. Узнали печенеги, что нет тут князя, пришли и стали под Белгородом. И не давали выйти из города, и был в городе голод сильный, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было многое множество. И затянулась осада города, и был сильный голод. И собрали вече в городе и сказали: «Вот уже скоро умрем от голода, а помощи нет от князя. Разве лучше нам так умереть? – Сдадимся печенегам – кого пусть оставят в живых, а кого умертвят; все равно помираем от голода». И так порешили на вече. Был же один старец, который не был на том вече, и спросил он: «Зачем было вече?» И поведали ему люди, что завтра хотят сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им: «Слышал, что хотите сдаться печенегам». Они же ответили: «Не стерпят люди голода». И сказал им: «Послушайте меня, не сдавайтесь еще три дня и сделайте то, что я вам велю». Они же с радостью обещали послушаться, И сказал им: «Соберите хоть по горсти овса, пшеницы или отрубей». Они же радостно пошли и собрали. И повелел женщинам сделать болтушку, на чем кисель варят, и велел выкопать колодец и вставить в него кадь и налить ее болтушкой. И велел выкопать другой колодец и вставить в него кадь, и повелел поискать меду. Они же пошли и взяли лукошко меду, которое было спрятано в княжеской медуше. И приказал сделать из него пресладкую сыту и вылить в кадь в другом колодце. На следующий же день повелел он послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам: «Возьмите от нас заложников, а сами войдите человек с десять в город, чтобы посмотреть, что творится в городе нашем». Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдаться, взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей в своих родах и послали в город, чтобы проведали, что делается в городе. И пришли они в город, и сказали им люди: «Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и десять лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу от земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами». И привели их к колодцу, где была болтушка для киселя, и почерпнули ведром и вылили в латки. И когда сварили. кисель, взяли его, и пришли с ним к

другому колодцу, и почерпнули сыты из колодца, и стали есть сперва сами, а потом и печенег. И удивились те и сказали: «Не поверят нам князи наши, если не отведают сами». Люди же налили им корчагу кисельного раствора и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали все, что было. И, сварив, ели князья печенежские и подивились.. И взяв своих заложников, а белгородских пустив, поднялись и пошли из города восвояси.

В год 6506 (998). В год 6507 (999).

В год 6508 (1000). Преставилась Малфрида. В то же лето преставилась и Рогнеда, мать Ярослава.

В год 6509 (1001). Преставился Изяслав, отец Брячислава, сын Владимира.

В год 6510 (1002).

В год 6511 (1003). Преставился Всеслав, сын Изяслава, внук Владимира.

В год 6512 (1004). В год 6513 (1005).

В год 6514 (1006).

В год 6515 (1007). Перенесены святые в церковь святой Богородицы.

В год 6516 (1008). В год 6517 (1009).

В год 6518 (1010).

В год 6519 (1011). Преставилась Владимирова царица Анна.

В год 6520 (1012). В год 6521 (1013).

В год 6522 (1014). Когда Ярослав был в Новгороде, давал он по условию в Киев две тысячи гривен от года до года, а тысячу раздавал в Новгороде дружине. И так давали все новгородские посадники, а Ярослав не давал этого в Киев отцу своему. И сказал Владимир: «Расчищайте пути и мостите мосты», ибо хотел идти войною на Ярослава, на сына своего, но разболелся.

В год 6523 (1015). Когда Владимир собрался идти против Ярослава, Ярослав, послав за море, привел варягов, так как боялся отца своего; но Бог не дал дьяволу радости. Когда Владимир разболелся, был у него в это время Борис. Между тем половцы пошли походом на

Русь, Владимир послал против них Бориса, а сам сильно разболелся; в этой болезни и умер июля в пятнадцатый день, Умер он в Берестове, и утаили смерть его, так как Святополк был в Киеве. Ночью же разобрали помост между двумя клетями, завернули его в ковер и спустили веревками на землю; затем, возложив его на сани, отвезли и поставили в церкви святой Богородицы, которую сам когда-то построил. Узнав об этом, сошлись люди без числа и плакали по нем – бояре как по заступнику страны, бедные же как о своем заступнике и кормителе. И положили его в гроб мраморный, похоронили тело его, блаженного князя, с плачем.

То новый Константин великого Рима; как тот крестился сам и людей своих крестил, так и этот поступил так же. Если и обращался он прежде к скверной страсти, однако после усердствовал в покаянии, по слову апостола: «Где умножится грех, там преизобилует Благодать». Удивления достойно, сколько он сотворил добра Русской земле, крестив ее. Мы же, став христианами, не воздаем ему почестей, равных его делу. Ибо если бы он не крестил нас, то и ныне бы еще пребывали в заблуждении дьявольском, в котором и прародители наши погибли. Если бы имели мы усердие, и молились за него богу в день его смерти, то бог, видя наше усердие к нему, прославил бы его: нам ведь следует; молить за него бога, так как через него познали мы бога. Пусть же господь воздаст тебе по желанию твоему и, все просьбы твои исполнит – о царствии небесном, которого ты и хотел. Пусть даст тебе господь царство небесное вместе с праведными, услаждение пищей райской и ликование с Авраамом и другими патриархами, по слову Соломона: «Со смертью праведника не погибнет надежда».

Вот почему память его чтут русские люди, вспоминая святое крещение, и прославляют бога молитвами, песнями и псалмами, воспевая их господу, новые люди, просвещенный святым духом, ожидая надежды нашей, великого бога и Спаса нашего Иисуса Христа; он придет воздать каждому по трудам его неизреченную радость, которую предстоит получить всем христианам.

Об убиении Бориса. Святополк сел в Киеве по смерти отца своего, и созвал киевлян, и стал давать им подарки. Они же брали, но сердце их не лежало к нему, потому что братья их были с Борисом. Когда Борис уже возвратился с войском назад, не найдя печенегов, пришла к нему весть: «Отец у тебя умер». И плакался по отцу горько, потому что любим был отцом больше всех, и остановился, дойдя до Альты. Сказала же ему дружина отцовская: «Вот у тебя отцовская дружина и войско. Пойди, сядь в Киеве на отцовском столе». Он же отвечал: «Не подниму руки на брата своего старшего: если и отец у меня умер, то пусть этот будет мне вместо отца». Услышав это, воины разошлись от него. Борис же остался стоять с одними своими отроками. Между тем Святополк, исполнившись беззакония, воспринял мысль Каинову и послал сказать Борису: «Хочу с тобою любовь иметь и придам тебе еще к полученному от отца владению», но сам, обманывал его, чтобы как-нибудь его погубить. Святополк пришел ночью в Вышгород, тайно призвал Путшу и вышгородских мужей боярских и сказал им: «Преданы ли вы мне всем сердцем?» Отвечали же Путша с вышгородцами: «Согласны головы свои сложить за тебя». Тогда он сказал им: «Не говоря никому, ступайте и убейте брата моего Бориса», Те же обещали ему немедленно исполнить это. О таких сказал Соломон: «Спешат они на пролитие крови без правды. Ибо принимают они участие в пролитии крови и навлекают на себя несчастья. Таковы пути всех, совершающих беззаконие, ибо нечестием изымают свою душу». Посланные же пришли на Альту ночью, и когда подступили ближе, то услышали, что Борис поет заутреню, так как пришла к нему уже весть, что собираются погубить его. И, встав, начал он петь: «Господи! За что умножились враги мои! Многие восстают на меня»; и еще: «Ибо стрелы твои вонзились в меня; ибо я готов к бедам, и скорбь моя предо мною»; и еще говорил он: «Господи! Услышь молитву мою и не входи в суд с рабом твоим, потому что не оправдается пред Тобой никто из живущих, так как преследует враг душу мою». И, окончив шестопсалмие и увидев, что пришли посланные убить его, начал петь псалмы: «Обступили меня тельцы тучные...

Скопище злых обступило меня»; «Господи, Боже мой, на тебя уповаю, спаси меня и от всех гонителей моих избавь меня». Затем начал он петь канон. А затем, кончив заутреню, помолился и сказал так, смотря на икону, на образ Владыки: «Господи Иисусе Христе! Как ты в этом образе явился на землю ради нашего спасения, собственною волею дав пригвоздить руки свои на кресте, и принял страдание за наши грехи, так и меня сподобь принять страдание. Я же не от врагов принимаю это страдание, но от своего же брата, и не вмени ему, Господи, это в грех». И, помолившись Богу, возлег на постель свою. И вот напали на него, как звери дикие, из-за шатра, и просунули в него копья, и пронзили Бориса, а вместе с ним пронзили и слугу его, который, защищая, прикрыл его своим телом. Ибо был он любимец Бориса. Был отрок этот родом венгр, по имени Георгий; Борис его сильно любил, и возложил он на него гривну золотую большую, в которой он и служил ему. Убили они и многих других отроков Бориса. С Георгия же с этого не могли они быстро снять гривну с шеи, и отсекли голову его, и только тогда сняли гривну, а голову отбросили прочь; поэтому впоследствии и не обрели тела его среди трупов. Убив же Бориса, окаянные завернули его в шатер, положили на телегу и повезли, а он еще дышал. Святополк же окаянный, узнав, что Борис еще дышит, послал двух варягов прикончить его, Когда те пришли и увидели, что он еще жив, то один из них извлек меч и пронзил его сердце. И так скончался блаженный Борис, приняв с другими праведниками венец вечной жизни от Христа Бога, сравнившись с пророками и апостолами, пребывая с сонмом мучеников, почивая на лоне Авраама, видя неизреченную радость, распевая с ангелами и веселясь со святыми. И положили тело его в церкви Василия, тайно принеся его в Вышгород; Окаянные же те убийцы пришли к Святополку, точно хвалу возымев от людей, беззаконники. Вот имена этих законопреступников: Путша, Талец, Еловит, Ляшко, а отец им всем сатана. Ибо, такие бывают слуги-бесы; бесы ведь посылаются, на злое, ангелы же посылаются для добрых дел. Ангелы ведь не творят человеку зла, но добра ему желают постоянно, особенно же помогают христианам и защищают их

от супостата-дьявола; а бесы уловляют-человека на злое, завидуя ему; и так как видят, что человек от Бога в чести, – потому и завидуют, а посылаемые на злое – скоры на его выполнение. Злой человек, усердствуя злему делу, хуже беса, ибо бесы Бога боятся, а злой человек ни Бога не боится, ни людей не стыдится; бесы ведь и креста Господня боятся, а человек злой креста не боится.

Святополк же окаянный стал думать: «Вот убил я Бориса; как бы убить Глеба?» И, замыслив Каиново дело, послал, обманывая, гонца к Глебу, говоря так: «Приезжай сюда поскорее, отец тебя зовет: сильно он болен». Глеб тотчас же сел на коня и отправился с малою дружиною, потому что был послушлив отцу. И когда пришел он на Волгу, то в поле запнулся конь его о яму и повредил себе немного ногу. И пришел в Смоленск, и отошел от Смоленска недалеко, и стал на Смядыне в насаде. В то же время пришла от Предславы весть к Ярославу о смерти отца и послал Ярослав сказать Глебу: «Не ходи: отец у тебя умер; а брат твой убит Святополком». Услыхав это, Глеб громко возопил со слезами, плачась по отце, но еще больше по брате, и стал молиться со слезами, говоря так: «Увы мне, Господи! Лучше было бы мне умереть с братом, нежели жить на свете этом. Если бы видел я, брат мой, лицо твое ангельское, то умер бы с тобою: ныне же зачем остался я один? Где речи твои, что говорил ты мне, брат мой любимый? Ныне уже не услышу тихого твоего наставления. Если доходят молитвы твои к Богу, то помолись обо мне, чтобы и я принял ту же мученическую кончину. Лучше бы было мне умереть с тобою, чем в свете этом обманчивом жить». И когда он так молился со слезами, внезапно пришли посланные Святополком погубить Глеба, И тут вдруг захватили посланные корабль Глебов, и обнажили оружие. Отроки же Глебовы пали духом. Окаянный же Горясер, один из посланных, велел тотчас же зарезать Глеба. Повар же Глеба, именем Торчин, вынув нож, зарезал Глеба, как безвинного ягненка. Так был принесен он в жертву Богу, вместо благоуханного фимиама жертва разумная, и принял венец царствия Божия, войдя в небесные обители, и увидел там желанного брата своего, и радовался с ним неизреченною радо-

стию, которой достиг своим братолюбием. «Как хорошо и как прекрасно жить братьям вместе!» Окаянные же возвратились назад, как сказал Давид: «Да возвратятся грешники в ад». Когда же они пришли, сказали Святополку: «Сделали приказанное тобою». Он же, услышав это, возгордился еще больше, не ведая, что Давид сказал: «Что хвалишься злодейством, сильный? Ведь беззаконие... умышляет язык твой».

Итак, Глеб был убит, и был он брошен на берегу между двумя колодцами, затем же, взяв его, увезли и положили его рядом с братом его Борисом в церкви святого Василия.

И соединились они телами, а сверх того и душами, пребывая у Владыки, царя всех, в радости бесконечной, в свете неизреченном и подавая дары исцеления Русской земле и всех приходящих с верою из иных стран исцеляя: хромым давая ходить, слепым давая прозрение, болящим выздоровление, закованным освобождение, – темницам отвержение, печальным утешение, гонимым избавление. Заступники они за Русскую землю, светильники сияющие и вечно молящиеся Владыке Богу о своих людях. Вот почему и мы должны достойно восхвалять страстотерпцев этих Христовых, прилежно молясь им со словами: «Радуйтесь, страстотерпцы Христовы, заступники Русской земли, подающие исцеление приходящим к вам с верою и любовью. Радуйтесь, небесные обитатели, были вы ангелами во плоти, единомысленными служителями Богу, единообразной четой, святым единомудушной; поэтому и подаете вы исцеление всем страждущим. Радуйтесь, Борис и Глеб богомудрые, источаете вы как бы струи из колодца живоносной воды исцеления, истекают они верным людям на выздоровление. Радуйтесь, поправшие коварного змея, явившиеся подобно лучам светозарным, как светила, озаряющие всю Русскую землю, всегда тьму отгоняющие верою непреклонною. Радуйтесь, заслужившие незасыпающее око, души свои к исполнению святых Божьих заповедей в сердцах своих склонившие, блаженные. Радуйтесь, братья, вместе пребывающие в местах светозарных, в селениях небесных, в неувядаемой славе, обладания которой удостоились. Ра-

дуйтесь, явно для всех осиянные Божественным светом, весь мир обошедшие, бесы отгоняющие, недуги исцеляющие, светильники добрые, заступники теплые, с Богом пребывающие, Божественными лучами всегда озаряемые, мужественные страстотерпцы, просвещающие души верным людям. Возвысила вас светоносная небесная любовь; через нее вы и наследовали все красоты небесного жития, славу и райскую пищу, и свет разума, прекрасные радости. Радуйтесь, потому что напоете вы все сердца, горести и болезни отгоняете, страсти злые исцеляете; каплями крови своей святой обагрили вы багряницу, прославленные, ибо, ее нося прекрасно, с Христом царствуете всегда, молясь за новых христианских людей и сродников своих. Благословила земля Русская кровью вашею и мощами, покоящимися в церкви, просвещаете вы церковь эту духом Божественным, в ней же с мучениками, как мученики, молитесь вы за людей своих. Радуйтесь, светлые звезды, утром восходящие! Христолюбивые же страстотерпцы и заступники наши! Покорите поганых под ноги князьям нашим, молясь Владыке Богу нашему, чтобы пребывали они в мире, в единении и в здоровье, избавляя их от усобных войн и от пронырства дьявола, удостойте и нас того же, поющих вам и почитающих ваше славное торжество, во вся веки до скончания мира».

Святополк же окаянный и злой убил Святослава, послав к нему к горе Угорской, когда тот бежал в Угры. И стал Святополк думать: «Перебыю всех своих братьев и стану один владеть Русскою землею». Так думал он в гордости своей, не зная, что «Бог дает власть кому хочет, ибо поставляет цесаря и князя Всевышний тому, кому захочет дать». Если же какая-нибудь страна станет угодной Богу, то ставит ей Бог цесаря или князя праведного, любящего справедливость и закон, и дарует властителя и судью, судящего суд. Ибо если князья справедливы в стране, то много согрешений прощается стране той; если же злы и лживы, то еще большее зло насылает Бог. на страну ту, потому что князь глава земли. Ибо так сказал Исая: «Согрешили от головы и до ног», то есть от цесаря и до простых людей. «Горе городу тому, в котором князь юн», любящий пить вино под звуки гуслей вместе с

молодыми советниками. Таких князей дает Бог за грехи, а старых и мудрых отнимает, как сказал Исая: «Отнимет Господь у Иерусалима крепкого исполина и храброго мужа, и судью, и пророка, и смиренного старца, и дивного советника, и мудрого художника, и разумного, живущего по закону». «И дам им юношу князя, и обидчика поставлю обладать ими».

Святополк же окаянный стал княжить в Киеве. Созвав людей, стал он им давать кому плащи, а другим деньгами, и роздал много богатств. Ярослав же не знал еще об отцовской смерти, и было у него множество варягов, и творили они насилие новгородцам и женам их. Новгородцы восстали и перебили варягов во дворе Поромоньем. И разгневался Ярослав и пошел в село Ракомо, сел там во дворе. И послал к новгородцам сказать. «Мне уже тех не воскресить». И призвал к себе лучших мужей, которые перебили варягов, и, обманув их, перебил в свой черед. В ту же ночь пришла ему весть из Киева от сестры его Предславы: «Отец твой умер, а Святополк сидит в Киеве, убил Бориса. а на Глеба послал, берегись его очень». Услышав это, печален был Ярослав и об отце, и о братьях, и о дружине. На другой день, собрав остаток новгородцев, сказал Ярослав: «О милая моя дружина, которую я вчера перебил, а сегодня она оказалась нужна». Утер слезы и обратился к ним на вече: «Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве и убивает братьев своих». И сказали новгородцы: «Хотя, князь, и иссечены братья наши— можем за тебя бороться!» И собрал Ярослав тысячу варягов, а других воинов сорок тысяч, и пошел на Святополка, призвав Бога в свидетели своей правды и сказав: «Не я начал избивать братьев моих, но он; да будет Бог мстителем за кровь братьев моих, потому что без вины пролил он праведную кровь Бориса и Глеба. Пожалуй, и со мной то же сделает? Рассуди меня, Господи, по правде, да прекратятся злодеяния грешного». И пошел на Святополка. Услышав же, что Ярослав идет, Святополк собрал бесчисленное количество воинов, русских и печенегов, и вышел против него к Любечу на тот берег Днепра, а Ярослав был на этом.

Начало княжения Ярослава в Киеве. В год 6524 (1016). Пришел Ярослав на Святополка, и стали по обе стороны Днепра, и не решались ни эти на тех, ни те на этих, и стояли так три месяца друг против друга. И стал Воевода Святополка, разъезжая по берегу, укорять новгородцев, говоря: «Что пришли с хромцом этим? Вы ведь плотники. Поставим вас хоромы наши рубить!» Слыша это, сказали новгородцы Ярославу, что «завтра мы переправимся к нему; если кто не пойдет с нами, сами ударим на него». Наступили уже заморозки. Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиной своей. Ярослав же с утра, исполчив дружину свою, на рассвете переправился. И, высадившись на берег, оттолкнули ладьи от берега, и пошли против неприятелей и сошлись в схватке, Была сеча жестокая, и не могли из-за озера печенеги помочь; и прижали Святополка с дружиною к озеру, и вступили на лед, и подломился под ними лед, и стал одолевать Ярослав, видя же это, Святополк побежал, и одолел Ярослав. Святополк же бежал в Польшу, а Ярослав сел в Киеве на столе отцовском и дедовском. И было тогда Ярославу двадцать восемь лет.

В год 6525 (1017). Ярослав пошел в Киев, и погорели церкви.

В год 6526 (1018). Пришел Болеслав на Ярослава со Святополком и с поляками. Ярослав же, собрав русь, и варягов, и словен, пошел против Болеслава и Святополка и пришел к Волыню, и стали они по обеим сторонам реки Буга. И был у Ярослава кормилец и воевода, именем Буда, и стал он укорять Болеслава, говоря: «Проткнем тебе колом брюхо твое толстое». Ибо был Болеслав велик и тяжек, так что и на коне не мог сидеть, но зато был умен. И сказал Болеслав дружине своей: «Если вас не оскорбляет попрек этот, то погибну один». Сев на коня, въехал он в реку, а за ним воины его, Ярослав же не успел исполчиться, и победил Болеслав Ярослава. И убежал Ярослав с четырьмя мужами в Новгород. Болеслав же вступил в Киев со Святополком. И сказал Болеслав: «Разведите дружину мою по городам на покорм»; и было так. Ярослав же, прибежав в Новгород, хотел бежать за море, но посадник Константин, сын Добрыни, с новгородцами рас-

сек ладьи Ярославовы, говоря: «Хотим и еще биться с Болеславом и со Святополком». Стали собирать деньги от мужа по четыре куны, а от старост по десять гривен, а от бояр по восемнадцати гривен. И привели варягов и дали им деньги, и собрал Ярослав воинов много. Когда же Болеслав сидел в Киеве, окаянный Святополк сказал: «Сколько есть поляков по городам, избивайте их». И перебили поляков. Болеслав же побежал из Киева, забрав богатства и бояр Ярославовых и сестер его, а Настаса – попа Десятинной церкви – приставил к этим богатствам, ибо обманом вкрался ему в доверие. И людей множество увел с собою, и города Червенские забрал себе, и пришел в свою землю. Святополк же стал княжить в Киеве. И пошел Ярослав на Святополка, и бежал Святополк к печенегам.

В год 6527 (1019). Пришел Святополк с печенегами в силе грозной, и Ярослав собрал множество воинов и вышел против него на Альту. Ярослав стал на место, где убили Бориса, и, воздев руки к небу, сказал: «Кровь брата моего вопиет к тебе, Владыка! Отомсти за кровь праведника сего, как отомстил ты за кровь Авеля, возложив на Каина стенание и трепет: так возложи и на этого». Помолился и сказал: «Братья мои! Хоть и отошли вы телом отсюда, но молитвою помогите мне против врага сего – убийцы и гордеца». И когда сказал так, двинулись противники друг на друга и покрыли поле Альтинское множеством воинов. Была же тогда пятница, и всходило солнце, и сошлись обе стороны, и была сеча жестокая, какой не бывало на Руси, и, за руки хватаясь, рубились, и сходились трижды, так что текла кровь по низинам. К вечеру же одолел Ярослав, а Святополк бежал. И когда бежал он, напал на него бес, и расслабили все члены его, и не мог он сидеть на коне, и несли его на носилках. И бежавшие с ним принесли его к Берестью. Он же говорил: «Бегите со мной, гонятся за нами». Отроки же его посылали посмотреть: «Гонится ли кто за нами?» И не было никого, кто бы гнался за ними, и дальше бежали с ним. Он же лежал немощен и, привставая, говорил: «Вот уже гонятся, ой, гонятся, бегите». Не мог он вытерпеть на одном месте, и пробежал он через Польскую землю, гонимый Божиим гневом, и прибежал

в пустынное место между Польшей и Чехией, и там бедственно окончил жизнь свою, «Праведный суд постиг его, неправедного, и после смерти принял он муки окаянного: показало очевидно... посланная на него Богом пагубная кара безжалостно предала его смерти», и по отшествии от сего света, связанный, вечно терпит муки. Есть могила его в том пустынном, месте и до сего дня. Исходит из нее смрад ужасен. Все это Бог явил в поучение князьям русским, чтобы если еще раз совершат такое же, уже слышав обо всем этом, то такую же казнь примут, и даже еще большую той, потому что совершат такое злое убийство, уже зная обо всем этом. Семь казней принял Каин, убив Авеля, а Ламех семьдесят, потому что Каин не знал, что придется принять мщение от Бога, а Ламех совершил убийство, уже зная о казни, постигшей прародителя его. «Ибо сказал Ламех женам своим: «Мужа убил во вред мне и, юношу убив, нанес сам себе беду, потому, сказал он, и семьдесят мщений положено мне, что, зная обо всем, сотворил я это». Ламех убил двух братьев Еноховых и взял себе жен их; этот же Святополк – новый Ламех, родившийся от прелюбодеяния и избивший своих братьев, сыновей Гедеоновых; так и свершилось.

Ярослав же сел в Киеве, утер пот с дружиною своею, показав победу и труд, велик.

В год 6528 (1020). Родился у Ярослава сын, и нарек имя ему Владимир.

В год 6529 (1021). Пришел Брячислав, сын Изяслава, внук Владимира, на Новгород, и взял Новгород, и, захватив новгородцев и имущество их, пошел к Полоцку снова. И когда пришел он к Судомири-реке, и Ярослав из Киева на седьмой день нагнал его тут. И победил Ярослав Брячислава, и новгородцев воротил в Новгород, а Брячислав бежал к Полоцку.

В год 6530 (1022). Пришел Ярослав к Берестью. В то же время Мстислав находился в Тмуторокани и пошел на касогов. Услышав же это, князь касожский Редедя вышел против него. И, когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу: «Чего ради погубим дружины? Но сойдемся, чтобы побороться самим. Если одолеешь

ты, возьмешь богатства мои, и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то возьму твое все». И сказал Мстислав: «Да будет так». И сказал Редедя Мстиславу: «Не оружием будем биться, но борьбою». И схватились бороться крепко, и в долгой борьбе стал изнемогать Мстислав, ибо был велик и силен Редедя. И сказал Мстислав: «О пречистая Богородица, помоги мне! Если же одолею его, воздвигну церковь во имя Твое». И, сказав так, бросил его на землю. И выхватил нож, и зарезал Редедю. И, пойдя в землю его, забрал все богатства его, и жену его, и детей его, и дань возложил на касогов. И, придя в Тмуторокань, заложил церковь святой богородицы и воздвиг ту, что стоит и до сего дня в Тмуторокани.

В год 6531 (1023). Пошел Мстислав на Ярослава с хазарами и касогами.

В год 6532 (1024). Когда Ярослав был в Новгороде, пришел Мстислав из Тмуторокани в Киев, и не приняли его киевляне. Он же потел и сел на столе в Чернигове; Ярослав же был тогда в Новгороде. В тот же год восстали волхвы в Суздале; по дьявольскому наущению и бесовскому действию избивали старшую чадь, говоря, что они держат запасы. Был мятеж и великий голод по всей той стране; и пошли по Волге все люди к болгарам, и привезли хлеба, и так ожили. Ярослав же услышав о волхвах, пришел в Суздаль; захватив волхвов, одних изгнал, а других казнил, говоря так: «Бог за грехи посылает на всякую страну голод, или мор, или засуху, или иную казнь, человек же не знает, за что». И, возвратившись, пришел Ярослав в Новгород и послал за море за варягами. И пришел Якун с варягами, и был Якун тот красив, и плащ у него был золотом выткан. И пришел к Ярославу, и пошел Ярослав с Якуном на Мстислава. Мстислав же, услышав, вышел против них к Листвену. Мстислав же с вечера исполчил дружину и поставил северян прямо против варягов, а сам стал с дружиною своею по обеим сторонам. И наступила ночь, была тьма, молния, гром и дождь. И сказал Мстислав дружине своей: «Пойдем на них». И пошли Мстислав и Ярослав друг против друга, и схватилась дружина северян с варягами и трудились варяги, рубя северян, и затем двинул-

ся Мстислав с дружиной своей и стал рубить варягов. И была сеча сильна, и когда сверкала молния, блистало оружие, и была гроза велика и сеча сильна и страшна. И когда увидел Ярослав, что терпит поражение, побежал с Якуном, князем варяжским, и Якун тут потерял свой плащ золотой. Ярослав же пришел в Новгород, а Якун ушел за море. Мстислав же чуть свет, увидев лежащими посеченных своих северян и Ярославовых варягов, сказал: «Кто тому не рад? Вот лежит северянин, а вот варяг, а дружина своя цела». И послал Мстислав за Ярославом, говоря; «Садись в своем Киеве: ты старший брат, а мне пусть будет эта сторона Днепра». И не решился Ярослав идти в Киев, пока не помирились. И сидел Мстислав в Чернигове, а Ярослав в Новгороде, и были в Киеве мужи Ярослава. В тот же год родился у Ярослава еще сын, и нарек ему имя Изяслав.

В год 6534 (1026). Ярослав собрал воинов многих, и пришел в Киев, и заключили мир с братом своим Мстиславом у Городца. И разделили по Днепру Русскую землю: Ярослав взял эту сторону, а Мстислав ту. И начали жить мирно в братолюбии, и затихли усобица и мятеж, и была тишина великая в стране.

В год 6535 (1027). Родился третий сын у Ярослава, и дали имя ему Святослав.

В год 6536 (1028). Знамение змиево явилось в небе, так что видно было его по всей земле.

В год 6537 (1029). Мирно было.

В год 6538 (1030). Ярослав Белз взял. И родился у Ярослава четвертый сын, и дал имя ему Всеволод. В тот же год пошел Ярослав на чудь, и победил их, и поставил город Юрьев; В то же время умер Болеслав Великий в Польше, и был мятеж в земле Польской: восстав, люди перебили епископов и попов и бояр своих, и был среди них мятеж.

В год 6539 (1031). Ярослав и Мстислав, собрав воинов многих, пошли на поляков, и вновь заняли Червенские города, и повоевали землю Польскую, и много поляков привели, и поделили их. Ярослав же посадил своих поляков по Роси; там они живут и по сей день.

В год 6540 (1032). Ярослав начал ставить города по Руси.

В год 6541 (1033). Мстиславич Евстафий умер.

В год 6542 (1034). В год 6543 (1035).

В год 6544 (1036). Мстислав вышел на охоту, разболелся и умер.

И положили его в церкви святого Спаса, которую сам заложил; были ведь при нем выведены стены ее в высоту, сколько можно, стоя на коне, достать рукою. Был же Мстислав дебел телом, прекрасен лицом, с большими очами, храбр на ратях, милостив, любил дружину без меры, имения для нее не щадил, ни в питье, ни в пище ничего не запрещал ей. После того завладел всей его областью Ярослав и стал самовластцем в Русской земле. Пошел Ярослав в Новгород и посадил сына своего Владимира в Новгороде, а епископом поставил Жидяту. В это время родился у Ярослава сын, нарекли имя ему Вячеслав. Когда Ярослав был в Новгороде, пришла к нему весть, что печенеги осадили Киев. Ярослав собрал воинов многих, варягов и словен, пришел к Киеву и вошел в город свой. А было печенегов без числа. Ярослав выступил из города, и исполчил дружину, и поставил варягов посредине, а на правой стороне – киевлян, а на левом крыле – новгородцев; и стал пред градом. Печенеги пошли на приступ и схватились на месте, где стоит ныне святая София, митрополия русская: было здесь тогда поле вне града. И была сеча жестокая, и едва к вечеру одолел Ярослав. И побежали печенеги врозь и не знали, куда бежать, одни, убегая, тонули в Сетомли, иные же в других реках, а остаток их бегают где-то и до сего дня. В тот же год посадил Ярослав брата своего Судислава в темницу, во Пскове – был тот оклеветан ему.

В год 6545 (1037). Заложил Ярослав город великий, у того же града Золотые ворота; заложил и церковь святой Софии, митрополию, и затем церковь на Золотых воротах – святой Богородицы благовещения, затем монастырь святого Георгия и святой Ирины. И стала при нем вера христианская плодиться и расширяться, и черноризцы стали умножаться, и монастыри появляться, И любил Ярослав церковные уставы, попов любил немало, особенно же черноризцев, и книги любил, читая их часто и ночью и днем..И собрал писцов мно-

гих, и переводили они с греческого на славянский язык. И написали они книг множество, ими же поучаются верующие люди и наслаждаются учением Божественным. Как если бы один землю вспашет, другой же засеет, а иные жнут и едят пищу неоскудевающую, – так и этот. Отец ведь его Владимир землю вспахал и размягчил, то есть крещением просветил. Этот же засеял книжными словами сердца верующих людей, а мы пожинаем, учение принимая книжное.

Велика ведь бывает польза от учения книжного; книгами наставляемы и поучаемы на путь покаяния, ибо от слов книжных обретаем мудрость и воздержание. Это ведь – реки, напоющие вселенную, это источники мудрости; в книгах ведь неизмеримая глубина; ими мы в печали утешаемся; они – узда воздержания. Велика есть мудрость; ведь и Соломон, прославляя ее, говорил; «Я, премудрость, вселила свет и разум, и смысл я призвала. Страх Господень... Мои советы, моя мудрость, мое утверждение, моя сила. Мною цесари царствуют, а сильные узаконяют правду. Мною вельможи величаются и мучители управляют землею. Любящих меня люблю, ищущие меня найдут благодать». Если прилежно поищешь в книгах мудрости, то найдешь великую пользу душе своей. Ибо кто часто читает книги, тот беседует с Богом или со святыми мужами. Тот, кто читает пророческие беседы, и евангельские и апостольские поучения, и жития святых отцов, получают душе великую пользу.

Ярослав же, как мы уже сказали, любил книги и, много их написав, положил в церкви святой Софии, которую создал сам. Украсил ее золотом, серебром и сосудами церковными, и возносят в ней к Богу положенные песнопения в назначенное время. И другие церкви ставил по городам и по местам, поставляя попов и давая от богатств своих жалованье, веля им учить людей, потому что им поручено это Богом, и посещать часто церкви. И умножились пресвитеры и люди христианские. И радовался Ярослав, видя множество церквей и людей христианских, а враг сетовал, побеждаемый новыми людьми христианами.

В год 6546 (1038). Ярослав пошел на ятвягов.

В год 6547 (1039). Освещена была митрополитом Феопемптом церковь святой Богородицы, которую создал Владимир, отец Ярослава:

В год 6548 (1040). Ярослав пошел на Литву.

В год 6549 (1041); Пошел Ярослав на мазовшан в ладьях.

В год 6550 (1042). Пошел Владимир Ярославич на Ямь и победил их. И пали кони у воинов Владимировых так, что и с еще дышащих коней сдирали кожу: такой был мор на коней!

В год 6551 (1043). Послал Ярослав сына своего Владимира на греков и дал ему много воинов, а воеводство поручил Вышате, отцу Яня. И отправился Владимир в ладьях, и приплыл к Дунаю, и направился к Царьграду. И была буря велика, и разбила корабли русских, и княжеский корабль разбил ветер, и взял князя в корабль Иван Творирич, воевода Ярослава. Прочих же воинов Владимировых, числом до шести тысяч, выбросило на берег, и, когда они захотели было пойти на Русь, никто не пошел с ними из дружины княжеской. И сказал Вышата: «Я пойду с ними». И высадился к ним с корабля и сказал: «Если буду жив, то с ними, если погибну, то с дружиной». И пошли, намереваясь дойти до Руси. И была весть грекам, что море разбило ладьи руси, и послал царь, именем Мономах, за русью четырнадцать ладей. Владимир же, увидев с дружиною своею, что идут за ними, повернув, разбил ладьи греческие и возвратился на Русь, сев на корабли свои. Вышату же схватили вместе с выброшенными на берег, и привели в Царьград, и ослепили много русских. Спустя три года, когда установился мир, отпущен был Вышата на Русь к Ярославу. В те времена выдал Ярослав сестру свою за Казимира, и отдал Казимир, вместо свадебного дара, восемьсот русских пленных, захваченных еще Болеславом, когда тот победил Ярослава.

В год 6552 (1044). Выкопали из могил двух князей, Ярополка и Олега, сыновей Святослава, и окрестили кости их и положили их в церкви святой Богородицы. В тот же год умер Брючислав, сын Изяслава, внук Владимира, отец Всеслава, и Всеслав, сын его, сел на столе его, мать же его родила от волхвования. Когда мать родила его, на голове его оказалась сорочка, и сказали волхвы матери его: «Эту со-

рочку навяжи на него, пусть носит ее до смерти». И носит ее на себе Всеслав и до сего дня, оттого и не милостив на кровопролитие.

В год 6553 (1045). Заложил Владимир святую Софию в Новгороде.

В год 6554 (1046).

В год 6555 (1047). Ярослав пошел на мазовшан, и победил их, и убил князя их Моислава, и покори́л их Казимиру,

В год 6556 (1048). В год 6557 (1049).

В год 6558 (1050). Преставилась княгиня, жена Ярослава.

В год 6559 (1051). Поставил Ярослав Илариона митрополитом, русского родом в святой Софии, собрав епископов.

А теперь скажем, почему назван так Печерский монастырь. Боголюбивый князь Ярослав любил село Берестовое и церковь, которая была там, святых апостолов и помогал попам многим, среди которых был пресвитер, именем Иларион, муж благостный, книжный и постник. И ходил он из Берестового на Днепр, на холм, где ныне находится старый монастырь Печерский, и там молитву творил, ибо был там лес великий. Выкопал он пещерку малую, двухсаженную, и, приходя из Берестового, пел там церковные часы и молился Богу втайне. Затем Бог положил князю мысль на сердце поставить его митрополитом в святой Софии, а пещерка эта так и возникла. И немного дней спустя оказался некий человек, мирянин из города Любеча, и положил ему Бог мысль на сердце идти странничать. И направился он на Святую Гору, и увидел там монастыри, и обошел их, полюбив монашество, и пришел в один монастырь, и умолил игумена, чтобы постриг его в монахи. Тот послушал, постриг его, дал ему имя Антоний, наставив и научив, как жить по-чернечески, и сказал ему: «Иди снова на Русь, и да будет на тебе благословение Святой Горы, ибо от тебя многие станут чернецами». Благословил его и отпустил, сказав ему: «Иди с миром». Антоний же пришел в Киев и стал думать, где бы поселиться; и ходил по монастырям, и не возлюбил их, так как Бог не хотел того. И стал ходить по дебрям и горам, ища места, которое бы ему указал Бог. И пришел на холм, где Иларион выкопал пещерку, и возлюбил

место то, и поселился в ней, и стал молиться Богу со слезами, говоря: «Господи! Укрепи меня в месте этом, и да будет здесь благословение Святой Горы и моего игумена, который меня постриг». И стал жить тут, молясь Богу, питаясь хлебом сухим, и то через день, и воды в меру вкушая, копая пещеру и не давая себе покоя днем и ночью, пребывая в трудах, в бдении и в молитвах. Потом узнали добрые люди и приходили к нему, принося все, что ему требовалось. И прослыл он как великий Антоний: приходя к нему, просили у него благословения. После же, когда преставился великий князь Ярослав, – принял власть сын его Изяслав и сел в Киеве. Антоний же прославлен был в Русской земле; Изяслав, узнав о святой жизни его, пришел с дружиною своею, прося у него благословения и молитвы. И ведом стал всем великий Антоний и чтим всеми, и стала приходиться к нему братия, и начал он принимать и постригать их, и собралось к нему братии числом двенадцать, и ископали пещеру великую, и церковь, и кельи, которые и до сего дня еще существуют в пещере под старым монастырем. Когда собралась братия, сказал им Антоний: «Это Бог вас, братия, собрал, и вы здесь по благословию Святой Горы, по которому меня постриг игумен Святой Горы, а я вас постригал – да будет благословение на вас, первое от Бога, а второе от Святой Горы». И так сказал им: «Живите же сами по себе, и поставлю вам игумена, а сам я хочу уединиться в этой горе, так как и прежде уже привык жить в уединении». И поставил им игуменом Варлаама, а сам пришел к горе и ископал пещеру, что под новым монастырем, и в ней скончал дни свои, живя в добродетели, не выходя никуда из пещеры в течение сорока лет; в ней лежат мощи его и до сего дня. Братия же с игуменом жили в прежней пещере. И в те времена, когда братия умножилась и не могла уже вместиться в пещере, помыслили поставить монастырь вне пещеры. И пришли игумен с братией к Антонию и сказали ему; «Отец! Умножилась братия, и не можем вместиться в пещере; если бы Бог повелел, по твоей молитве поставили бы мы церковку вне пещеры». И повелел им Антоний. Они же поклонились ему и поставили церковку малую над пещерою во имя Успения святой Богородицы. И начал

Бог, по молитве святой Богородицы, умножать черноризцев, и совет сотворили братья с игуменом поставить монастырь. И пошли братья к Антонию и сказали: «Отец! Братия умножается. И мы хотели бы поставить монастырь». Антоний же сказал с радостью: «Благословен Бог во всем, и молитва святой -Богородицы и отцов Святой Горы да будет с вами». И, сказав это, послал одного из братьев к князю Изяславу, говоря так: «Князь мой! Вот Бог умножает братию, а местечко мало: дал бы нам гору ту, что над пещерою». Изяслав же услышал это и был рад, и послал мужа своего, и отдал им гору ту. Игумен же и братия заложили церковь великую, и монастырь огородили острогом, келий поставили много, завершили церковь и украсили ее иконами. И с той поры начался Печерский монастырь: оттого, что жили чернецы прежде в пещере, и прозвался монастырь Печерским. Основался же монастырь Печерский по благословению Святой Горы. Когда укрепился монастырь при игумене Варлааме, Изяслав поставил другой монастырь, святого Дмитрия, и вывел Варлаама на игуменство к святому Дмитрию, желая сделать тот монастырь выше Печерского, надеясь на свое богатство. Ведь много монастырей цесарями, и боярами и богачами поставлено, но не такие они, как те, которые поставлены слезами, постом, молитвою, бдением. Антоний ведь не имел ни золота, ни серебра, но достиг всего слезами и постом, как я уже говорил. Когда Варлаам ушел к святому Дмитрию, братья, сотворив совет, пошли к старцу Антонию и сказали: «Поставь нам игумена». Он же сказал им: «Кого хотите?» Они же ответили: «Кого хочет Бог и ты». И сказал им: «Кто из вас больше Феодосия – послушного, кроткого, смиренного, – да будет он вам игумен». Братия же рада была, поклонилась старцу; и поставили Феодосия игуменом братии, числом двадцать. Когда же Феодосий принял монастырь, стал он следовать воздержанию, и строгим постам, и молитвам со слезами, и стал собирать многих черноризцев, и собрал братии числом сто. И стал искать устава монашеского, и нашелся тогда Михаил, монах Студийского монастыря, пришедший из Греческой земли с митрополитом Георгием, – и стал у него Феодосий спрашивать устав студийских монахов. И на-

шел у него, и списал, и ввел устав в монастыре своем – как петь пения монастырские, и как класть поклоны, и как читать, и как стоять в церкви, и весь распорядок церковный, и на трапезе поведение, и что вкушать в какие дни – все это по уставу. Найдя этот устав, Феодосий дал его в свой монастырь. От того же монастыря переняли все монастыри этот устав, оттого и почитается монастырь Печерский старше всех. Когда же жил Феодосий в монастыре, и вел добродетельную жизнь, и соблюдал монашеские правила, и принимал всякого, приходящего к нему – пришел к нему. и я – худой и недостойный раб, – и принял меня, а лет мне было от роду семнадцать, Написал я это и определил, в какой год начался Печерский монастырь и чего ради зовется Печерским. А о житии Феодосия скажем после.

В год 6560 (1052). Преставился Владимир, старший сын Ярослава, в Новгороде и положен был в святой Софии, которую воздвиг сам.

В год 6561 (1053). У Всеволода родился сын от дочери царской, гречанки, и нарек ему имя Владимир.

В год 6562 (1054). Преставился великий князь русский Ярослав. Еще при жизни дал он наставление сыновьям своим, сказав им; «Вот я покидаю мир этот, сыновья мои; имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, Бог будет в вас и покорит вам врагов. И будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли ее трудом своим великим; но живите мирно, слушаясь брат брата. Вот я поручаю стол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть будет он вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Владимир, а Вячеславу Смоленск». И так разделил между ними города, запретив им переступать пределы других братьев и сгонять со стола, и сказал Изяславу: «Если кто захочет обидеть брата своего, ты помогай тому, кого обижают». И так наставлял сыновей своих жить в любви. Сам уже он был болен тогда и, приехав в Вышгород, сильно расхворался. Изяслав

тогда был... а Святослав во Владимире. Всеволод же был тогда при отце, ибо любил его отец больше, всех братьев и держал его всегда при себе. И приспел конец жизни Ярослава, и отдал душу свою Богу в первую субботу поста святого Федора. Всеволод же обрядил тело отца своего, возложив на сани, привез его в Киев в сопровождении попов, певших положенные песнопения. Плакали по нем люди; и, принеся, положили его в гроб мраморный в церкви святой Софии. И плакали по нем Всеволод и весь народ. Жил же он всех лет семьдесят и шесть.

Начало княжения Изяслава в Киеве. Придя в Киев, Изяслав сел на столе, Святослав же в Чернигове, Всеволод в Переяславле, Игорь во Владимире, Вячеслав в Смоленске. В тот же год зимою пошел Всеволод на торков к Воиню и победил торков. В том же году приходил Болуш с половцами, и заключил мир с ними Всеволод, и возвратились половцы назад, откуда пришли.

В год 6564 (1056).

В год 6565 (1057). Преставился Вячеслав, сын Ярослава, в Смоленске, и посадили Игоря в Смоленске, выведя его из Владимира.

В год 6566 (1058). Победил Изяслав голядь.

В год 6567 (1059). Изяслав, Святослав и Всеволод освободили дядю своего Судислава из поруба, где сидел он двадцать четыре года, взяв с него крестное целование; и стал он чернецом.

В год 6568 (1060). Преставился Игорь, сын Ярослава. В том же году Изяслав, и Святослав, и Всеволод, и Всеслав собрали воинов бесчисленных и пошли походом на торков, на конях и в ладьях, без числа много. Прослышав об этом, торки испугались, и обратились в бегство, и не вернулись до сих пор, – так и перемерли в бегах, Божиим гневом гонимые, кто от стужи, кто от голода, иные от мора и судом Божиим. Так избавил бог христиан от поганых.

В год 6569 (1061). Впервые пришли половцы войною на Русскую землю; Всеволод же вышел против них месяца февраля во 2-й день. И в битве победили Всеволода и, повоював землю, ушли. То было первое зло от поганых и безбожных врагов. Был же князь их Искал.

В год 6570 (1062).

В год 6571 (1063). Судислав преставился, брат Ярослава, и погребли его в церкви святого Георгия. В тот же год в Новгороде Волхов тек в обратном направлении пять дней. Знаменье же это было недоброе, ибо на четвертый год пожег Всеслав город.

В год 6572 (1064). Бежал Ростислав, сын Владимиров, внук Ярославов, в Тмуторокань, и с ним бежали Порей и Вышата, сын Остромира, воеводы новгородского. И, придя, выгнал Глеба из Тмуторокани, а сам сел на его место.

В год 6573 (1065). Пошел Святослав на Ростислава к Тмуторокани. Ростислав же отступил из города – не потому, что испугался Святослава, но не желая против дяди оружия поднять. Святослав же, придя в Тмуторокань, вновь посадил сына своего Глеба и вернулся назад, Ростислав же, придя, снова выгнал Глеба, и пришел Глеб к отцу своему, Ростислав же сел в Тмуторокани. В том же году Всеслав начал войну.

В те же времена было знаменье на западе, звезда великая, с лучами как бы кровавыми; с вечера всходила она на небо после захода солнца, и так было семь дней.

Знаменье это было не к добру, после того были усобицы, многие и нашествие поганых на Русскую землю, ибо эта звезда была как бы кровавая, предвещающая крови пролитье. В те же времена ребенок был брошен в Сетомль; этого ребенка вытащили рыбаки в неводе, и рассматривали мы его до вечера и опять бросили в воду. Был же он такой: на лице у него были срамные части, а иного нельзя и сказать срама ради. Перед тем временем и солнце изменилось и не стало светлым, но было как месяц, о таком солнце невежды говорят, что оно объедено. Знаменья эти бывают не к добру, мы потому так думаем, что именно так случилось в древности, «при Антиохе, в Иерусалиме: внезапно по всему городу в течение сорока дней стали являться в воздухе всадники скачущие, с оружием, в золотых одеждах, полки обеих сторон являлись, потрясая оружием: и это предвещало нападение Антиоха, нашествие рати на Иерусалим. Потом при Нероне цеса-

ре в том же Иерусалиме над городом воссияла звезда в виде копья; это предвещало нашествие римского войска. И снова так было при Юстиниане цесаре: звезда воссияла на западе, испускавшая лучи, и прозвали ее лампадой, и так блистала она дней двадцать; после же того было звездотечение на небе с вечера до утра, так что все думали, будто падают звезды, и вновь солнце сияло без лучей: это предвещало крамолы, болезни людям, смерти. Снова, уже при Маврикии цесаре, было так; жена родила ребенка без глаз и без рук, а к бедрам у него рыбий хвост прирос; и пес родился шестиногий; в Африке же двое детей родилось: один о четырех ногах, а другой о двух головах. Потом же было при царе Константине Иконоборце, сыне Леона, звездотечение на небе, звезды срывались на землю, так что видевшие думали, что конец мира; тогда же воздухотечение было сильное; в Сирии же было землетрясение великое, так что земля разверзлась на три поприща, и, дивно, из земли вышел мул, говоривший человеческим голосом и предсказывавший нашествие иноземцев, как и случилось потом»: нападали сарацины на Палестинскую землю. Знамения ведь на небе, или в звездах, или в солнце, или в птицах, или в чем ином не к добру бывают; но знамения эти ко злу бывают: или войну предвещают, или голод, или смерть.

В год 6574 (1066). Когда Ростислав был в Тмуторокани и брал дань с касогов и с других народов, этого так испугались греки, что с обманом подослали к нему котопана. Когда же он пришел к Ростиславу, – он вошел к нему в доверие, и Ростислав почтил его. Однажды, когда Ростислав пировал с дружиною своею, котопан сказал: «Князь, хочу выпить за тебя», Тот же ответил: «Пей». Он же отпил половину, а половину дал выпить князю, опустив палец в чашу, а под ногтем был у него яд смертельный, и дал князю, предсказав ему смерть не позднее седьмого дня. Тот выпил, котопан же, вернувшись в Корсунь, поведал там, что именно в этот день умрет Ростислав, как и случилось. Котопана этого побили камнями корсунские люди. Был Ростислав муж доблестный, воинственный, прекрасен сложением и

красив лицом и милостив к убогим. И умер февраля в 3-й день и положен там в церкви святой Богородицы.

В год 6575 (1067). Поднял рать в Полоцке Всеслав, сын Брячислава, и занял Новгород. Трое же Ярославичей, Изяслав, Святослав, Всеволод, собрав воинов, пошли на Всеслава в великий мороз. И подошли к Минску, и минчане затворились в городе. Братья же эти взяли Минск и перебили всех мужей, а жен и детей захватили в плен и пошли к Немиге, и Всеслав пошел против них. И встретились противники на Немиге месяца марта в 3-й день; и был снег велик, и пошли друг на друга. И была сеча жестокая, и многие пали в ней, и одолели Изяслав, Святослав, Всеволод, Всеслав же бежал. Затем месяца июля в 10-й день Изяслав, Святослав и Всеволод, поцеловав крест честной Всеславу, сказали ему: «Приди к нам, не сотворим тебе зла». Он же, надеясь на их крестоцелование, переехал к ним на ладье через Днепр. Когда же Изяслав вошел первым в шатер, тут схватили Всеслава, на Рши у Смоленска, преступив крестоцелование. Изяслав же, приведя Всеслава в Киев, посадил его в темницу и двух сыновей его.

В год 6576 (1068). Пришли иноплеменники на Русскую землю, половцев множество. Изяслав же, и Святослав, и Всеволод вышли против них на Альту. И ночью пошли друг на друга. Навел на нас бог поганых за грехи наши, и побежали русские князья, и победили половцы.

Наводит бог, в гневе своем, иноплеменников на землю, и только в горе люди вспоминают о боге; междоусобная же война бывает от дьявольского соблазна. Бог ведь не хочет зла людям, но блага; а дьявол радуется злomu убийству и крови пролитию, разжигая ссоры и зависть, братоненавидение, клевету. Когда же впадает в грех какой-либо народ, казнит бог его смертью, или голодом, или нашествием поганых, или засухой, или гусеницей, или иными казнями, чтобы мы покаялись, ибо Бог велит нам жить в покаянии и говорит нам через пророка: «Обратитесь ко мне всем сердцем вашим, в посте и плаче». Если мы будем так поступать, простятся нам все грехи; но мы к злу возвращаемся, как свинья, в кале греховном вечно марающаяся, и так

пребываем. Устами того же пророка говорит нам господь: «Знаю,— говорит, — что ты жесток и шея твоя железная», поэтому «не пустил к вам дождя, одну землю одождил, а другую не одождил, и иссохло». «И порастил вас зноем и различными казнями, но и тут вы не обратились ко мне». «Потому сады ваши, смоковницы ваши, нивы и дубравы ваши погубил я, — говорит господь, — а злоб ваших не мог в вас изничтожить». «Послал на вас различные болезни и смерти ужасные и на скот послал казнь свою, но и тут не обратились ко мне, но сказали: «Не поддадимся». Доколе не насытитесь злобами вашими? Вы ведь уклонились от пути моего, — говорит господь, — и соблазнили многих»; поэтому: «Буду свидетелем скорым против врагов, и прелюбодеев, и клянущихся именем моим ложно, и лишаящих мзды наемника, чинящих насилие над сиротами и вдовами и уклоняющих суд от правды. Почему не покаетесь в грехах ваших? Но искажаете законы мои и не соблюдаете их? Обратитесь ко мне — и я обращусь к вам, — говорит господь, — и разверзну вам хляби небесные и отвращу от вас гнев мой, пока не будет у вас всего в изобилии и не станут истощаться ни сады ваши, ни нивы. Но вы обрушили на меня слова ваши, говоря: «Ничтожен служащий богу!» Поэтому: «Устами чтут меня, а сердце их далеко отстоит от меня». Оттого, чего просим, не приемлем. «Будет же так, — говорит, — когда призовете меня, я не стану вас слушать». «Будете искать меня в беде — и не обрящете, ибо не восхотели ходить по путям моим», отчего и затворяется небо или, напротив, жестоко разверзается, град вместо дождя испуская или морозом плоды побивая и землю зноем томя, за наши злодеяния. Если же покаемся в злодеяниях наших, то, «как родным детям своим, даст он нам все просимое и одождит рано или поздно. И наполнятся гумна ваши пшеницею. Прольются давила винные и масляные. И возьму вам за годы, в которые поели у вас саранча и жуки и гусеницы; сила моя велика, которую я послал на вас», — говорит господь вседержитель. Слыша все это, обратимся к добру; взыщите праведного суда, избавьте обижаемого, обратимся к покаянию, не воздавая злом на зло, клеветой за клевету, но возлюбим господа бога нашего, постом, и рыда-

нием, и слезами омывая все прегрешения наши, не так, что словом только называемся христианами, а живем, как язычники. Вот разве не по-язычески мы живем, если во встречу верим? Ведь если кто встретит черноризца, то возвращается, так же поступает и встретив кабана или свинью, – разве это не по-язычески? Это ведь по наущению дьявола держатся эти приметы, другие же в чихание веруют, которое на самом деле бывает на здравие голове. Но дьявол обманывает и этими и иными способами, всякими хитростями отвращая нас от бога, трубами и скоморохами, гусями и русалиями. Видим ведь игрища, на которых топчутся, и людей множество на них, так что давят друг друга, устраивая зрелища, бесом задуманные, – а церкви пусты стоят; когда же бывает время молитвы, молящихся мало оказывается в церкви. Потому и казни всяческие принимаем от бога и набеги врагов; по божьему повелению принимаем наказание за грехи наши.

Но возвратимся к своему повествованию. Когда Изяслав со Всеволодом бежали в Киев, а Святослав – в Чернигов, то киевляне прибежали в Киев, и собрали вече на торгу, и послали к князю сказать: «Вот, половцы рассеялись по всей земле, дай, княже, оружие и коней, и мы еще сразимся с ними». Изяслав же того не послушал. И стали люди роптать на воеводу Коснячка; пошли на гору с веча и пришли на двор Коснячков и, не найдя его, стали у двора Брючислава и сказали: «Пойдем освободим дружину свою из темницы». И разделились надвое: половина их пошла к темнице, а половина их пошла по Мосту, эти и пришли на княжеский двор. Изяслав в это время на сенях совет держал с дружиной своей, и заспорили с князем те, кто стоял внизу. Когда же князь смотрел из оконца, а дружина стояла возле него, сказал Туки, брат Чудина, Изяславу: «Видишь, князь, люди расшумелись; пошли, пусть постерегут Всеслава». И пока он это говорил, другая половина людей пришла от темницы, отворив ее. И сказала дружина князю: «Злое содеялось; пошли ко Всеславу, пусть, подзвав его обманом к оконцу, пронзят мечом». И не послушал того князь. Люди же закричали и пошли к темнице Всеслава. Изяслав же, видя это, побежал со Всеволодом со двора, люди же вырубili Всесла-

ва из поруба – в 15-й день сентября – и прославили его среди княжеского двора. Двор же княжий разграбили – бесчисленное множество золота и серебра, в монетах и слитках. Изяслав же бежал в Польшу.

Впоследствии, когда половцы воевали по земле Русской, а Святослав был в Чернигове, и когда половцы стали воевать около Чернигова, Святослав, собрав небольшую дружину, вышел против них к Сновску. И увидели половцы идущий полк; и приготовились встретить его. И Святослав, увидев, что их множество, сказал дружине своей: «Сразимся, некуда нам уже деться». И стегнули по коням, и одолел Святослав со своими тремя тысячами, а половцев было двенадцать тысяч; и так их побили, а другие утонули в Снова, а князи их руками взяли в 1-й день ноября. И возвратился с победою в город свой Святослав.

Всеслав же сидел в Киеве; в этом бог явил силу креста, потому что Изяслав целовал крест Всеславу, а потом схватил его: из-за того и навел бог поганых, Всеслава же явно избавил крест честной! Ибо в день Воздвижения Всеслав, вздохнув, сказал: «О крест честной! Так как верил я в тебя, ты и избавил меня от этой темницы». Бог же показал силу креста в поученье земле Русской, чтобы не преступали честного креста, целовав его; если же преступит кто, то и здесь, на земле, примет казнь и в будущем веке казнь вечную. Ибо велика сила крестная; крестом бывають побеждаемы силы бесовские, крест князьям в сражениях помогает, крестом охраняемы в битвах, верующие люди побеждают супостатов, крест же быстро избавляет от напастей призывающих его с верою. Ничего не боятся бесы, только креста. Если бывають от бесов видения, то, осенив лицо крестом, их отгоняют. Всеслав же сидел в Киеве семь месяцев.

В год 6577 (1069). Пошел Изяслав с Болеславом на Всеслава; Всеслав же выступил навстречу. И пришел к Белгороду Всеслав, и с наступлением ночи тайно от киевлян бежал из Белгорода в Полоцк. Наутро же люди, увидев, что князь бежал, возвратились в Киев, и устроили вече, и обратились к Святославу и Всеволоду, говоря: «Мы уже дурное сделали, князя своего прогнав, а он ведет на нас Поль-

скую землю: идите же в город отца своего; если не хотите, то поневоле придется поджечь город свой и уйти в Греческую землю». И сказал им Святослав: «Мы пошли к брату своему; если пойдет с поляками погубить вас, то мы пойдем на него войною, ибо не дадим губить города отца своего; если же хочет идти с миром, то пусть придет с небольшой дружиной». И утешили киевлян. Святослав же и Всеволод послали к Изяславу, говоря: «Всеслав бежал, не веди поляков на Киев, здесь ведь врагов у тебя нет; если хочешь держать гнев и погубить город, то знай, что нам будет жаль отцовского стола».

Слышав то, Изяслав оставил поляков и пошел с Болеславом, взяв немного поляков, а впереди себя послал к Киеву сына своего Мстислава, И, придя в Киев, Мстислав перебил киевлян, освободивших Всеслава, числом семьдесят человек, а других ослепил, а иных без вины умертвил, – без следствия. Когда же Изяслав шел к городу, вышли к нему люди с поклоном, и приняли князя своего киевляне; и сел Изяслав на столе своем, месяца мая во, 2-й день. И распустил поляков на покорм, и избивали их тайно; и возвратился Болеслав в Польшу, в землю свою, Изяслав же перегнал торг на гору и, выгнав Всеслава из Полоцка, посадил сына, своего Мстислава в Полоцке; он же вскоре умер там. И посадил на место его брата его Святополка, Всеслав же бежал.

В год 6578 (1070). Родился у Всеволода сын, и нарекли имя ему Ростислав. В тот же год заложена была Всеволодом церковь святого Михаила в монастыре.

В год 6579 (1071). Воевали половцы у Ростовца и Неятина. В тот же год выгнал Всеслав Святополка из Полоцка. В тот же год победил Ярополк Всеслава у Голотическа. В те же времена пришел волхв, обольщенный бесом; придя в Киев, он рассказывал людям, что на пятый год Днепр потечет вспять и что земли начнут перемещаться, что Греческая земля станет на место Русской, а Русская на место Греческой, и прочие земли переместятся. Невежды слушали его, верующие же смеялись, говоря ему: «Бес тобою играет на погибель тебе». Что сбылось с ним: в одну из ночей пропал без вести.

Бесы ведь, подстрекая людей, во зло их вводят, а потом насмеяются, ввергнув их в погибель смертную, подучив их говорить; как мы сейчас и расскажем об этом бесовском наущении и деянии.

Однажды во время неурожая в Ростовской области явились два волхва из Ярославля, говоря, что «мы знаем, кто запасы держит». И отправились они по Волге и куда ни придут в погост, тут и называли знатных жен, говоря, что та жито прячет, а та – мед, а та – рыбу, а та – меха. И приводили к ним сестер своих, матерей и жен своих. Волхвы же, мороча людей, прорезали за плечами и вынимали оттуда либо жито, либо рыбу и убивали многих жен, а имущество их забирали себе. И пришли на Белоозеро, и было с ними людей триста. В то же время случилось Яню, сыну Вышатину, собирая дань, прийти от князя Святослава; поведали ему белозерцы, что два кудесника убили уже много жен на Волге и по Шексне и пришли сюда. Янь же, расспросив, чьи смерды, и узнав, что они, смерды его князя, послал к тем людям, которые были около волхвов, и сказал им: «Выдайте мне волхвов, потому что смерды они мои и моего князя». Они же его не послушали. Янь же пошел сам без оружия, и сказали ему отроки его: «Не ходи без оружия, осрамят тебя». Он же велел взять оружие отрокам и с двенадцатью отроками пошел к ним к лесу. Они же исполчились против него. И вот, когда Янь шел на них с топориком, выступили от них три мужа, подошли к Яню, говоря ему: «Видишь, что идешь на смерть, не ходи». Янь же приказал убить их и пошел к оставшимся. Они же кинулись на Яня, и один из них промахнулся в Яня топором. Янь же, оборотив топор, ударил того обухом и приказал отрокам рубить их. Они же бежали в лес и убили тут Янева попа. Янь же, войдя в город к белозерцам, сказал им: «Если не схватите этих волхвов, не уйду от вас весь год». Белозерцы же пошли, захватили их и привели к Яню. И сказал им: «Чего ради погубили столько людей?» Те же сказали, что «они держат запасы, и если истребим их, будет изобилие; если же хочешь, мы перед тобою вынем жито, или рыбу, или что другое». Янь же сказал: «Поистине ложь это; сотворил бог человека из земли, составлен он из костей и жил кровяных, нет в нем больше ничего, никто

ничего не знает, один только бог знает». Они, же сказали: «Мы знаем, как человек сотворен». Он же спросил: «Как?» Они же отвечали: «Бог мылся в бане и вспотел, отерся ветошкой и бросил ее с небес на землю. И заспорил сатана с богом, кому из нее сотворить человека. И сотворил дьявол человека, а бог душу в него вложил. Вот почему, если умрет человек, – в землю идет тело, а душа к богу». Сказал им Янь: «Поистине прельстил вас бес; какому богу веруете?» Те же ответили: «Антихристу!». Он же сказал им: «Где же он?» Они же сказали: «Сидит в бездне». Сказал им Янь: «Какой это бог, коли сидит в бездне? Это бес, а бог на небесах, восседает на престоле, славимый ангелами, которые, предстоят ему со страхом и не могут на него взглянуть. Один из ангелов был свергнут – тот, кого вы называете антихристом; низвергнут был он с небес за высокомерие свое и теперь в бездне, как вы и говорите; ожидает он, когда сойдет с неба бог. Этого антихриста бог свяжет узами и посадит в бездну, схватив его вместе со слугами его и теми, кто в него верует. Вам же и здесь принять муку от меня, а по смерти – там». Те же сказали. «Говорят нам боги: не можешь нам сделать ничего!» Он же сказал им: «Лгут вам боги». Они же ответили: «Мы станем перед Святославом, а ты не можешь сотворить ничего». Янь же повелел бить их и выдергивать им бороды. Когда их били и выдирали расщепом бороды, спросил их Янь: «Что же вам молвят боги?» Они же ответили: «Стать нам перед Святославом». И повелел Янь вложить рубли в уста им и привязать их к мачте лодки и пустил их перед собою в ладье, а сам пошел за ними. Остановились на устье Шексны, и сказал им Янь: «Что же вам теперь боги молвят?» Они же сказали: «Так нам боги молвят: не быть нам живым от тебя». И сказал им Янь: «Вот это-то они вам правду поведали». Волхвы же ответили: «Но если наспустишь, много тебе добра будет; если же нас погубишь, много печали примешь и зла». Он же сказал им: «Если вас пустишь, то плохо мне будет от бога, если же вас погублю, то будет мне награда». И сказал Янь гребцам: «У кого из вас кто из родни убит ими?» Они же ответили: «У меня мать, у того сестра, у другого дочь». Он же сказал им: «Мстите за своих». Они же, схватив, убили их и по-

весили на дубе: так отмщение получили они от бога по правде! Когда же Янь отправился домой, то на другую же ночь медведь взлез, загрыз их и съел. И так погибли они по наущению бесовскому, другим пророчествуя, а своей гибели не предвидя. Если бы ведь знали, то не пришли бы на место это, где им предстояло быть схваченными; а когда были схвачены, то зачем говорили: «Не умереть нам» в то время, когда Янь уже задумал убить их? Но это и есть бесовское наущение: бесы ведь не знают мыслей человека, а только влагают помыслы в человека, тайны его не зная. Бог один знает помышления человеческие. Бесы же не знают ничего, ибо немощны они и скверны видом.

Вот и еще расскажем о виде их и о наваждениях их. В то же время, в те же годы, случилось некоему новгородцу прийти в землю Чудскую, и пришел к кудеснику, прося волхвования его. Тот же по обычаю своему начал призывать бесов в дом свой. Новгородец же сидел на пороге того дома, а кудесник лежал в оцепенении, и вдруг ударил им бес. И, встав, сказал кудесник новгородцу: «Боги не смеют прийти, – имеешь на себе нечто, чего они боятся». Он же вспомнил, что на нем крест, и, отойдя, положил его вне дома того. Кудесник же начал вновь призывать бесов. Бесы же, подбрасывая его, поведали то, ради чего пришел новгородец. Затем новгородец стал спрашивать кудесника: «Чего ради бесы боятся того, чей крест на себе мы носим?» Он же сказал: «Это знамение небесного бога, которого наши боги боятся». Новгородец же сказал: «А каковы боги ваши, где живут?» Кудесник же сказал: «В безднах. Обличием они черны, крылаты, имеют хвосты; взбираются же и под небо послушать ваших богов. Ваши ведь боги на небесах. Если кто умрет из ваших людей, то его возносят на небо, если же кто из наших умирает, его несут к нашим богам в бездну». Так ведь и есть: грешники в аду пребывают, ожидая муки вечной, а праведники в небесном жилище водворяются с ангелами.

Такова-то бесовская сила, и обличие их, и слабость. Тем-то они и прельщают людей, что велят им рассказывать видения, являющиеся им, нетвердым в вере, одним во сне, а другим в мечтании, и так волхвуют научением бесовским. Больше же всего через жен бесовские

волхования бывают, ибо искони бес женщину прельстил, она же мужчину, потому и в наши дни много волхвуют женщины чародейством, и отравою, и иными бесовскими кознями. Но и мужчины неверные бывают прельщаемы бесами, как это было в прежние времена. При апостолах ведь был Симон Волхв, который заставлял волшебством собак говорить по-человечески и сам оборачивался то старым, то молодым или кого-нибудь оборачивал в иной образ, в мечтании. Так творили Ананий и Мамврий: они волхованием чудеса творили, противоборствуя Моисею, но вскоре уже ничего не могли сделать равное ему; так и Куноп напускал наваждение бесовское, будто по водам ходит, и иные наваждения делал, бесом прельщаем, на погибель себе и другим.

Такой волхв объявился и при Глебе в Новгороде; говорил людям, притворяясь богом, и многих обманул, чуть не весь город, уверяя, будто наперед знает все, что произойдет, и, хуля веру христианскую, уверял, что «перейду по Волхову перед всем народом». И был мятеж в городе, и все поверили ему и хотели погубить епископа. Епископ же взял крест в руки и надел облачение, встал и сказал: «Кто хочет верить волхву, пусть идет за ним, кто же верует Богу, пусть ко кресту идет». И разделились люди надвое: Князь Глеб и дружина его пошли и стали около епископа, а люди все пошли к волхву. И начался мятеж великий между ними. Глеб же взял топор под плащ, подошел к волхву и спросил: «Знаешь ли, что завтра случится и что сегодня до вечера?». Тот ответил: «Знаю все». И сказал Глеб: «А знаешь ли что будет с тобою сегодня?» – «Чудеса великие сотворю», – сказал. Глеб же, вынув топор, разрубил волхва, и пал он мертв, и люди разошлись. Так погиб он телом, а душою предался дьяволу

В год 6580 (1072). Перенесли святых страстотерпцев Бориса и Глеба. Собирались Ярославичи – Изяслав, Святослав, Всеволод, – митрополит же тогда был Георгий, епископ Петр Переяславский, Михаил Юрьевский, Феодосий игумен Печерский, Софроний игумен монастыря святого Михаила, Герман игумен святого Спаса, Никола игумен Переяславского монастыря и все игумены, – и устроили

праздник, и праздновали светло, и переложили тела в новую церковь, построенную Изяславом, что стоит и поныне. И сначала Изяслав, Святослав и Всеволод взяли Бориса в деревянном гробу и, возложив гроб на плечи свои, понесли, черноризцы же шли впереди, держа свечи в руках, а за ними дьяконы с кадилами, а затем пресвитеры, за ними епископы с митрополитом; за ними же шли с гробом. И, принеся его в новую церковь, открыли раку, и наполнилась церковь благоуханием, запахом чудным; видевшие же это прославили бога. И митрополита объял ужас, ибо не твердо верил он в них (Бориса и Глеба); и пал ниц, прося прощения. Поцеловав мощи Борисовы, уложили их в гроб каменный. После того, взяв Глеба в каменном гробу, поставили на сани и, схватившись за веревки, повезли его. Когда были уже в дверях, остановился гроб и не шел дальше. И повелели народу звать: «Господи, помилуй», и повезли его. И положили их месяца мая во 2-й день. И, отпев литургию, обедали братья сообща, каждый с боярами своими, в любви великой. И управлял тогда Вышгородом Чудин, а церковью Лазарь. Потом же разошлись восвояси.

В год 6581 (1073). Воздвиг дьявол распрю в братии этой – в Ярославичах. И тогда в той распре Святослав со Всеволодом заодно против Изяслава. Ушел Изяслав из Киева, Святослав же и Всеволод вошли в Киев месяца марта 22-го и сели на столе в Берестовом, преступив отцовское завещание. Святослав же был виновником изгнания брата, так как стремился к еще большей власти; Всеволода же он прельстил, говоря, что «Изяслав сговорился со Всеславом, замышляя против нас; и если его не опередим, то нас прогонит». И так восставил Всеволода на Изяслава. Изяслав же ушел в Польшу со многим богатством, говоря, что «этим найду воинов». Все это поляки отняли у него и выгнали его. А Святослав сел в Киеве, прогнав брата своего, преступив заповедь отца, а больше всего божью. Велик ведь грех – преступать заповедь отца своего: ибо в древности покусились сыновья Хамовы на землю Сифову, а через четыреста лет отмщение принесли от бога; от племени ведь Сифова пошли евреи, которые, избив хананейское племя, вернули себе свою часть и свою землю. Затем

преступил Исав заповедь отца своего и был убит, нехорошо ведь вступать в предел чужой! В этот же год основана была церковь Печерская игуменом Феодосием и епископом Михаилом, а митрополит Георгий был тогда в земле Греческой, Святослав же в Киеве сидел.

В год 6582 (1074). Феодосий игумен Печерский преставился. Скажем же о кончине его вкратце. Феодосий имел обычай с наступлением поста, в воскресенье на масленой неделе вечером, по обычаю прощаясь со всей братией, поучать ее, как проводить время поста: в молитвах ночных и дневных блюсти себя от помыслов скверных, от бесовского соблазна. «Бесы ведь, – говорил, – вкладывают черноризцам дурные помыслы, мысли лукавые, разжигая им желания, и тем испорчены бывают их молитвы; когда приходят такие мысли, следует отгонять их знамением крестным, говоря так: «Господи Иисусе Христе, боже наш, помилуй нас, аминь». И еще надо воздерживаться от обильной пищи, ибо от многоядения и питья безмерного возрастают помыслы лукавые, от возросших же помыслов случается грех». «Поэтому, – говорил он, – противьтесь бесовскому действию и пронырству их, остерегайтесь лености и много сна, бодрствуйте для церковного пения и для усвоения предания отеческого и чтения книжного; больше же всего подобает черноризцам иметь на устах псалмы Давидовы и ими прогонять бесовское уныние, больше иметь в себе любви ко всем меньшим и к старшим покорность и послушание, старшим же к меньшим проявлять любовь, и наставлять их, и давать собою пример воздержания, бдения, трудолюбия и смирения; так учить меньших и утешать их и так проводить пост». «Ибо,— говорил он, – Бог дал нам эти сорок дней для очищения души; это ведь десятина, даваемая нами от года богу: дней в году триста и шестьдесят и пять, а от этих дней отдавать богу десятый день как десятину – это и есть пост сорокадневный, и, в эти дни очистившись, душа празднует светло день воскресения господня, радуясь богу. Ибо постное время очищает ум человека. Пост ведь искони имел свой прообраз: Адам в первые времена не вкушал плодов от запретного древа; пропостившись сорок дней, Моисей сподобился получить закон на горе Синайской и

видел славу Божию; постясь, Самуила мать родила; постившись, ниневитяне от гнева Божия избавились; постясь, Даниил великого видения сподобился; постясь, Илья как бы на небо взят был в пищу райскую; постясь, трое отроков погасили силу огненную; постился и господь сорок дней, показав нам время поста; потом апостолы искоренили бесовское учение; благодаря посту явились отцы наши в мире как светила, что сияют и по смерти, дав пример трудов великих и воздержания, как и этот великий Антоний, или Евфимий, или Савва и прочие отцы, примеру которых последуем, братия». И так поучив братию, Феодосий прощался с каждым поименно и потом уходил из монастыря, взяв немного хлебцев, и, войдя в пещеру, затворял двери в пещере и засыпал их землею и не говорил ни с кем; когда же бывало к нему какое-нибудь необходимое дело, то через оконце малое беседовал он в субботу или в воскресенье, а в остальные дни пребывал в посте и молитвах, строго воздерживаясь. И снова приходил в монастырь в пятницу, в канун Лазарева дня, ибо в этот день кончается пост сорокадневный, начинающийся с первого понедельника Федоровской недели, кончается же пост в пятницу Лазареву; а в страстную неделю установлено поститься в память страданий господних. И в этот раз Феодосий же, вернувшись, по обычаю приветствовал братию и праздновал с ними Цветное воскресенье, когда же пришел день воскресения, по обычаю праздновал его светло и впал в болезнь. Разболевшись и проболев дней пять, как-то вечером приказал он вынести себя на двор; братия же, положив его на сани, поставила их против церкви. Он же приказал созвать братию всю, братья же ударили в било, и собрались все. Он же сказал им: «Братья мои, и отцы мои, и дети мои! Вот я ухожу от вас, как это открыл мне господь во время поста, когда я был в пещере, что отойти мне от света сего. Вы же кого хотите игуменом иметь у себя? – я бы подал ему благословение». Они же сказали ему: «Ты нам всем отец, и кого пожелаешь сам, тот нам и будет отец и игумен, и будем слушаться его, как и тебя». Отец же наш Феодосий сказал: «Идите без меня и назовите сообща кого хотите, кроме двух братьев, Николы и Игната; из прочих, кого захотите,

от старейших и до меньших». Они, послушав его, отошли немного к церкви и, посоветовавшись, послали к нему двух братьев сказать так: «Кого захочет бог и твоя честная молитва, кого тебе любо, того и назначь». Феодосий же сказал им: «Если уж от меня хотите игумена принять, то я поступлю не по своей воле, а по божественному промыслу». И назвал им Иакова пресвитера. Братии же это не любо было, говорили, что «не здесь пострижен». Ибо Иаков пришел с Альты, вместе с братом своим Павлом. И стала братия просить Стефана domestика, бывшего тогда учеником Феодосия, говоря, что "тот вырос под рукой твоей и у тебя послужил, его нам и назначь». Сказал же им Феодосий: «Вот я по Божию повелению назвал вам Иакова, а вы на своей воле настаиваете». Однако послушал их, дал им Стефана, да будет им игуменом. И благословил Стефана, и сказал ему: «Чадо, вот поручаю тебе монастырь, блюди его бережно, и как я устави службы, так и держи. Преданий монастырских и устава не изменяй, но твори все по закону и по чину монастырскому». И после того взяли его братья, отнесли в келью и положили на постели. И когда настал шестой день и ему было уже очень плохо, пришел к нему князь Святослав с сыном своим Глебом, и когда они сели у него, сказал ему Феодосий: «Вот, отхожу от света сего и поручаю монастырь тебе на попечение, если будет в нем какое-нибудь смятение, И поручаю игуменство Стефану, не дай его в обиду». Князь же простился с ним и обещал заботиться о монастыре и ушел. Когда же настал седьмой день, Феодосий, уже изнемогая, призвал Стефана и братию и стал говорить им так: «Если после того, как я покину свет этот, буду я богу угоден и примет меня бог, то монастырь этот начнет устраиваться и пополняться, так и знайте, что принял меня бог. Если же по моей смерти оскудевать начнет монастырь черноризцами и монастырскими запасами, то знайте, что не угодил я богу». И когда он говорил это, плакали братья и сказали: «Отче! Молись за нас богу, ибо знаем, что бог созданного тобой не презрит». И просидела братия всю ту ночь у него, и когда настал день восьмой, во вторую субботу по Пасхе, во втором часу дня, отдал душу в руки божьи, месяца мая 3-го, индикта

в 11-й год. Плакала по нем братия. Феодосий же завещал положить себя в пещере, где явил труды многие, сказав так: «Ночью похороните тело мое», как и сделали. Когда приспел вечер, братья взяли тело его и положили его в пещере, проводив с песнопениями, со свечами, достойно, на хвалу богу нашему Иисусу Христу.

Когда же Стефан правил монастырем и блаженным стадом, собранным Феодосием... такие чернецы как светила в Руси сияют: ибо одни были постники крепкие, другие же крепки на бдение, третьи – на поклонение коленное, четвертые – на пощение, через день и через два дня, иные же ели только хлеб с водой, иные – овощи вареные, другие – сырые. В любви пребывая, младшие покорялись старшим и не смели при них говорить, но всегда вели себя с покорностью и с послушанием великим. Также и старшие любовь имели к младшим, поучали их, утешая, как детей возлюбленных. Если кто-нибудь из братьев в какой грех впадал, его утешали, а епитимью, наложенную на одного, делили между собой трое или четверо, из великой любви: вот какие были любовь и воздержание великое в братии той. Если брат какой-нибудь удалялся из монастыря, вся братия бывала этим сильно опечалена, посылали за ним, звали его в монастырь, шли всей братией кланяться игумену, и молили игумена, и принимали брата в монастырь с радостью. Вот какие это были люди полные любви, воздержники и постники; из них я назову несколько чудных мужей.

Первый среди них, Демьян пресвитер, был такой постник и воздержник, что, кроме хлеба и воды, ничего не ел до смерти своей. Если кто когда приносил в монастырь больного ребенка, каким недугом одержимого, или взрослый человек, каким-либо недугом одержимый, приходил в монастырь к блаженному Феодосию., тогда приказывал он этому Демьяну молитву сотворить над больным, и тотчас же творил молитву и елеем мазал, и получали исцеление приходящие к нему. Когда же разболелся он и лежал при смерти в немощи, пришел ангел к нему в образе Феодосия, даруя ему царствие небесное за труды его. Затем пришел Феодосий с братиею и сели около него; он же, изнемогая, взглянув на игумена, сказал: «Не забывай, игумен, что мне

обещал». И понял великий Феодосий, что тот видел видение, и сказал ему: «Брат Демьян, что я обещал, то тебе будет». Тот же, смежив очи, отдал дух в руки божии. Игумен же и братия похоронили тело его.

Был также другой брат, именем Еремия, который помнил крещение земли Русской. Ему был дар дарован от бога: предсказывал будущее и если видел, что у кого-нибудь нечистые помыслы, то обличал его втайне и учил блюстись дьявола. Если кто-нибудь из братьев замышлял уйти из монастыря и Еремия замечал это, то, придя к нему, обличал замысел его и утешал брата. Если же он кому предрекал что, хорошее или дурное, сбывалось слово старца.

Был же и другой старец, именем Матвей: был он прозорлив. Однажды, когда он стоял в церкви на месте своем, поднял глаза, обвел ими братию, которая стояла и пела по обеим сторонам на клиросе, и увидел обходившего их беса, в образе поляка, в плаще, несшего под полою цветов, который называется лепок. И, обходя братию, бес вынимал из-за пазухи цветов и бросал его на кого-нибудь; если прилипал цветок к кому-нибудь из поющих братьев, тот, немного постояв, с расслабленным умом, придумав предлог, выходил из церкви, шел в келью и засыпал и не возвращался в церковь до конца службы; если же бросал цветок на другого и к тому не прилипал цветок, тот оставался стоять крепко на службе, пока не отпоют утреню, и тогда уже шел в келью свою. Видя такое, старец поведал об этом братии своей. Другой раз видел старец следующее: как обычно, когда старец этот отстоял заутреню, братия перед рассветом шла по келиям своим, а этот старец уходил из церкви после всех. И вот однажды, когда он шел так, присел он отдохнуть под билом, ибо была его келья поодаль от церкви, и вот видит, как толпа идет от ворот; поднял глаза и увидел кого-то верхом на свинье, а другие идут около него. И сказал им старец: «Куда идете?» И сказал бес, сидевший на свинье: «За Михаэлем Тольбековичем». Старец осенил себя крестным знаменем и пришел в келью свою. Когда рассвело и понял старец, в чем дело, сказал он келейнику: «Поди спроси, в келье ли Михаль». И сказали ему, что «давеча, после заутрени, перескочил через ограду». И пове-

дал старец о видении этом игумену и братии. При этом старце Феодосий преставился, и Стефан стал игуменом, а по Стефане Никон: все это при старце. Стоит он как-то на заутрене, подымает глаза, чтобы посмотреть на игумена Никона, и видит осла, стоящего на игуменом месте; и понял он, что не встал еще игумен. Много и других видений видел старец, и почил он в старости почтенной в монастыре этом.

А был еще и другой черноризец, именем Исакий; был он, когда еще жил в миру, богат, ибо был купец, родом торопчанин, и задумал он стать монахом, и роздал имущество свое нуждающимся и монастырям, и пошел к великому Антонию в пещеру, моля, чтобы постриг его в монахи. И принял его Антоний, и возложил на него одеяние чернеческое, и дал имя ему Исакий, а было ему имя Чернь. Этот Исакий повел строгую жизнь; облекся во власяницу, велел купить себе козла, ободрал его мех и надел на власяницу, и обсохла на нем кожа сырая. И затворился в пещере, в одном из проходов, в малой кельице, в четыре локтя, и там молил бога со слезами. Была же пищей его просфора одна, и та через день, и воды в меру пил. Приносил ему пищу великий Антоний и подавал ее через оконце – такое, что только руку просунуть, и так принимал пищу. И так подвизался он лет семь, не выходя на свет, никогда не ложась на бок, но, сидя, спал немного. И однажды по обычаю, с наступлением вечера, стал класть поклоны и петь псалмы по полуночи; когда же уставал, сидел на своем сиденье. Однажды, когда он так сидел по обыкновению и погасил свечу, внезапно свет воссиял в пещере, как от солнца, точно глаза вынимая у человека. И подошли к нему двое юношей прекрасных, и блистали лица их, как солнце, и сказали ему: «Исакий, мы – ангелы, а там идет к тебе Христос, поклонись ему до земли». Он же, не поняв бесовского дела и забыв перекреститься, встал и поклонился, точно Христу, бесовскому делу. Бесы же закричали: «Наш ты, Исакий, уже!» И, введя его в кельицу, посадили и стали сами садиться вокруг него, и была полна келья его и весь проход пещерный. И сказал один из бесов, так называемый «Христос»: «Возьмите сопели, бубны и гусли и играйте,

пусть нам Исакий спляшет». И грянули бесы в сопели, и в гусли, и в бубны, и стали им забавляться. И утомив его, оставили его еле живого и ушли, так надругавшись над ним. На другой день, когда рассвело и подошло время вкушения хлеба, подошел Антоний, как обычно, к оконцу и сказал: «Господи, благослови, отче Исакий». И не было ответа; и сказал Антоний: «Вот, он уже преставился». И послал в монастырь за Феодосием и за братией. И, прокопав там, где был засыпан вход, вошли и взяли его, думая, что он мертв; вынесли и положили его перед пещерою. И увидели, что он жив. И сказал игумен Феодосий, что «случилось это от бесовского действия». И положили его на постель, и стал прислуживать ему Антоний. В то время случилось прийти князю Изяславу из Польши, и начал гневаться Изяслав на Антония из-за Всеслава. И Святослав, прислав, ночью отправил Антония в Чернигов. Антоний же, придя в Чернигов, возлюбил Болдины горы; выкопав пещеру, там и поселился. И существует там монастырь святой Богородицы на Болдиных горах и до сего дня. Феодосий же, узнав, что Антоний отправился в Чернигов, пошел с братией, и взял Исакия, и принес его к себе в келью, и ухаживал за ним, ибо был он расслаблен телом так, что не мог сам ни повернуться на другую сторону, ни встать, ни сесть, но лежал на боку, мочился под себя, так что от мочения и черви завелись у него под бедрами. Феодосий же сам своими руками умывал и переодевал его и делал так в течение двух лет. То было дивное чудо, что в течение двух лет тот ни хлеба не вкусил, ни воды, ни овощей, никакой иной пищи, ни языком не проглатывал, но нем и глух лежал два года. Феодосий же молился Богу за него и молитву творил над ним день и ночь, пока тот на третий год не заговорил и не начал слышать и на ноги вставать, как младенец, и стал ходить. Но не стремился посещать церковь, силою притаскивали его к церкви и так понемногу приучили его. И затем научился он на трапезу ходить, и сажали его отдельно от братии, и клали перед ним хлеб, и не брал его, пока не вкладывали его в руки ему. Феодосий же сказал: «Положите хлеб перед ним, но не вкладывайте его в руки ему, пусть сам ест»; и тот неделю не ел и, только понемногу оглядевшись,

стал откусывать хлеб; так научился, он есть, и так избавил его Феодосий от козней дьявольских. Исакий же опять стал придерживаться воздержания жестокого, Когда же скончался Феодосий и на его месте был Стефан, Исакий сказал: «Ты уже было прельстил меня, дьявол, когда я сидел на одном месте; а теперь я уже не затворюсь в пещере, но одержу над тобой победу, ходя по монастырю». И облекся в власяницу, а на власяницу надел свиту из грубой ткани и начал юродствовать и помогать поварам, варя на братию. И, приходя на заутреню раньше всех, стоял твердо и неподвижно. Когда же приспевала зима и морозы лютые, стоял в башмаках с протоптанными подошвами, так что примерзали ноги его к камню, и не двигал ногами, пока не отпоют заутреню. И после заутрени шел в поварню и приготавливал огонь, воду, дрова, и затем приходили прочие повара из братии. Один же повар, по имени тоже Исакий, в насмешку сказал Исакию: «Вон там сидит ворон черный, ступай возьми его». Исакий же поклонился ему до земли, пошел, взял ворона и принес ему при всех поварах, и те ужаснулись и поведали о том игумену и братии, и стала братия почитать его. Он же, не желая славы человеческой, начал юродствовать и пакостить стал то игумену, то братии, то мирянам, так что некоторые и били его. И стал ходить по миру, тоже юродствуя. Поселился он в пещере, в которой жил прежде, – Антоний уже умер к тому времени, – и собрал к себе детей, и одевал их в одежды чернеческие, и принимал побои то от игумена Никона, то от родителей тех детей. Он же все то терпел, выносил побои, и наготу, и холод, днем и ночью. В одну из ночей разжег он печку в избушке у пещеры, и когда разгорелась печь, запыливал огонь через щели, ибо была она ветхой. И не было ему чем заложить щели, и встал на огонь ногами босыми, и простоял на огне, пока не прогорела печь, и тогда слез. И многое другое рассказывали о нем, а иному я сам очевидцем был. И так он победил бесов, как мух, ставя ни во что их запугивания и наваждения, говоря им: «Хоть вы меня когда-то и прельстили в пещере, потому что не знал я козней ваших и лукавства, ныне же со мною господь Иисус Христос и бог мой и молитва отца моего Феодосия, надеюсь на Хри-

ста и одержу победу над вами». Много раз бесы пакостили ему и говорили: «Наш ты и поклонился нашему старейшине и нам». Он же говорил: «Ваш старейшина антихрист, а вы – бесы». И осенял лицо свое крестным знаменем, и оттого исчезали. Иногда же вновь приходили к нему ночью, пугая его видением, будто идет много народа с мотыгами и кирками, говоря: «Раскопаем пещеру эту и засыплем его здесь». Иные же говорили: «Беги, Исакий, хотят тебя засыпать». Он же говорил им: «Если б вы были люди, то днем пришли бы, а вы – тьма, и во тьме ходите, и тьма вас поглотит». И осенял их крестом, и исчезали. Другой раз пугали его то в образе медведя, то лютого зверя, то вола, то вползали к нему змеями, или жабами, или мышами и всякими гадами. И не могли ему ничего сделать, и сказали ему: «Исакий! Победил ты нас», Он же сказал: «Когда-то вы победили меня, приняв образ Иисуса Христа и ангелов, но недостойны были вы того образа, а теперь по-настоящему являетесь в образе зверином и скотском и в виде змей и гадов, какие вы и есть на самом деле: скверные и злые на вид». И тотчас погибли от него бесы, и с тех пор не было ему пакости от бесов, как он сам поведал об этом, что «вот была у меня с ними три года война». Потом стал он жить в строгости и соблюдать воздержание, пост и бдение. В таком житии и кончил жизнь свою. И разболелся он в пещере, и перенесли его больного в монастырь, и через неделю в благочестии скончался. Игумен же Иоанн и братия убрали тело его и похоронили.

Таковы были черноризцы Феодосиева монастыря; сияют они и по смерти, как светила, и молят бога за живущую здесь братию, и за мирскую братию, и за жертвующих в монастырь, в котором и донныне добродетельной жизнью живут все вместе, сообща, в пении, и в молитвах, и в послушании, на славу богу всемогущему, соблюдаемые молитвами Феодосия, ему же слава вечная, аминь.

В год 6583 (1075). Начата была церковь Печерская над основанием Стефаном игуменом; основание ее начал Феодосий, а над основанием продолжил Стефан; и окончена была она на третий год, месяца июля в 11-й день. В тот же год пришли послы от немцев к Свято-

славу; Святослав же, гордясь, показал им богатство свое. Они же, увидев бесчисленное множество золота, серебра и шелковых тканей, сказали: «Это ничего не стоит, ведь это лежит мертво. Лучше этого войны. Ведь мужи добудут и больше того». Так похвалился Иезекия, царь иудейский, перед послами ассирийского царя, у которого все было взято в Вавилон: так и по смерти Иезекии все имущество его пропало.

В год 6584 (1076). Ходил Владимир, сын Всеволода, и Олег, сын Святослава, в помощь полякам против чехов. В этом же году преставился Святослав, сын Ярослава, месяца декабря 27-го, от разрезания желвака, и положен в Чернигове, у святого Спаса. И сел после него на столе Всеволод, месяца января в 1-й день.

В год 6585 (1077). Пошел Изяслав с поляками, а Всеволод вышел против него. Сел Борис в Чернигове, месяца мая в 4-й день, и было княжения его восемь дней, и бежал в Тмуторокань к Роману. Всеволод же пошел против брата Изяслава на Волынь; и сотворили мир, и, придя, Изяслав сел в Киеве, месяца июля в 15-й день, Олег же, сын Святослава, был у Всеволода в Чернигове.

В год 6586 (1078). Бежал Олег, сын Святослава, в Тмуторокань от Всеволода, месяца апреля в 10-й день. В этом же году убит был Глеб, сын Святослава, в Заволочье. Был же Глеб милостив к убогим и любил странников, радел о церквах, горячо веровал, был кроток и лицом красив. Тело его было положено в Чернигове за Спасом, месяца июля в 23-й день. Когда сидел вместо него в Новгороде Святополк, сын Изяслава, Ярополк сидел в Вышгороде, а Владимир сидел в Смоленске, – привели Олег и Борис поганых на Русскую землю и пошли на Всеволода о половцами. Всеволод же вышел против них на Сожицу, и победили половцы Русь, и многие убиты были тут: убит был Иван Жирославич и Туки, Чудинов брат, и Порей, и иные многие, месяца августа в 25-й день. Олег же и Борис пришли в Чернигов, думая, что победили, а на самом деле земле Русской великое зло причинили, пролив кровь христианскую, за которую взыщет бог с них, и ответ дадут они за погубленные души христианские. Всеволод же

пришел к брату своему Изяславу в Киев; поздоровались и сели совещаться. Всеволод же поведал о всем происшедшем. И сказал ему Изяслав: «Брат, не тужи. Видишь ли, сколько всего со мной приключилось: не выгнали ли меня сначала и не разграбили ли мое имущество? А затем, в чем провинился я во второй раз? Не был ли я изгнан вами, братьями моими? Не скитался ли я по чужим землям, лишенный имения, не сделав никакого зла? И ныне, брат, не будем тужить. Если будет нам удел в Русской земле, то обоим; если будем лишены его, то оба. Я сложу голову свою за тебя». И, так сказав, утешил Всеволода и повелел собирать воинов от мала до велика. И отправились в поход Изяслав с Ярополком, сыном своим, и Всеволод с Владимиром, сыном своим. И подошли к Чернигову, и черниговцы затворились в городе. Олега же и Бориса там не было. И так как черниговцы не отворили ворота, то приступили к городу. Владимир же приступил к восточным воротам от Стрижени, и захватил ворота, и взял внешний город, и пожег его, люди же вбежали во внутренний город. Изяслав же и Всеволод услышали, что Олег с Борисом идут против них, и, опередив их, пошли от города против Олега. И сказал Олег Борису: «Не пойдем против них, не можем мы противостоять четырем князям, но пошлем лучше с просьбой о мире к дядьям своим», И сказал ему Борис: «Смотри, я готов и стану против всех», Похвалился он сильно, не ведая, что бог гордым противится, а смиренным дает благодать, чтобы не хвалился сильный силою своею. И пошли навстречу, и когда были они у села на Нежатиной ниве, соступились обе стороны и была сеча жестокая. Первым убили Бориса, сына Вячеслава, похвалившегося сильно. Когда же Изяслав стоял с пехотинцами, внезапно кто-то подъехал и ударил его копьем сзади в плечо. Так был убит Изяслав, сын Ярослава. Сеча продолжалась, и побежал Олег с небольшой дружиной и едва спасся убежав в Тмуторокань. Убит был князь Изяслав месяца октября в 3-й день. И взяли тело его, привезли его в ладье и поставили против Городца, и вышел навстречу ему весь город Киев, и, возложив тело на сани, повезли его; и с песнопениями понесли его попы и черноризцы в город. И нельзя было слышать пе-

ния из-за плача великого и вопля, ибо плакал о нем весь город Киев, Ярополк же шел за ним, плача с дружиною своею: «Отче, отче мой! Сколько пожил ты без печали на свете этом, много напастей приняв от людей и от братьи своею. И вот погиб не от брата, но за брата своего положил главу свою». И, принеся, положили тело его в церкви святой Богородицы, вложив его в гроб мраморный. Был же Изяслав муж красив видом и телом велик, незлобив нравом, ложь ненавидел, любя правду. Ибо не было в нем хитрости, но был прост умом, не воздавал злом за зло. Сколько ведь зла сотворили ему киевляне: самого выгнали, а дом его разграбили, – и не воздал им злом за зло. Если же кто скажет вам: «Воинов порубил», то не он это сделал, а сын его. Наконец, братья прогнали его, и ходил он по чужой земле, скитаясь. И когда вновь сидел на столе своем, а Всеволод побежденный пришел к нему, не сказал ему: «Сколько от вас натерпелся?», не воздал злом за зло, но утешил, сказав: «Так как ты, брат мой, показал мне любовь свою, возвел меня на стол мой и нарек меня старейшим себя, то не припомню тебе прежнего зла: ты мне брат, а я тебе, и положу голову свою за тебя», – как и было. Не сказал ведь ему: Сколько зла сотворили мне, и вот теперь с тобою случилось то же», не сказал: «Это не мое дело», но взял на себя горе брата, показав любовь великую, следуя словам апостола: «Утешайте печальных». Поистине, если и сотворил он на свете этом какое прегрешение, простится ему, потому что положил голову свою за брата своего, не стремясь ни к большому владению, ни к большому богатству, но за братию обиду. О таких-то господь сказал: «Кто положит душу свою за други своя». Соломон же говорил: «Братья в бедах помогают друг другу». Ибо любовь превыше всего. Также и Иоанн говорит: «Бог есть любовь; пребывающий в любви – в боге пребывает, а бог в нем пребывает». Так совершается любовь, чтобы имели мы что в день судный, чтобы и мы на свете этом были такие же, как он. Боязни нет в любви, настоящая любовь отвергает ее, так как боязнь есть мученье. «Боящийся не совершенен в любви». Если кто говорит: «Люблю бога, а брата своего ненавижу», это – ложь. Ибо не любящий брата своего, которого ви-

дит, как может любить бога, которого не видит? Эту заповедь получили от него, чтобы любящий бога любил брата своего. В любви ведь все совершается. Любви ради и грехи исчезают. Любви ради и господь сошел на землю и распял себя за нас грешных; взяв грехи наши, пригвоздил себя к кресту, дав нам крест свой, чтобы отгонять им ненависть бесовскую. Любви ради мученики проливали кровь свою. Любви же ради князь сей пролил кровь свою за брата своего, исполняя заповедь господню.

Начало княжения Всеволода в Киеве. Всеволод же сел в Киеве, на столе отца своего и брата своего, приняв власть над всей Русской землей. И посадил сына своего Владимира в Чернигове, а Ярополка во Владимире, придав ему еще и Туров.

В год 6587 (1079). Пришел Роман с половцами к Воиню. Всеволод же стал у Переяславля и сотворил мир с половцами. И возвратился Роман с половцами назад, и убили его половцы, месяца августа во 2-й день. И доселе еще лежат кости его там, сына Святослава, внука Ярослава. А Олега хазары, захватив, отправили за море к Царьграду. Всеволод же посадил в Тмуторокани посадником Ратибора.

В год 6588 (1080). Поднялись торки переяславские на Русь, Всеволод же послал на них сына своего Владимира. Владимир же, пойдя, победил торков.

В год 6589 (1081). Бежал Давыд Игоревич с Володарем Ростиславичем, месяца мая в 18-й день. И пришли они к Тмуторокани, и схватили Ратибора, и сели в Тмуторокани.

В год 6590 (1082). Умер Осень, половецкий князь.

В году 6591 (1083). Пришел Олег из Греческой земли к Тмуторокани, и схватил Давыда и Володаря Ростиславича, и сел в Тмуторокани. И иссек хазар, которые советовали убить брата его и его самого, а Давыда и Володаря отпустил.

В год 6592 (1084). Приходил Ярополк к Всеволоду на Пасху. В это же время побежали два Ростиславича от Ярополка и, придя, прогнали Ярополка, и послал Всеволод Владимира, сына своего, и выгнал Ростиславичей, и посадил Ярополка во Владимире. В тот же год

Давыд захватил греков в Олешьи и отнял у них имущество. Всеволод же, послал за ним, привел его и дал ему Дорогобуж.

В год 6593 (1085). Ярополк же хотел идти на Всеволода, послушав злых советников. Узнав это, Всеволод послал против него сына своего Владимира. Ярополк же, оставив мать свою и дружину в Луцке, бежал в Польшу. Когда же Владимир пришел к Луцку, сдались лучане. Владимир же посадил Давыда во Владимире на место Ярополка, а мать Ярополка, и жену его, и дружину его привел в Киев и имущество его взял.

В год 6594 (1086). Пришел Ярополк из Польши и сотворил мир с Владимиром, и пошел Владимир назад к Чернигову. Ярополк же сел во Владимире. И, переждав немного дней, пошел к Звенигороду. И, не дойдя до города, пронзен был проклятым Нерадцем, наученным дьяволом и злыми людьми. Он лежал на возу, и пронзил его саблею с коня месяца ноября в 22-й день. И тогда поднялся Ярополк, выдернул из себя саблю и возопил громким голосом: «Ох, поймал меня враг тот». Бежал Нерадец треклятый в Перемышль к Рюрику, а Ярополка взяли отроки его, Радко, Вонкина и другие, и везли его перед собой на коне к Владимиру, а оттуда в Киев. И вышел навстречу ему благоверный князь Всеволод со своими сыновьями, Владимиром и Ростиславом, и все бояре, и блаженный митрополит Иоанн с черноризцами и с пресвитерами. И все киевляне великое оплакивание сотворили над ним, с псалмами и молитвами проводили его до святого Дмитрия, убравши тело его, с честью положили его в гроб мраморный месяца декабря в 5-й день, в церкви святого апостола Петра, которую сам когда-то начал воздвигать. Многие беды испытав, безвинно прогнанный братьями своими, обиженный, ограбленный, затем и смерть горькую принял, но вечной жизни и покоя сподобился. Так был блаженный князь этот тих, кроток, смирен и братолюбив, десятину давал святой Богородице от всего своего достояния ежегодно и всегда молил Бога, говоря: «Господи, Боже мой! Прими молитву мою и дай мне смерть такую же, как и братьям моим Борису и Глебу, от чужой руки, да омою грехи свои все своею кровью и избавлюсь от суетного этого

света и мятежного, от сети вражеской». Просимого им не лишил его милостивый бог: получил он блага те, каких ни око не видело, ни ухо не слышало, ни сердце человека не предугадало, какие уготовал бог любящим его.

В год 6595 (1087).

В год 6596 (1088). Освящена была церковь святого Михаила в монастыре Всеволодовом митрополитом Иоанном, а игумен того монастыря был тогда Лазарь. В том же году пошел Святополк из Новгорода в Туров жить. В том же году умер Никон, игумен Печерский. В тот же год взяли волжские болгары Муром.

В год 6597 (1089). Освящена была церковь Печерская святой Богородицы в Феодосиевом монастыре Иоанном митрополитом и Лукою, белгородским епископом, Исаем, черниговским епископом, при благородном, державном князе Русской земли Всеволоде и детях его, Владимире и Ростиславе, когда воеводство киевской тысячи держал Янь, а игуменство держал Иоанн. В том же году преставился Иоанн митрополит. Был же Иоанн сведущ в книгах и в учении, милостив к убогим и вдовицам, ласков ко всякому, богатому и убогому, смирен же и кроток, молчалив, речист, от святых книг утешая печальных; такой не был прежде на Руси, и после него не будет такой. В тот же год пошла в Греческую землю Янка, дочь Всеволода, о которой говорилось прежде. И привела Янка митрополита Иоанна, скопца, про которого видевшие его люди говорили: «Это мертвец пришел». Пробыв год, умер. Был же этот человек не книжек, но умом прост и прост речью. В тот же год освящена была церковь святого Михаила Переяславская Ефремом, митрополитом той церкви, которую он создал великою, ибо прежде была в Переяславле митрополия, и обстроил ее большою пристройкою, украсив ее всяческой красотою, церковными сосудами, Этот Ефрем был скопец, высок телом. Много он тогда зданий воздвиг; докончил церковь святого Михаила, заложил церковь на воротах городских во имя святого мученика Федора, и затем церковь святого Андрея у ворот, и строение каменное, чего не было раньше на Руси. И город заложил каменный от церкви святого мученика Федора

и украсил город Переяславский зданиями церковными и прочими зданиями.

В год 6599 (1091). Игумен и черноризцы, сотворив совещание, сказали: «Не годится лежать отцу нашему Феодосию вне монастыря и вне церкви своей, ибо он и церковь основал и черноризцев собрал», Посовещавшись, повелели устроить место, где положить мощи его. И когда через три дня наступил праздник Успения Богородицы, повелел игумен копать там, где лежат мощи его, отца нашего Феодосия, повелению которого я, грешный, первый был очевидец, о чем и расскажу не по слухам, а как зачинатель всего того. Итак, пришел игумен ко мне и сказал: «Пойдем в пещеру к Феодосию». Я и пришел с игуменом, в тайне от всех, и рассмотрели, куда копать, и обозначили место, где копать, – в стороне от входа. Сказал же мне игумен: «Не смей рассказывать никому из братии, чтобы никто не узнал, но возьми кого хочешь, чтобы тебе помог». Я же приготовил в тот день мотыги, чтобы копать. И во вторник вечером, в сумерки, взял с собою двух братьев, и в тайне от всех пришел в пещеру, и, отпев псалмы, стал копать. И, устав, дал копать другому брату, и копали до полуночи, утомились и не могли докопаться, и начал тужить, что копаем в сторону. Я же, взяв мотыгу, начал усердно копать, а друг мой почивал перед пещерою и сказал мне: «Ударили в било!» И я в это мгновение докопался до мощей Федосиевых. И когда он мне сказал: «Ударили в било», я сказал: «Уже прокопал». Когда же прокопал, охватил меня ужас, и стал взывать: «Господи, помилуй». В это время сидели в монастыре два брата и смотрели в сторону пещеры: игумен еще не сказал тогда, с кем он будет переносить его тайно. Когда ударили в било, увидели они три столпа, точно светящиеся дуги, и, постояв, передвинулись эти дуги на верх церкви, где был положен потом Феодосий. В это же время Стефан, который раньше был игуменом на месте Феодосия, а теперь был уже епископом, видел в своем монастыре за полем зарю великую над пещерою; решив, что несут Феодосия, так как за день до того было ему возвещено об этом, и пожалев, что перенесут без него, Стефан сел на коня и быстро поехал, взяв с собою Кли-

мента, которого он потом поставил вместо себя игуменом. И когда они ехали, видели они великую зарю. И когда приблизились, увидели свечей множество над пещерою, и подошли к пещере, и не увидели ничего, и вошли в глубину пещеры, а мы сидели тогда у мощей. Когда я прокопал, послал я к игумену: «Приходи, вынем его». Игумен же пришел с двумя братьями; и я сильно раскопал, и влезли мы и увидели лежащие мощи; суставы не распались, и волосы на голове присохли. И, положив его на мантию и подняв на плечи, вынесли его перед пещеру. На другой же день собрались епископы: Ефрем Переяславский, Стефан Владимирский, Иоанн Черниговский, Марин Юрьевский, игумены из всех монастырей с черноризцами; пришли и люди благоверные и взяли мощи Феодосиевы, с тимьяном и со свечами. И, принеся, положили его в церкви его, в притворе, по правой стороне, месяца августа в 14-й день; в четверг, в час дня, индикта 14-го, года.... И праздновали светло день тот.

Теперь коротко поведаю о том, как сбылось пророчество Феодосия. Еще когда Феодосий был жив и держал игуменство, управляя стадом черноризцев, порученным ему богом, пекся он не только о них, но и о мирянах — о душах их, как бы им спастись, особенно о духовных сынах своих, утешая и наставляя проходящих к нему, а иногда приходя в дома их и благословение им подавая. Однажды, придя в дом Янев к Яню и к жене его Марье, — ибо Феодосий любил их за то, что они жили по заповеди господней и в любви между собой пребывали,— однажды, зайдя к ним, поучал он их о милостыне убогим, о царствии небесном, которое заслужат праведники, тогда как грешники муку, и о смертном часе. И когда он говорил о положении тел их во гроб, сказала ему жена Яня: "Кто знает, где меня похоронят?" Сказал же ей Феодосий: «Воистину, где лягу я, там и ты похоронена будешь». Что и сбылось. Игумен умер раньше ее, а на восемнадцатый год это сбылось: ибо в тот год преставилась жена Яня именем Марья, месяца августа в 16-й день, и пришли черноризцы, отпели положенные песнопения и принесли и положили ее в церкви святой Богоро-

дицы, против Феодосиева гроба, по левую сторону. Феодосий был похоронен 14-го, а та 16-го.

Так сбылось пророчество блаженного отца нашего Феодосия, доброго пастуха, пасшего словесные овцы нелицемерно, с кротостью и со вниманием, наблюдая за ними и опекая их, молясь за порученное ему стадо и за людей христианских, за землю Русскую, за которых, и по отшествии от сего света, молишься за людей верных и за своих учеников, которые, взирая на гроб твой, вспоминают поучения твои и воздержание твое и прославляют Бога. Я же, грешный твой раб и ученик, недоумеваю, как восхвалить доброе твое житие и воздержание. Но скажу немногое: «Радуйся, отче наш и наставник! Мирской шум отвергнув, молчание возлюбив, богу послужил ты в тишине, в монашеском житии, всякое себе божественное приношение принес, постом превознесся, плотские страсти и наслаждения возненавидел, красоту и желание света сего отринул, следуя по стопам высокомысленных отцов, соревнуясь с ними, в молчании возвышаясь и смирением украшаясь, в словесах книжных находя веселие. Радуйся, укрепившись надеждою на вечное благо, приняв которое, умертвив плотскую похоть, источник беззакония и волнений, ты, преподобный, бесовских козней избег и сетей. С праведными, отче, почил, получив по трудам твоим возмездия, став наследником отцов, последовав учению их и нраву их, воздержанию их и правила их соблюдая. Всего более хотел уподобиться ты великому Феодосию нравом и образом жизни, подражая его житию и в воздержании с ним соперничая, последуя его обычаям и переходя от одного хорошего дела к еще лучшему, и положенные молитвы к Богу вознося, вместо благоухания принося кадило молитвенное, тимьян благовонный. Победив мирскую похоть и миродержца – князя мира сего, врага поправ дьявола и его козни, победителем явился, противопостав вражеским его стрелам и гордым помыслам, укрепясь оружием крестным и верою непобедимую, Божьею помощью. Молись за меня, отче честный, чтобы избавиться мне от сети вражеския, и от противника-врага соблюди меня твоими молитвами».

В тот же год знамение было на солнце, как будто бы должно было оно погибнуть и совсем мало его осталось, как месяц стало, в час второй дня, месяца мая в 21-й день. В тот же год, когда Всеволод охотился на зверей за Вышгородом и были уже закинута тенета и кличане кликнули, упал превеликий змей с неба, и ужаснулись все люди. В это же время земля стукнула, так что многие слышали. В тот же год волхв объявился в Ростове и вскоре погиб.

В год 6600 (1092). Предивное чудо явилось в Полоцке в наваждении: ночью стоял топот, что-то стонало на улице, рыскали бесы, как люди. Если кто выходил из дома, чтобы посмотреть, тотчас невидимо уязвляем бывал бесами язвою и оттого умирал, и никто не осмеливался выходить из дома.

Затем начали и днем являться на конях, а не было их видно самих, но видны были коней их копыта; и уязвляли так они людей в Полоцке и в его области. Потому люди и говорили, что это мертвецы бьют полочан. Началось же это знамение с Друцка. В те же времена было знамение в небе – точно круг посреди неба превеликий. В тот же год засуха была, так что изгорала земля, и многие леса возгорались сами и болота; и много знамений было по местам; и рать великая была от половцев и отовсюду: взяли три города, Песочен, Переволоку, Прилук, и много сел повоевали по обеим сторонам. В тот же год ходили войною половцы на поляков с Васильком Ростиславичем. В тот же год умер Рюрик, сын Ростислава.

В те же времена многие люди умирали от различных недугов, так что говорили продающие гробы, что «продали мы гробов от Филиппова дня до мясопуста семь тысяч». Это случилось за грехи наши, так как умножились грехи наши и неправды. Это навел на нас бог, веля нам покаяться и воздерживаться от греха, и от зависти, и от прочих злых дел дьявольских.

В год 6601 (1093), индикта в 1-й год, преставился великий князь Всеволод, сын Ярослава, внук Владимиров, месяца апреля в 13-й день, а погребен был в 14-й день; неделя была тогда страстная и день был четверг, когда он положен был в гробу в великой церкви святой

Софии. Сей благоверный князь Всеволод был с детства боголюбив, любил правду, оделял убогих, воздавал честь епископам и пресвитерам, особенно же любил черноризцев и давал им все, что они просили. Он и сам воздерживался от пьянства и похоти, за то и любим был отцом своим, так что говорил ему отец его: «Сын мой! Благо тебе, что слышу о твоей кротости, и радуюсь, что ты покоишь старость мою. Если бог даст тебе получить стол мой после братьев своих по праву, а не насилием, то когда бог пошлет тебе смерть, ложись, где я лягу, у гроба моего, потому что люблю тебя больше братьев твоих». И сбылось слово отца его, сказанное ему. Получил он после всех своих братьев стол отца своего, по смерти брата своего, и сел княжить в Киеве. Были у него огорчения большие чем тогда, когда он сидел в Переяславле. Когда княжил в Киеве, горе было ему от племянников его, так как начали они ему досаждать, один желая одной волости, а тот другой; он же, чтобы замирить их, раздавал им волости. В этих огорчениях появились и недуги, а за ними и приспела и старость. И стал он любить образ мыслей младших, устраивая совет с ними; они же стали наущать его, чтобы он отверг дружину свою старшую, и люди не могли добиться правды княжой, начали эти молодые грабить и продавать людей, а князь того не знал из-за болезней -своих. Когда же он совсем разболелся, послал он за сыном своим Владимиром в Чернигов. Владимир, приехав к нему и увидев его совсем больного, заплакал, В присутствии Владимира и Ростислава, сына своего меньшего, когда пришел час, Всеволод преставился тихо и кротко и присоединился к предкам своим, княжив в Киеве пятнадцать лет, а в Переяславле год и в Чернигове год. Владимир же, оплакав его с Ростиславом, братом своим, убрали тело его. И собрались епископы, и игумены, и черноризцы, и попы, и бояре, и простые люди, и, взяв тело его, со всеми полагающимися песнопениями положили его в церкви святой Софии, как уже сказали мы раньше.

Владимир же стал размышлять, говоря: «Если сяду на столе отца своего, то буду воевать со Святополком, так как стол этот был его отца». И, размыслив, послал до Святополка в Туров, а сам пошел к Чер-

нигову, а Ростислав к Переяславлю. И после Пасхи, по прошествии праздничной недели, в день антипасхи, месяца апреля в 24-й день пришел Святополк в Киев. И вышли навстречу ему киевляне с поклоном, и приняли его с радостью, и сел на столе отца своего и дяди своего. В это время пошли половцы на Русскую землю; услышав, что умер Всеволод, послали они послов к Святополку договориться о мире. Святополк же, не посоветовавшись со старшею дружиною отцовскою и дяди своего, сотворил совет с пришедшими с ним и, схватив послов, посадил их в избу. Услышав же это, половцы начали воевать. И пришло половцев множество и окружили город Торческ. Святополк же отпустил послов половецких, хотя мира. И не захотели половцы мира, и наступали половцы, воюя. Святополк же стал собирать воинов, собираясь против них. И сказали ему мужи разумные: «Не пытайся идти против них, ибо мало имеешь воинов». Он же сказал: «Имею отроков своих семьсот, которые могут им противостать». Стали же другие неразумные говорить: «Пойди, князь». Разумные же говорили: «Если бы выставил их и восемь тысяч, и то было бы не плохо: наша земля оскудела от войны и от продаж. Но пошли к брату своему Владимиру, чтобы он тебе помог». Святополк же, послушав их, послал к Владимиру, чтобы тот помог ему. Владимир же собрал воинов своих и послал до Ростислава, брата своего, в Переяславль, веля ему помогать Святополку. Когда же Владимир пришел в Киев, встретились они в монастыре святого Михаила, затеяли между собой распри и ссоры, договорившись же, целовали друг другу крест, а половцы между тем продолжали разорять землю, – и сказали им мужи разумные: «Зачем у вас распри между собою? А поганые губят землю Русскую. После уладитесь, а сейчас отправляйтесь навстречу поганым – либо с миром, либо с войною». Владимир хотел мира, а Святополк хотел войны. И пошли Святополк, и Владимир, и Ростислав к Треполю и пришли к Стугне.

Святополк же, и Владимир, и Ростислав созвали дружину свою на совет, собираясь перейти через реку, и стали совещаться. И сказал Владимир, что «пока за рекою стоим, под угрозой, заключим мир с

ними». И присоединились к совету этому разумные мужи, Янь и прочие. Киевляне же не захотели принять совета этого, но сказали: «Хотим биться, перейдем на ту сторону реки». И понравился совет этот, и перешли Стугну-реку. Сильно вздулась она тогда водою. Святополк же, и Владимир, и Ростислав, исполчив дружину, выступили. И шел на правой стороне Святополк, на левой Владимир, посредине же был Ростислав. И, миновав Треполь, прошли вал. И вот половцы пошли навстречу, а стрельцы их перед ними. Наши же, став между валами, поставили стяги свои, и двинулись стрельцы из-за вала. А половцы, подойдя к валу, поставили свои стяги, и налегли прежде всего на Святополка, и взломили полк его. Святополк же стоял крепко, и побежали люди его, не стерпев натиска половцев, а после побежал и Святополк. Потом налегли на Владимира, и был бой лютый; побежали и Владимир с Ростиславом и воины его. И прибежали к реке Стугне, и пошли вброд Владимир с Ростиславом, и стал утопать Ростислав на глазах у Владимира. И захотел подхватить брата своего и едва не утонул сам. И утонул Ростислав, сын Всеволодов. Владимир же перешел реку с малою дружиной, – ибо много пало людей из полка его и бояре его тут пали, – и, перейдя на ту сторону Днепра, плакал по брате своем и по дружине своей и пошел в Чернигов сильно опечаленный. Святополк же вбежал в Треполь, и заперся тут, и был тут до вечера, и в ту же ночь пришел в Киев. Половцы же, видя, что победили, пустились разорять землю, а другие вернулись к Торческу. Случилась эта беда в день Вознесения Господа нашего Иисуса Христа, месяца мая в 26-й день. Ростислава же, поискав, нашли в реке и, взяв, принесли его к Киеву, и плакала по нем мать его, и все люди печалились о нем сильно, юности его ради. И собрались епископы, и попы, и черноризцы, отпев обычные песнопения, положили его в церкви святой Софии около отца его. Половцы же между тем осаждали Торческ, а торки противились и крепко бились из города, убивая многих врагов. Половцы же стали налегать и отвели воду, и начали изнемогать люди в городе от жажды и голода. И прислали торки к Святополку, говоря: «Если не пришлешь еды, сдадимся». Святополк же послал им,

но нельзя было пробраться в город из-за множества воинов неприятельских. И стояли около города девять недель, и разделились надвое: одни стали у города, борясь с противником, а другие пошли к Киеву и сделали набег между Киевом и Вышгородом. Святополк же вышел на Желань, и пошли друг против друга, и сошлись, и поднялось сражение. И побежали наши от иноплеменников, и падали, раненные, перед врагами нашими, и многие погибли, и было мертвых больше, чем у Треполя. Святополк же пришел в Киев сам-третей, а половцы возвратились к Торческу. Случилась эта беда месяца июля в 23-й день. Наутро же 24-го, в день святых мучеников Бориса и Глеба, был плач великий в городе, а не радость, за грехи наш и великие и неправды, за умножение беззаконий наших.

Это бог напустил на нас поганых, не их милуя, а нас наказывая, чтобы мы воздержались от злых дел. Наказывает он нас нашествием поганых; это ведь бич его, чтобы мы, опомнившись, воздержались от злого пути своего. Для этого в праздники бог посылает нам сетование, как в этом году случилось на Вознесение Господне первая напасть у Треполя, вторая – в праздник Бориса и Глеба; это есть новый праздник Русской земли. Вот почему пророк сказал: «Обращу праздники ваши в плач и песни ваши в рыдание». И был плач велик в земле нашей, опустели села наши и города наши, и были в бегах мы перед врагами нашими. Как сказал пророк: «Падете перед врагами вашими, погонят вас ненавидящие вас, и побежите, никем не гонимы. Сокрушу наглость гордыни вашей, и будет тщетной сила ваша, убьет вас захожий меч, и будет земля ваша пуста, и дворы ваши будут пусты. Так как вы дурны и лукавы, то и я приду к вам с яростью лукавой». Так говорит господь бог Израилев. Ибо лукавые сыны Измаила пожигали села и гумна и многие церкви запалили огнем, да никто не подивится тому: «Где множество грехов, там видим и всяческое наказание». Сего ради и вселенная предана была, сего ради и гнев распространился, сего ради и народ подвергся мучениям: одних ведут в плен, других убивают, иных выдают на месть, и они принимают горькую смерть, иные трепещут, видя убиваемых, иных голодом

умерщвляют и жаждою, Одно наказание, одна казнь, разнообразные имеющая бедствия, различны печали и страшны муки тех, кого связывают и пинают ногами, держат на морозе и кому наносят раны. И тем удивительнее и страшнее, что в христианском роде страх, и колебанье, и беда распространились. Праведно и достойно, когда мы так бываем наказываемы, так будем веру иметь, если будем наказываемы: подобало нам «преданным быть в руки народа чужого и самого беззаконного на всей земле». Скажем громко: «Праведен ты, господи, и правы суды твои». Скажем по примеру того разбойника: «Мы достойное получили по делам нашим». Скажем и с Иовом: «Как господу угодно было, так и случилось; да будет имя господне благословенно вовеки». Через нашествие поганых и мучения от них познаем владыку, которого мы прогневали: прославлены были – и не прославили его, чествуемы были – и не почтили его, просвещали нас – и не уразумели, наняты были – и не поработали, родились – и не усовестились его как отца, согрешили – и наказаны теперь. Как поступили, так и страдаем: города все опустели; села опустели; пройдем через поля, где паслись стада коней, овцы и волы, и все бесплодным ныне увидим; нивы заросшие стали жилищем зверям. Но надеемся все же на милость Божию; наказывает нас хорошо благой владыка, «не по беззаконию нашему соделал нам, но по грехам нашим воздал нам». Так подобает благому владыке наказывать не по множеству грехов. Так господь сотворил нам: создал нас и падших поднял, Адамово преступление простил, нетление даровал и свою кровь за нас пролил. Вот и нас видя в неправде пребывающими, навел на нас эту войну и скорбь, чтобы и те, кто не хочет, в будущей жизни получили милость; потому что душа, наказываемая здесь, всякую милость в будущей жизни обрящет и освобождение от мук, ибо не мстит господь дважды за одно и то же. О неизреченное человеколюбие! Ибо видел нас, поневоле к нему обращающихся. О безграничная любовь Его к нам! Ибо сами захотели уклониться от заповедей его. Теперь уже и не хотим, а терпим – по необходимости и поневоле, терпим но как бы и по своей воле! Ибо где было у нас умиление? А ныне все полно слез. Где у нас

было воздыхание? А ныне плач распространился по всем улицам из-за убитых, которых избили беззаконные.

Половцы повоевали много и возвратились к Торческу, и изнемогли люди в городе от голода и сдались врагам. Половцы же, взяв город, запалили его огнем, и людей поделили, и много христианского народа повели в вежи к семьям своим и сродникам своим; страждущие, печальные, измученные, стужей. скованные, в голоде, жажде и беде, с осунувшимися лицами, почерневшим телом, в неизвестной стране, с языком воспаленным, голые бродя и босые, с ногами, опутанными тернием, со слезами отвечали они друг другу, говоря: «Я был из этого города», а другой: «А я – из того села»; так вопрошали они друг другу со слезами, род свой называя и вздыхая, взоры возводя на небо к вышнему, ведающему все сокровенное.

Да никто не дерзнет сказать, что ненавидимы мы богом! Да не будет! Ибо кого так любит бог, как нас возлюбил? Кого так почтил он, как нас прославил и превознес? Никого! Потому ведь и сильнее разгневался на нас, что больше всех почтены были и хуже всех совершили грехи. Ибо больше всех просвещены были, зная волю владычную, и, презрев ее, как подобает, больше других наказаны. Вот и я, грешный, много и часто бога гневлю и часто согрешаю во все дни!

В тот же год скончался Ростислав, сын Мстислава, внук Изяслава, месяца октября в 1-й день; а погребен был 16 ноября, в церкви святой Богородицы Десятинной.

В год 6602 (1094). Сотворил мир Святополк с половцами и взял себе в жены дочь Тугоркана, князя половецкого. В тот же год пришел Олег с половцами из Тмуторокани и подошел к Чернигову, Владимир же затворился в городе. Олег же, подступив к городу, пожег вокруг города и монастыри пожег. Владимир же сотворил мир с Олегом и пошел из города на стол отцовский в Переяславль, а Олег вошел в город отца своего. Половцы же стали воевать около Чернигова, а Олег не препятствовал им, ибо сам повелел им воевать. Это уже в третий раз навел он поганых на землю Русскую, его же грех да простит ему бог, ибо много христиан загублено было, а другие в плен взяты и рас-

сеяны по разным землям. В тот же год пришла саранча на Русскую землю, месяца августа в 26-й день, и поела всякую траву и много жита. И не слыхано было в земле Русской с первых ее дней того, что видели очи наши, за грехи наши. В том же году преставился епископ Владимирский Стефан, месяца апреля в 27-й день в шестой час ночи, а прежде был игуменом Печерского монастыря.

В год 6603 (1095). Ходили половцы на Греческую землю с Девгеновичем, воевали по Греческой земле; и цесарь захватил Девгеновича и приказал его ослепить. В тот же год пришли половцы, Итларь и Кытан, к Владимиру мириться. Пришел Итларь в город Переяславль, а Кытан стал между валами с воинами; и дал Владимир Кытану сына своего Святослава в заложники, а Итларь был в городе с лучшей дружиной. В то же время пришел Славята из Киева к Владимиру от Святополка по какому-то делу, и стала думать дружина Ратиборова с князем Владимиром о том, чтобы погубить Итлареву чадь, а Владимир не хотел этого делать, так отвечая им: «Как могу я сделать это, дав им клятву?» И отвечала дружина Владимиру: «Княже! Нет тебе в этом греха: они ведь всегда, дав тебе клятву, губят землю Русскую и кровь христианскую проливают непрестанно». И послушал их Владимир, и в ту ночь послал Владимир Славяту с небольшой дружиной и с торками между валов. И, выкрав сперва Святослава, убили потом Кытана и дружину его перебили. Вечер был тогда субботний, а Итларь в ту ночь лежал у Ратибора на дворе с дружиною своею и не знал, что сделали с Кытаном. Наутро же в воскресенье, в час заутрени, изготовил Ратибор отроков с оружием и приказал вытопить избу. И прислал Владимир отрока своего Бяндюка за Итларевой чадью, и сказал Бяндюк Итларю: «Зовет вас князь Владимир, а сказал так: «Обувшись в теплой избе и позавтракав у Ратибора, приходите ко мне». И сказал Итларь: «Пусть так». И как вошли они в истопку, так и заперли их. Взлезши на избу, прокопали крышу, и тогда Ольбер Ратиборич, взяв лук и наложив стрелу, попал Итларю в сердце, и дружину его всю перебили. И так бедственно окончил жизнь свою Итларь, в неделю сыропустную, в часу первом дня, месяца февраля в

24-й день. Святополк же и Владимир послали к Олегу, веля ему идти на половцев с ними. Олег же, обещав и выйдя, не пошел с ними в общий поход. Святополк же и Владимир пошли на вежи, и взяли вежи, и захватили скот и коней, верблюдов и челядь, и привели их в землю свою. И стали гнев держать на Олега, что не пошел с ними на поганых. И послали Святополк и Владимир к Олегу, говоря так: «Вот ты не пошел с нами на поганых, которые губили землю Русскую, а держишь у себя Итларевича – либо убей, либо дай его нам. Он враг нам и Русской земле». Олег же не послушал того, и была между ними вражда.

В тот же год пришли половцы к Юрьеву и простояли около него лето все и едва не взяли его. Святополк же замирил их. Половцы же пришли за Рось, юрьевцы же выбежали и пошли к Киеву. Святополк же приказал рубить город на Витичевском холме, по своему имени назвал его Святополчим городом и приказал епископу Марину с юрьевцами поселиться там и засаковцам, и другим из других городов; а покинутый людьми Юрьев сожгли половцы. В конце того же года пошел Давыд Святославич из Новгорода в Смоленск; новгородцы же пошли в Ростов за Мстиславом Владимировичем. И, взяв, привели его в Новгород, а Давыду сказали: «Не ходи к нам». И воротился Давыд в Смоленск и сел в Смоленске, а Мстислав в Новгороде сел. В это же время пришел Изяслав, сын Владимиров, из Курска в Муром. И приняли его муромцы, и посадника схватил Олегова. В то же лето пришла саранча, месяца августа в 28-й день, и покрыла землю, и было видеть страшно, шла она к северным странам, поедая траву и просо.

В год 6604 (1096). Святополк и Владимир послали к Олегу, говоря так: «Иди в Киев, да заключим договор о Русской земле перед епископами и перед игуменами, и перед мужами отцов наших, и перед людьми городскими, чтобы оборонили мы Русскую землю от поганых». Олег же, исполнившись дерзких намерений и высокомерных слов, сказал так: «Не пристойно судить меня епископу, или игуменам, или смердам». И не захотел идти к братьям своим, послушав злых советников. Святополк же и Владимир сказали ему: «Так как ты не идешь на поганых, ни на совет к нам, то, значит, ты злоумышляешь

против нас и поганым хочешь помогать, – так пусть бог рассудит нас». И пошли Святополк и Владимир на Олега к Чернигову. Олег же выбежал из Чернигова месяца мая в 3-й день, в субботу. Святополк же и Владимир гнались за ним, Олег же вбежал в Стародуб и там затворился; Святополк же и Владимир осадили его в городе, и бились крепко осажденные из города, а те ходили приступом на город, и раненых было много с обеих сторон. И была между ними брань лютая, и стояли около города дней тридцать и три, и изнемогали люди в городе. И вышел Олег из города, прося мира, и дали ему мир, говоря так: «Иди к брату своему Давыду, и приходите в Киев на стол отцов наших и дедов наших, ибо то старейший город в земле во всей, Киев; там достойно нам сойтись на совещание и договор заключить», Олег же обещал это сделать, и на том целовали крест.

В то же время пришел Боняк с половцами к Киеву, в воскресенье вечером, и повоевал около Киева, и пожег на Берестове двор княжеский. В то же время воевал Куря с половцами у Переяславля и Устье сжег, месяца мая в 24-й день, Олег же вышел из Стародуба и пришел в Смоленск, и не приняли его смоленцы, и пошел к Рязани. Святополк же и Владимир пошли восвояси. В тот же месяц пришел Тугоркан, тесть Святополков, к Переяславлю, месяца мая в 30-й день, и стал около города, а переяславцы затворились в городе. Святополк же и Владимир пошли на него по этой стороне Днепра, и пришли к Зарубу, и там перешли вброд, и не заметили их половцы, бог сохранил их, и, исполчившись, пошли к городу; горожане же, увидев, рады были и вышли к ним, а половцы стояли на той стороне Трубежа, тоже исполчившись. Святополк же и Владимир пошли вброд через Трубеж к половцам, Владимир же хотел выстроить полк, они же не послушались, но ударили по коням и бросились на врага. Увидев это, половцы побежали, а наши погнались вслед воинами, рубя врагов. И содеял господь в тот день спасение великое: месяца июля в 19-й день побеждены были иноплеменники, и князя их убили Тугоркана, и сына его, и иных князей; и многие враги наши тут пали. Наутро же нашли Тугоркана мертвого, и взял его Святополк как тестя своего и врага, и, при-

везя его к Киеву, похоронили его на Берестовом, между путем, идущим на Берестово, и другим, ведущим к монастырю. И 20-го числа того же месяца, в пятницу, в первый час дня, снова пришел к Киеву Боняк безбожный, шелудивый, тайно, как хищник, внезапно, и чуть было в город не ворвались половцы, и зажгли предградье около города, и повернули к монастырю, и выжгли Стефанов монастырь, и деревни, и Германов. И пришли к монастырю Печерскому, когда мы по кельям почивали после заутрени, и кликнули клич около монастыря, и поставили два стяга перед воротами монастырскими, а мы бежали задом монастыря, а другие взбежали на хоры. Безбожные же сыны Измайловы вырубали врата монастырские и пошли по кельям, высекая двери, и выносили, если что находили к келье; затем выжгли дом святой Владычицы нашей Богородицы, и пришли к церкви, и зажгли двери на южной стороне, и вторые – на северной, и, ворвавшись в притвор у гроба Феодосиева, хватая иконы, зажигали двери и оскорбляли бога нашего и закон наш. Бог же терпел, ибо не пришел еще конец грехам их и беззакониям их, а они говорили: «Где есть бог их? Да поможет им и спасет их!», и иные богохульные слова говорили на святые иконы, насмехаясь, не ведая, что бог учит рабов своих напастями ратными, чтобы делались они как золото, испытанное в горне: христианам ведь через множество скорбей и напастей предстоит войти в царство небесное, а эти поганые и оскорбители на этом свете имеют веселие и довольство, а на том свете примут муку, с дьяволом обречены они огню вечному. Тогда же зажгли двор Красный, который поставил благоверный князь Всеволод на холме, называемом Выдубицким, все это окаянные половцы запалили огнем. Потому-то и мы, вслед за пророком Давидом, взываем: «Господи, Боже мой! Поставь их как колесо, как огонь перед лицом ветра, что пожирает дубравы, так погонишь их бурей твоею; исполни лица их досадой». Ибо они осквернили и сожгли святой дом твой, и монастырь матери твоей, и трупы рабов твоих. Убили ведь несколько человек из братии нашей оружием, безбожные сыны Измайловы, посланные в наказание христианам.

Вышли они из пустыни Етривской между востоком и севером, вышло же их четыре колена: торкмены и печенеги, торки, половцы. Мефодий же свидетельствует о них, что восемь колен убежали, когда иссек их Гедеон, да восемь их бежало в пустыню, а четыре он иссек. Другие же говорят: сыны Амоновы, но это не так: сыны ведь Моава – хвалисы, а сыны Амона – болгары, а сарацины от Измаила, выдают себя за сыновей Сары, и называли себя сарацины, что значит: «Сарины мы». Поэтому хвалисы и болгары происходят от дочерей Лота, зачавших от отца своего, потому и нечисто племя их. А Измаил родил двенадцать сыновей, от них пошли торкмены, и печенеги, и торки, и куманы, то есть половцы, которые выходят из пустыни. И после этих восьми колен, при конце мира, выйдут заклепанные в горе Александром Македонским нечистые люди....

Теперь же хочу поведать, о чем слышал четыре года назад и что рассказал мне Гюрята Рогович новгородец, говоря так: «Послал я отрока своего в Печору, к людям, которые дань дают Новгороду. И пришел отрок мой к ним, а оттуда пошел в землю Югорскую. Югра же – это люди, а язык их непонятен, и соседят они с самоедью в северных странах. Югра же сказала отроку моему: «Дивное мы нашли чудо, о котором не слышали раньше, а началось это еще три года назад; есть горы, заходят они в луку морскую, высота у них как до неба, и в горах тех стоит клик великий и говор, и секут гору, стремясь высечься из нее; и в горе той просечено оконце малое, и оттуда говорят, но не понять языка их, но показывают на железо и машут руками, прося железа; и если кто даст им нож ли или секиру, они вместо того дают меха. Путь же до тех гор непроходим из-за пропастей, снега и леса, потому и не всегда доходим до них; идет он и дальше на север». Я же сказал Гюряте: «Это люди, заклепанные Александром, царем Македонским», как говорит о них Мефодий Патарский: «Александр, царь Македонский, дошел в восточные страны до моря, до так называемого Солнечного места и увидел там людей нечистых из племени Иафета, и нечистоту их видел: ели они скверну всякую, комаров и мух, кошек, змей, и мертвецов не погребали, но поедали их, и жен-

ские выкидыши, и скотов всяких нечистых. Увидев это, Александр убоился, как бы не размножились они и не осквернили землю, и загнал их в северные страны в горы высокие; и по божию повелению сошлись за ними горы великие, только не сошлись горы на двенадцать локтей, и тут воздвиглись ворота медные и помазались синклитом; а если кто захочет их взять, не сможет, ни огнем не сможет сжечь, ибо свойство синклита таково: ни огонь его не может спалить, ни железо его не берет. В последние же дни выйдут восемь колен из пустыни Етревской, выйдут и эти скверные народы, что живут в горах северных по повелению божию».

Но мы к предыдущему возвратимся, – о чем ранее говорили. Олег обещал пойти к брату своему Давыду в Смоленск и прийти с братом своим в Киев, и договор заключить, но не хотел того Олег сделать, а, придя в Смоленск и взяв воинов, пошел к Мурому, а в Муроме был тогда Изяслав Владимирович. Пришла же весть к Изяславу, что Олег идет к Мурому, и послал Изяслав за воинами в Суздаль, и в Ростов, и за белозерцами и собрал воинов много. И послал Олег послов своих к Изяславу, говоря: «Иди в волость отца своего к Ростову, а это волость отца моего. Хочу же я, сев здесь, договор заключить с отцом твоим. То ведь он меня выгнал из города отца моего. А ты ли мне здесь моего же хлеба не хочешь дать?» И не послушал Изяслав слов тех, надеясь на множество воинов своих. Олег же надеялся на правду свою, ибо прав был в этом, и пошел к городу с воинами. Изяслав же исполчился перед городом в поле. Олег же пошел на него полком, и сошлись обе стороны, и была сеча лютая. И убили Изяслава, сына Владимирова, внука Всеволодова, месяца сентября в 6-й день, прочие же воины его побежали, одни через лес, другие в город. Олег же вошел в город, и приняли его горожане. Изяслава же взяли и положили в монастыре святого Спаса, и оттуда перенесли его в Новгород, и положили его в церкви святой Софии, на левой стороне. Олег же по взятии города перехватал ростовцев, и белозерцев, и суздальцев, и заковал их, и устремился на Суздаль. И когда пришел в Суздаль, сдались ему суздальцы. Олег же, замирив город, одних по-

хватал, а других изгнал и имущество у них отнял. Пошел к Ростову, и ростовцы сдались ему. И захватил всю землю Муромскую и Ростовскую, и посадил посадников по городам, и дань начал собирать. И послал к нему Мстислав посла своего из Новгорода, говоря: «Иди из Суздаля в Муром, а в чужой волости не сиди. И я с дружиною своею пошлю просить к отцу моему и помирю тебя с отцом моим. Хоть и брата моего убил ты, – не удивительно то: в бою ведь и цари и мужи погибают». Олег же не пожелал его послушать, но замышлял еще и Новгород захватить. И послал Олег Ярослава, брата своего, в сторожу, а сам стал на поле у Ростова. Мстислав же посоветовался с новгородцами, и послали Добрыню Рагуиловича вперед себя в сторожу; Добрыня же прежде всего перехватывал даньщиков. Узнал же Ярослав, стоя на Медведице в стороже, что даньщики схвачены, и побежал в ту же ночь, и прибежал к Олегу, и поведал ему, что идет Мстислав, а сторожи схвачены, и пошел к Ростову. Мстислав же пришел на Волгу, и поведали ему, что Олег повернул назад к Ростову, и пошел за ним Мстислав. Олег же пришел к Суздали и, услышав, что идет за ним Мстислав, повелел зажечь Суздаль город, только остался двор монастырский Печерского монастыря и церковь тамошняя святого Дмитрия, которую дал монастырю Ефрем вместе с селами. Олег же побежал к Мурому, а Мстислав пришел в Суздаль и, сев там, стал посылать к Олегу, прося мира: «Я младше тебя, посылай к отцу моему, а дружину, которую захватил, вороти; а я тебе буду во всем послушен». Олег же послал к нему, притворно прося мира; Мстислав же поверил обману и распустил дружину по селам. И настала Федорова неделя поста, и пришла Федорова суббота, и когда Мстислав сидел за обедом, пришла ему весть, что Олег на Клязьме, подошел, не сказавшись, близко. Мстислав, доверившись ему не расставил сторожей, – но бог знает, как избавлять благочестивых своих от обмана! Олег же расположился на Клязьме, думая, что, испугавшись его, Мстислав побежит. К Мстиславу же собралась дружина в тот день и в другой, новгородцы, и ростовцы, и белозерцы, Мстислав же стал перед городом, исполнив дружину, и не двинулся ни Олег на Мстислава, ни

Мстислав на Олега, и стояли друг против друга четыре дня. И пришла к Мстиславу весть, что «послал тебе отец брата Вячеслава с половцами». И пришел Вячеслав в четверг после Федорова воскресенья, в пост. А в пятницу пришел Олег, исполчившись, к городу, и Мстислав пошел против него с новгородцами и ростовцами. И дал Мстислав стяг Владимиров половчанину, именем Куную, и дал ему пехотинцев, и поставил его на правом крыле. И Кунуй, заведя пехотинцев, развернул стяг Владимиров, и увидел Олег стяг Владимиров и испугался, и ужас напал на него и на воинов его. И пошли в бой обе стороны, и пошел Олег против Мстислава, а Ярослав пошел против Вячеслава. Мстислав же перешел через пожарище с новгородцами, и сошли с коней новгородцы, и соступились на реке Колокше, и была сеча крепкая, и стал одолевать Мстислав. И увидел Олег, что двинулся стяг Владимиров и стал заходить в тыл ему, и, убоявшись, бежал Олег, и одолел Мстислав. Олег же прибежал в Муром и затворил Ярослава в Муроме, а сам пошел в Рязань. Мстислав же пришел к Мурому, и сотворил мир с муромцами, и взял своих людей, ростовцев и суздальцев, и пошел к Рязани за Олегом. Олег же выбежал из Рязани, а Мстислав, придя, заключил мир с рязанцами и взял людей своих, которых заточил Олег. И послал к Олегу, говоря: «Не убегай никуда, но пошли к братии своей с мольбою не лишать тебя Русской земли. И я пошлю к отцу просить за тебя». И обещал Олег сделать так. Мстислав же, возвратившись в Суздаль, пошел оттуда в Новгород, в свой город, по мольбе преподобного епископа Никиты. Это было на исходе 6604 года, индикта 4-го наполовину.

В год 6605 (1097). Пришли Святополк, и Владимир, и Давыд Игоревич, и Василько Ростиславич, и Давыд Святославич, и брат его Олег, и собрались на совет в Любиче для установления мира, и говорили друг другу: «Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами идут войны. Да отныне объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей: Святополк – Киевом, Изяславовой отчиной, Владимир – Всеволо-

довой, Давыд и Олег и Ярослав – Святославовой, и те, кому Всеволод роздал города: Давыду – Владимир, Ростиславичам же: Володарю – Перемышль, Васильку – Теробовль». И на том целовали крест: «Если отныне кто на кого пойдет, против того будем мы все и крест честной». Сказали все: «Да будет против того крест честной и вся земля Русская». И, попрощавшись, пошли восвояси.

И пришли Святополк с Давыдом в Киев, и рады были люди все, но только дьявол огорчен был их любовью. И влез сатана в сердце некоторым мужам, и стали они говорить Давыду Игоревичу, что «Владимир соединился с Васильком на Святополка и на тебя». Давыд же, поверив лживым словам, начал наговаривать ему на Василька: «Кто убил брата твоего Ярополка, а теперь злоумышляет против меня и тебя и соединился с Владимиром? Позаботься же о своей голове». Святополк же сильно смутился и сказал: «Правда это или ложь, не знаю». И сказал Святополк Давыду: «Коли правду говоришь, бог тебе свидетель; если же от зависти говоришь, бог тебе судья». Святополк же пожалел о брате своем и про себя стал думать, не правда ли это? И поверил Давыду, и обманул Давыд Святополка, и начали они думать о Васильке, а Василько этого не знал, и Владимир тоже. И стал Давыд говорить: «Если не схватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне во Владимире». И послушался его Святополк. И пришел Василько 4 ноября, и перевезся на Выдобечь, и пошел поклониться к святому Михаилу в монастырь, и ужинал тут, а обоз свой поставил на Рудице; когда же наступил вечер, вернулся в обоз свой. И на другое же утро прислал к нему Святополк, говоря: «Не ходи от именин моих». Василько же отказался, сказав: «Не могу медлить, как бы не случилось дома войны». И прислал к нему Давыд: «Не уходи, брат, не ослушайся брата старшего». И не захотел Василько послушаться. И сказал Давыд Святополку: «Видишь ли – не помнит о тебе, ходя под твоей рукой. Когда же уйдет в свою волость, сам увидишь, что займет все твои города – Туров, Пинск и другие города твои. Тогда помянешь меня. Но призови его теперь, схвати и отдай мне». И послушался его Святополк, и послал за Васильком, говоря: «Если не хочешь

остаться до именин моих, то приди сейчас, поприветствуешь меня и посидим все с Давыдом». Василько же обещал прийти, не зная об обмане, который замыслил на него Давыд. Василько же, сев на коня, поехал, и встретил его отрок его и сказал ему: «Не ездь, княже, хотят тебя схватить». И не послушал его, помышляя: «Как им меня схватить? Только что целовали крест, говоря: если кто на кого пойдет, то на того будет крест и все мы». И, подумав так, перекрестился и сказал: «Воля господня да будет». И приехал с малою дружиной на княжеский двор, и вышел к нему Святополк, и пошли в избу, и пришел Давыд и сели. И стал говорить Святополк: «Останься на праздник». И сказал Василько: «Не могу остаться, брат: я уже и обозу велел идти вперед». Давыд же сидел как немой. И сказал Святополк; «Позавтракай хоть, брат». И обещал Василько позавтракать. И сказал Святополк: «Посидите вы здесь, а я пойду распоряджусь». И вышел вон, а Давыд с Васильком сидели. И стал Василько говорить с Давыдом, и не было у Давыда ни голоса, ни слуха, ибо был объят ужасом и обман имел в сердце. И, посидевши немного, спросил Давыд: «Где брат?» Они же сказали ему; «Стоит на сеньях». И, встав, сказал Давыд: «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди». И, встав, вышел вон. И как скоро вышел Давыд, заперли Василька, – 5 ноября, – и оковали его двойными оковами, и приставили к нему стражу на ночь. На другое же утро Святополк созвал бояр и киевлян и поведал им, что сказал ему Давыд, что «брата твоего убил, а против тебя соединился с Владимиром и хочет, тебя убить и города твои захватить». И сказали бояре и люди: «Тебе, князь, следует беречь голову свою; если правду сказал Давыд, пусть понесет Василько наказание; если же неправду сказал Давыд, то пусть сам примет мечь от бога и отвечает перед богом». И узнали игумены и стали просить за Василька Святополка; и отвечал им Святополк: «Это все Давыд». Узнав же об этом, Давыд начал подущать на ослепление: «Если не сделаешь этого, а отпустишь его, то ни тебе не княжить, ни мне»; Святополк хотел отпустить его, но Давыд не хотел, остерегаясь его. И в ту же ночь повезли Василька в Белгород – небольшой город около Киева, верстах в десяти; и привезли его в телеге

закованным, высадили из телеги и повели в избу малую. И, сидя там, увидел Василько торчина, точившего нож, и понял, что хотят его ослепить, и возопил к богу с плачем великим и со стенаньями. И вот влезли посланные Святополком и Давыдом Сновид Изечевич, конюх Святополков, и Дмитр, конюх Давыдов, и начали расстилать ковер, и, разостлав, схватили Василька, и хотели его повалить; и боролись с ним крепко, и не смогли его повалить. И вот влезли другие, и повалили его, и связали его, и сняв доску с печи, положили на грудь ему. И сели по сторонам доски Сновид Изечевич и Дмитр и не могли удерживать его. И подошли двое других, и сняли другую доску с печи, и сели, и придавили так сильно, что грудь затрещала. И приступил торчин, по имени Берендей, овчарь Святополков, держа нож, и хотел ударить ему в глаз, и, промахнувшись глаза, перерезал ему лицо, и видна рана та у Василька поныне. И затем ударил его в глаз и исторг глаз, и потом – в другой глаз и вынул другой глаз. И был он в то время как мертвый. И, взяв его на ковре, взвалили его на телегу как мертвого, повезли во Владимир. И когда везли его, остановились с ним, перейдя Воздвиженский мост, на торговище и стащили с него сорочку, всю окровавленную, и дали попадье постирать. Попадья же, постирав, надела на него, когда те обедали; и стала оплакивать его попадья как мертвого. И услышал плач, и сказал: «Где я?» И ответили ему: «В Воздвиженске городе». И попросил воды, они же дали ему, и испил воды, и вернулась к нему душа его, и опомнился, и пощупал сорочку, и сказал: «Зачем сняли ее с меня? Лучше бы в той сорочке кровавой смерть принял и преставился бы в ней перед богом». Те же, пообедав, поехали с ним быстро на телеге по неровному пути, ибо был тогда месяц «неровный» – грудень, то есть ноябрь. И прибыли с ним во Владимир на шестой день. Прибыл же и Давыд с ним, точно некий улов уловив. И посадили его во дворе Вакееве, и приставили стеречь его тридцать человек и двух отроков княжих, Улана и Колчка.

Владимир же, услышав, что схвачен был Василько и ослеплен, ужаснулся, заплакал и сказал: «Не бывало еще в Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших такого зла». И тут тотчас по-

слал к Давыду и Олегу Святославичам, говоря: «Идите в Городец, да поправим зло, случившееся в Русской земле и среди нас, братьев, ибо нож в нас брошен. И если этого не поправим, то еще большее зло встанет среди нас, и начнет брат брата закалывать, и погибнет земля Русская, и враги наши половцы, придя, возьмут землю Русскую». Услышав это, Давыд и Олег сильно опечалились и плакали, говоря, что «этого не бывало еще в роде нашем». И тотчас, собрав воинов, пришли к Владимиру, Владимир же с воинами стоял тогда в бору; Владимир же и Давыд и Олег послали мужей своих к Святополку, говоря: «Зачем ты зло это учинил в Русской земле и бросил в нас нож? Зачем ослепил брата своего? Если бы было у тебя какое обвинение против него, то обличил бы его перед нами. А, доказав его вину, тогда и поступил бы с ним так. А теперь объяви вину его, за которую ты сотворил с ним такое». И сказал Святополк: «Поведал мне Давыд Игоревич: «Василько брата твоего убил, Ярополка, и тебя хочет убить и захватить волость твою, Туров, и Пинск, и Берестье, и Погорину, а целовал крест с Владимиром, что сесть Владимиру в Киеве, а Васильку во Владимире». А мне поневоле свою голову беречь. И не я его ослепил, но Давыд; он и привез его к себе». И сказали мужи Владимировы, и Давыдовы, и Олеговы: «Не отговаривайся, будто Давыд ослепил его. Не в Давыдовом городе схвачен и ослеплен, но в твоём городе взят и ослеплен». И, сказав это, разошлись. На следующее утро собрались они перейти через Днепр на Святополка, Святополк же хотел бежать из Киева, и не дали ему киевляне бежать, но послали вдову Всеволодову и митрополита Николу к Владимиру, говоря: «Молим, княже, тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли. Ибо если начнете войну между собою, поганые станут радоваться и возьмут землю нашу, которую оборонили отцы ваши и деды ваши трудом великим и храбростью, борясь за Русскую землю и другие земли приискивая, а вы хотите погубить землю Русскую». Всеволодова же вдова и митрополит пришли к Владимиру, и молили его, и поведали мольбу киевлян – заключить мир и блюсти землю Русскую и биться с погаными. Услышав это, Владимир расплакался и сказал:

«Воистину отцы наши и деды наши соблюли землю Русскую, а мы хотим погубить». И преклонился Владимир на мольбу княгинину, которую почитал как мать, памяти ради отца своего, ибо сильно любил он отца своего и при жизни его и по смерти не ослушивался его ни в чем; потому и слушал он ее как мать свою и митрополита также чтит за сан святительский, не ослушался мольбы его.

Владимир был полон любви: любовь имел он и к митрополитам, и к епископам, и к игуменам, особенно же любил монашеский чин и монахинь любил, приходивших к нему кормил и поил, как мать детей своих. Когда видел кого шумным или в каком постыдном положении, не осуждал того, но ко всем относился с любовью и всех утешал. Но вернемся к своему повествованию.

Княгиня же, побывав у Владимира, вернулась в Киев и поведала все, сказанное Святополку и киевлянам, что мир будет. И начали слать друг другу мужей и помирились на том, что сказали Святополку: «Это козни Давыда, так ты иди, Святополк, на Давыда и либо схвати, либо прогони его». Святополк же согласился на это, и целовали крест друг другу, заключив мир.

Когда же Василько был во Владимире, в прежде указанном месте, и приближался Великий пост, и я был тогда во Владимире, однажды ночью прислал за мной князь Давыд. И пришел к нему; и сидела около него дружина его, и, посадив меня, сказал мне: «Вот молвил Василько сегодня ночью Улану и Колче: «Слышу, что идут Владимир и Святополк на Давыда; если бы Давыд меня послушал, чтобы я послал мужей своих к Владимиру с просьбой воротиться, ибо я знаю, что сказать ему, – и он не пойдет дальше». И вот, Василий, посылаю тебя, иди к Васильку, тезке твоему, с этими отроками и молви ему так: «Если хочешь послать мужей своих и если Владимир воротится, дам тебе любой город, который тебе люб, – либо Всеволожь, либо Шеполь, либо Перемиль». Я же пошел к Васильку и поведал ему все речи Давыда. Он же сказал: «Того я не говорил, но надеюсь на бога. Пошлю к Владимиру, чтобы не проливали ради меня крови. Но тому мне дивно, что дает мне город свой, но мой Теробовль мое владение и ныне и в буду-

щем», что и сбылось, ибо вскоре он получил владение свое. Мне же сказал: «Иди к Давыду и скажи ему: «Пришли мне Кульмея, да пошлю его к Владимиру». И не послушал его Давыд, и послал меня опять сказать ему: «Нет тут Кульмея». И сказал мне Василько: «Посиди немного». И повелел слуге своему идти вон, и сел со мною, и стал мне говорить: «Вот слышу, что хочет меня выдать полякам Давыд; мало он насытился моей кровью, – хочет еще больше насытиться, отдав меня им. Ибо я много зла сделал ляхам и еще хотел сделать и мстить за Русскую землю. И если он меня выдаст полякам, не боюсь я смерти, но скажу тебе по правде, что бог на меня послал это за мою гордость: пришла ко мне весть, что идут ко мне берендеи, и печенеги, и торки, и сказал я себе: если у меня будут берендеи, и печенеги, и торки, то скажу брату своему Володарю и Давыду: дайте мне дружину свою младшую, а сами пейте и веселитесь. И подумал: землю Польскую буду завоевывать зимой и летом, и завладею землею Польскою, и отомщу за Русскую землю. И потом хотел захватить болгар дунайских и посадить их у себя. И затем хотел отпроситься у Святополка и у Владимира идти на половцев – да либо славу себе буду иметь, либо голову свою сложу за Русскую землю. Другого замышления в сердце моем не было ни на Святополка, ни на Давыда. И вот, клянусь Богом и его пришествием, что не замышлял я зла братии своей ни в чем. Но за мое высокомерие низложил меня бог и смирил».

Потом же, с приходом Пасхи, пошел Давыд, собираясь захватить Василькову волость; и встретил его Володарь, брат Васильков, у Божеска. И не посмел Давыд пойти против Василькова брата Володаря и затворился в Божеске, и Володарь осадил его в городе. И стал Володарь говорить: «Почему, сотворив зло, не каешься в нем? Вспомни наконец, сколько зла натворил». Давыд же стал обвинять Святополка, говоря: «Разве я это сделал, разве в моем это было городе? Я сам боялся, чтобы и меня не схватили и не поступили со мной так же. Поневоле пришлось мне пристать к заговору и подчиниться». И сказал Володарь: «Бог свидетель тому, а нынче отпусти брата моего, и сотворю с тобою мир». И, обрадовавшись, послал Давыд за Ва-

сильком, и, приведя его, выдал Володарю, и был заключен мир, и разошлись. И сел Василько в Теребовле, а Давыд пришел во Владимир. И когда настала весна, пришли Володарь и Василько на Давыда и подошли ко Всеволожю, а Давыд затворился во Владимире. Стали они около Всеволожья, и взяли город приступом, и запалили его огнем, и побежали люди от огня. И повелел Василько иссечь их всех, и сотворил мщение над людьми неповинными, и пролил кровь невинную. Затем же пришли к Владимиру, и затворился Давыд во Владимире, а те обступили город. И послали к владимирцам, говоря: «Мы не пришли на город ваш, ни на вас, но на врагов своих, на Туряка, и на Лазаря, и на Василя, ибо они подговорили Давыда, и их послушал Давыд и сотворил это злодейство. А если хотите за них биться, то мы готовы, либо выдайте врагов наших». Горожане же, услышав это, созвали вече, и сказали Давыду люди: «Выдай мужей этих, не будем биться из-за них, а за тебя биться можем. Иначе отворим ворота города, а ты сам позаботься о себе». И поневоле пришлось выдать их. И сказал Давыд: «Нет их здесь»; ибо он послал их в Луцк. Когда же они отправились в Луцк, Туряк бежал в Киев, а Лазарь и Василь воротились в Турийск. И услышали люди, что те в Турийске, кликнули люди на Давыда и сказали: «Выдай, кого от тебя хотят! Иначе сдадимся». Давыд же, послав, привел Василя и Лазаря и выдал их. И заключили мир в воскресенье. А на другое утро, на рассвете, повесили Василя и Лазаря, и расстреляли их стрелами Васильковичи, и пошли от города. Это второе отмщение сотворил он, которого не следовало сотворить, чтобы бог был только мстителем, и надо было возложить на бога отмщение свое, как сказал пророк: «И воздам мечь врагам и ненавидящим меня воздам, ибо за кровь сынов своих мстит бог и воздает отмщение врагам и ненавидящим его». Когда же те ушли от города, сняли тела их и погребли.

Святополк же, обещав прогнать Давыда, пошел к Берестью к полякам. Услышав об этом, Давыд пошел в Польшу к Владиславу, ища помощи. Поляки же обещали ему помогать и взяли у него золота пятьдесят гривен, сказав ему: «Пойди с нами к Берестью, ибо зовет

нас Святополк на совет, и там помирим тебя со Святополком». И, послушав их, Давыд пошел к Берестью с Владиславом. И стал Святополк в городе, а поляки на Буге, и стал переговариваться Святополк с поляками, и дал дары великие за Давыда. И сказал Владислав Давыду: «Не послушает меня Святополк, иди снова». И пошел Давыд во Владимир, и Святополк, посоветовавшись с поляками, пошел к Пинску, послав за воинами. И пришел в Дорогобуж, и дождался там своих воинов, и пошел на Давыда к городу, и Давыд затворился в городе, надеясь на помощь от поляков, ибо сказали ему, что «если придут на тебя русские князья, то мы тебе будем помощниками»; и солгали ему, взяв золото и у Давыда и у Святополка. Святополк же осадил город, и стоял Святополк около города семь недель; и стал Давыд проситься: «Пусти меня из города». Святополк же обещал ему, и целовали они крест друг другу, и вышел Давыд из города, и пришел в Червен; а Святополк вошел во Владимир в великую субботу, а Давыд бежал в Польшу.

Святополк же, прогнав Давыда, стал умышлять на Володаря и Василька, говоря, что «это волость отца моего и брата»; и пошел на них. Услышав это, Володарь и Василько пошли против него, взяв крест, который он целовал им на том, что «на Давыда пришел я, а с вами хочу иметь мир и любовь». И преступил Святополк крест, надеясь на множество своих воинов. И встретились в поле на Рожни, исполнились обе стороны, и Василько поднял крест, сказав: «Его ты целовал, вот сперва отнял ты зрение у глаз моих, а теперь хочешь взять душу мою. Да будет между нами крест этот!» И двинулись друг на друга в боевом порядке, и сошлись полки, и многие люди благоверные видели крест, высоко поднятый над Васильковыми воинами. Во время великого сражения, когда многие падали из обеих войск, Святополк, увидев, какой идет лютый бой, побежал и прибежал во Владимир. Володарь же и Василько, победив, остались стоять тут же, говоря: «Надлежит нам на своем рубеже стать», и не пошли никуда. Святополк же прибежал во Владимир, и с ним два его сына, и Ярополчича два, и Святоша, сын Давыда Святославича, и прочая дружи-

на. Святополк же посадил во Владимире сына своего Мстислава, который был у него от наложницы, а Ярослава послал в Венгрию, приглашая венгров на Володаря, а сам пошел к Киеву. Ярослав же, сын Святополка, пришел с венграми, и король Коломан, и два епископа, и стали около Перемышля по Вагру, а Володарь затворился в городе. Ибо Давыд в то время вернулся из Польши и посадил жену свою у Володаря, а сам пошел в Половецкую землю. И встретил его Боняк, и воротился Давыд, и пошли на венгров. Когда же они шли, остановились на ночлег; и когда наступила полночь, встал Боняк, отъехал от воинов и стал выть по-волчьи, и волк ответил воем на вой его, и завывало множество волков. Боняк же, вернувшись, поведал Давыду, что «победа у нас будет над венграми завтра». И наутро Боняк исполчил воинов своих, и было у Давыда воинов сто, а у самого триста; и разделил их на три полка и пошел на венгров, И пустил Алтунопу нападать с пятьюдесятью людьми, а Давыда поставил под стягом, а своих воинов разделил на две части, по пятьдесят человек на каждой стороне. Венгры же исполчились в несколько рядов, ибо было их сто тысяч. Алтунопа же, подскакав к первому ряду и пустив стрелы, бежал от венгров, венгры же погнались за ними. На бегу они промчались мимо Боняка, и Боняк погнался за ними, рубя их с тыла, а Алтунопа возвратился обратно, и не пропустили венгров назад, и так, во множестве избивая их, сбили их в мяч. Боняк же разделил своих на три полка, и сбили венгров в мяч, как сокол сбивает галок. И побежали венгры, и многие утонули в Вагре, а другие в Сане. И бежали они вдоль Сана в гору, и спихивали друг друга, и гнались за ними два дня, рубя их. Тут же убили и епископа их Купана и из бояр многих, говорили ведь, что погибло их сорок тысяч.

Ярослав же бежал в Польшу и пришел в Берестье, а Давыд, захватив Сутейск и Червей, пришел внезапно и захватил владимирцев, а Мстислав затворился в городе с засадою из берестьян, пинчан, выгошевцев. Истал Давыд, обступив город, и делал частые приступы. Однажды подступили к городу под башни, те же бились с городских стен, и была стрельба между ними, и летели стрелы, как дождь.

Мстислав же, собираясь выстрелить, внезапно ранен был под пазуху стрелой, стоя на забралах стены, в скважину между досок, и свели его вниз, и в ту же ночь умер. И скрывали это три дня, а на четвертый день поведали на вече. И сказали люди: «Вот, князь убит; и если сдадимся, Святополк погубит нас всех». И послали к Святополку, говоря: «Вот, сын твой убит, а мы изнемогаем от голода. Если не придешь, люди хотят сдаться, не могут стерпеть голода». Святополк же послал Путятю, воеводу своего. Путята же с воинами пришел в Луцк к Святоше, сыну Давыдову, и там были мужи Давыдовы у Святоши, ибо поклялся Святоша Давыду: «Если пойдет на тебя Святополк, то поведаю тебе». И не сотворил того Святоша, но похватал мужей Давыдовых, а сам пошел на Давыда. И пришли Святоша и Путята, августа в 5-й день, в полдень, когда Давыдовы воины облегли город, а Давыд спал; и напали на них и начали рубить. И горожане выскочили из города и тоже стали рубить воинов Давыдовых, и побежали Давыд и Мстислав, племянник его. Святоша же и Путята взяли город и посадили посадника Святополкова Василя. И пришел Святоша в Луцк, а Путята в Киев. Давыд побежал в Половецкую землю, и встретил его Боняк. И пошли Давыд и Боняк на Святошу к Луцку, и осадили Святошу в городе, и сотворили мир. И вышел Святоша из города и пришел к отцу, своему в Чернигов. А Давыд захватил Луцк и оттуда пришел во Владимир, посадник же Василь выбежал, а Давыд перехватил Владимир и сел в нем. А на второй год Святополк, Владимир, Давыд и Олег приманили Давыда Игоревича и не дали ему Владимира, но дали ему Дорогобуж, где он и умер. А Святополк перехватил себе Владимир и посадил в нем сына своего Ярослава,

В год 6606 (1098). Пришли Владимир, и Давыд, и Олег на Святополка и стали у Городца, и сотворили мир, как я сказал уже под предыдущим годом.

В год 6607 (1099). Вышел Святополк на Давыда к Владимиру и прогнал Давыда в Польшу. В этот же год побиты были венгры у Перемышля. В тот же год убит Мстислав, сын Святополков, во Владимире, месяца июня в 2-й день.

В год 6608 (1100). Вышел Мстислав от Давыда на море, месяца июня в 10-й день. В тот же год братья сотворили мир между собою, Святополк, Владимир, Давыд, Олег в Уветичах, месяца августа в 10-й день. Того же месяца в 30-й день в том же месте собрались на совет все братья – Святополк, Владимир, Давыд, Олег, – и пришел к ним Игоревич Давыд и сказал им: «Зачем призвали меня? Вот я. У кого на меня обида?» И ответил ему Владимир: «Ты сам прислал к нам: «Хочу, братья, прийти к вам и пожаловаться на свои обиды». Вот ты и пришел и сидишь с братьями своими на одном ковре – почему же не жалуешься? На кого из нас у тебя жалоба?» И не отвечал Давыд ничего. И стали братья на конях; и стал Святополк со своей дружиной, а Давыд и Олег каждый со своею отдельно. А Давыд Игоревич сидел в стороне, и не подпустили они его к себе, но особо совещались о Давыде. И порешив; послали к Давыду мужей своих, Святополк Путятю, Владимир Орогостя и Ратибора, Давыд и Олег Торчина. Посланные же пришли к Давыду и сказали ему: «Так говорят тебе братья: «Не хотим тебе дать стола Владимирского, ибо бросил ты нож в нас, чего не бывало еще в Русской земле. И мы тебя не схватим и никакого зла тебе не сделаем, но вот что даем тебе – отправляйся и садись в Божском остроге, а Дубен и Чарторыйск дает тебе Святополк, а Владимир дает тебе двести гривен, и Давыд с Олегом двести гривен». И тогда послали послов своих к Володарю и Васильку: «Возьми брата своего Василька к себе, и будет вам одна волость, Перемышль. И если то вам любо, то сидите там оба, если же нет, то отпусти Василька сюда, мы его прокормим здесь. А холопов наших выдайте и смердов». И не послушались этого ни Володарь, ни Василько. А Давыд сел в Божске, и затем дал Святополк Давыду Дорогобуж, где он и умер, а город Владимир отдал сыну своему Ярославу.

В год 6609 (1101). Преставился Всеслав, полоцкий князь, месяца апреля в 14-й день, в девять часов дня, в среду. В тот же год поднял войну Ярослав Ярополчич в Берестье, и пошел на него Святополк, и застал его в городе, и схватил его, и заковал, и привел его в Киев. И просили за него митрополит и игумены, и умолили Святополка, и

взяли с него клятву у гроба святых Бориса и Глеба, и сняли с него оковы, и пустили его. В том же году собрались на Золотче все братья: Святополк, Владимир, и Давыд, и Олег, Ярослав, брат их. И прислали половцы послов от всех князей ко всем братьям, прося мира. И сказали им русские князья: «Если хотите мира, соберемся у Сакова». И послали за половцами, и собрались на совет у Сакова, и сотворили мир с половцами, и обменялись заложниками, месяца сентября в 15-й день, и разошлись в разные стороны.

В год 6610 (1102). Выбежал Ярослав Ярополчич из Киева, месяца октября в 1-й день. Того же месяца на исходе обманул Ярослав Святополчич Ярослава Ярополчича, схватил его на Нуре и привел его к отцу Святополку, и оковали его. В том же году, месяца декабря в 20-й день, пришел Мстислав, сын Владимира, с новгородцами, ибо Святополк с Владимиром имел договор, что Новгороду быть за Святополком и посадить там сына своего, а Владимиру посадить сына своего во Владимире. И пришел Мстислав в Киев, и сели совещаться в избе, и сказали мужи Владимировы: «Вот прислал Владимир сына своего. а вот сидят новгородцы, пусть возьмут сына твоего и идут в Новгород, а Мстислав пусть идет во Владимир». И сказали новгородцы Святополку: «Вот мы, княже, присланы к тебе, и сказали нам так: «Не хотим ни Святополка, ни сына его. Если же две головы имеет сын твой, то пошли его; а этого дал нам Всеволод, сами вскормили себе князя, а ты ушел от нас». И Святополк много спорил с ними, но они не захотели, и, взяв Мстислава, пришли в Новгород. В тот же год было знаменье в небе, месяца января в 29-й день, и было три дня, стояло точно зарево пожаров с востока, и юга, и запада, и севера, и был такой свет всю ночь, как от полной светящейся луны. В тот же год было знаменье в луне, месяца февраля в 5-й день. Того же месяца в 7-й день было знаменье в солнце: огородилось солнце тремя дугами, и были другие дуги, хребтами одна к другой. И, видя эти знаменья, благоверные люди с воздыханием молились богу и со слезами, чтобы бог обратил эти знаменья к добру: знаменья ведь бывают одни к злу, другие же к добру. На следующий год вложил бог мысль доб-

рую русским князьям: задумали дерзнуть на половцев, пойти в землю их, что и сделали, как скажем после, под следующим годом, В этот же год преставился Ярослав Ярополчич, месяца августа в 11-й день. В тот же год повели дочь Святополка Сбыславу в Польшу за Болеслава, месяца ноября в 16-й день.

В год 6611 (1103). Вложил бог в сердце князьям русским, Святополку и Владимиру, и собрались на совет в Долобске. И сел Святополк с дружиною своею, а Владимир со своею в одном шатре. И стала совещаться дружина Святополкова и говорить, что «не годится ныне, весной, идти, погубим смердов и пашню их». И сказал Владимир: «Дивно мне, дружина, что лошадей жалеете, которыми пашут; а почему не подумаете о том, что вот начнет пахать смерд и, приехав, половчанин застрелит его стрелою, а лошадь его заберет, а в село его приехав, возьмет жену его, и детей его, и все его имущество? Лошади вам жаль, а самого не жаль ли?» И ничего не смогла ответить дружина Святополкова. И сказал Святополк: «Вот я готов уже». И встал Святополк, и сказал ему Владимир: «Это ты, брат, великое добро сотворишь земле Русской». И послали к Олегу и Давыду, говоря: «Пойдите на половцев, да будем либо живы, либо мертвы». И послушал Давыд, а Олег не захотел того, сказав причину: «Нездоров». Владимир же, попрощавшись с братом своим, пошел в Переяславль, а Святополк за ним, и Давыд Святославич, и Давыд Всеславич, и Мстислав, Игорев внук, Вячеслав Ярополчич, Ярополк Владимирович. И пошли на конях и в ладьях, и пришли пониже порогов, и стали в порогах у острова Хортицы. И сели на коней, а пехотинцы выйдя из ладей, шли полем четыре дня и пришли на Сутень. Половцы же, услышав, что идет русь, собрались без числа много и стали совещаться. И сказал Урусоба: «Попросим мира у руси, так как крепко они будут биться с нами, ибо много зла сотворили мы Русской земле». И сказали Урусобе молодые: «Ты боишься руси, но мы не боимся. Перебив этих, пойдем в землю их и завладеем городами их, и кто избавит их от нас?» Русские же князья и воины все молились богу и обеты давали богу и матери его, кто кутьею, кто милостынею убогим, другие же

пожертвованиями в монастыри. И когда они так молились, пришли половцы и послали перед собою в сторожах Алтунопу, который славился у них мужеством. Также и русские князья послали сторожей своих. И подстерегли русские сторожа Алтунопу, и, обступив его, убили Алтунопу и тех, кто был с ним, и ни один не спасся, но всех перебили. И пошли полки как лес, конца им не было видно, и русь пошла против них. И великий бог вложил ужас великий в половцев, и страх напал на них и трепет от лица русских воинов, и оцепенели сами, и у коней их не было быстроты в ногах. Наши же с весельем на конях и пешие пошли к ним. Половцы же увидев, как устремились на них русские, не дойдя, побежали перед русскими полками. Наши же погнались, рубя их. В день 4-го апреля совершил бог великое спасение, а на врагов наших дал нам победу великую. И убили тут в бою двадцать князей: Урусобу, Кчия, Арсланапу, Китанопу, Кумана, Асупа, Куртка, Ченегрепу, Судьбаря и прочих князей их, а Бельдюзя захватили. После того сели братья совещаться, победив врагов своих, и привели Бельдюзя к Святополку, и стал Бельдюзь предлагать за себя золото, и серебро, и коней, и скот. Святополк же послал его к Владимиру. И когда он пришел, начал спрашивать его Владимир: «Знай, это клятва захватила вас! Ибо сколько раз, дав клятву, вы все-таки воевали Русскую землю? Почему не учил ты сыновей своих и род свой не нарушать клятвы, но проливали кровь христианскую? Да будет кровь твоя на голове твоей!» И повелел убить его, и так разрубили его на части. И затем собрались братья все на совет, и сказал Владимир: «Вот день, который сотворил господь, возрадуемся и возвеселимся в этот день, ибо бог избавил нас от врагов наших, и покориł врагов наших, и «сокрушил головы змеиные и передал достояние их людям» русским». Ибо взяли тогда скот, и овец, и коней, и верблюдов, и вежи с добычей и с челядью, и захватили печенегов и торков с вежами. И вернулись на Русь с полоном великим, и со славою, и с победою великою. В том же году пришла саранча, августа в 1-й день. Того же месяца в 18-й день пошел Святополк и срубил город Юрьев, который

сожгли половцы. В том же году бился Ярослав с мордвою, месяца марта в 4-й день, и побежден был Ярослав.

В год 6612 (1104). Повели дочь Володареву за царевича Алексинича, в Царьград, месяца июля в 20-й день.. В том же году повели Предславу, дочь Святополка, в Венгрию за королевича, августа в 21-й день. В том же году пришел митрополит Никифор на Русь, месяца декабря в 6-й день. Того же месяца в 13-й день преставился Вячеслав Ярополчич. В том же месяце, в 18-й день, Никифор митрополит посажен на столе. Расскажем и же и это на исходе того же года послал Святополк Путятю на Минск, а Владимир – сына своего Ярополка, а Олег сам пошел на Глеба, взяв Давыда Всеславича; и, ничего не успев, возвратились. И родился у Святополка сын, и нарекли имя ему Брячислав. В тот же год было знаменье: стояло солнце в круге, а посредине круга крест, и посредине креста солнце, а вне круга по обе стороны два солнца, а над солнцем вне круга дуга, рогами на север; такое же знаменье было и в луне, такого же вида, месяца февраля в 4-й, 5-й и 6-й день, днем три дня, а ночью, в луне, три ночи.

В год 6613 (1105). Поставил митрополит епископом Анфилофия во Владимир, месяца августа в 27-й день. В том же году поставил Лазаря в Переяславль, ноября в 12-й день. В том же году поставил Мину в Полоцке, декабря в 13-й день.

В год 6614 (1106). Воевали половцы около Зареческа, и послал на них Святополк Яня и Ивана Захарьича, козарина, и прогнали половцев и полон отняли. В тот же год преставился Янь, старец добрый, прожив девяносто лет, в старости маститой; жил по закону божию, не хуже был первых праведников. От него же и я много рассказов слышал, которые и записал в летописание этом, от него услышав. Был он муж благ, и кроток, и смирен, избегал всякого зла; гроб его находится в Печерском монастыре, в притворе, там лежит тело его, положенное месяца июня в 24-й день. В тот же год постриглась Евпраксия, Всеволодова дочь, месяца декабря в 6-й день. В тот же год прибежал Избыгнев к Святополку. В тот же год постригся Святослав, сын Давыдов, внук Святославов, месяца февраля в 17-й день. В тот же год по-

бедила зимигола Всеславичей, всех братьев, и дружины их перебила девять тысяч.

В год 6615 (1107), индикта, круга луны 4-й год, а солнечного круга 8-й год. В тот же год преставилась жена Владимирова месяца мая в 7-й день. В том же месяце воевал Боняк и захватил коней у Перяславля. В том же году пришли Боняк и Шарукан старый и другие князья многие и стали около Лубна. Святополк же, и Владимир, и Олег, Святослав, Мстислав, Вячеслав, Ярополк пошли на половцев к Лубну, и в шестом часу дня перешли вброд через Сулу, и кликнули на них. Половцы же ужаснулись, со страху не могли и стяга поставить и бежали похватав коней, а иные бежали пешие. Наши же стали рубить, гоня их, а других руками хватать, и гнали, чуть не до Хорола. Убили же Таза, Бонякова брата, а Сутра захватили и брата его, а Шарукан едва убежал. Покинули половцы и обоз свой, который взяли русские воины месяца августа в 12-й день, и вернулись русские восвояси с победой великой. Святополк же пришел в Печерский монастырь на заутреню на Успенье святой Богородицы, и братия приветствовала его с радостью великою, говоря, что враги наши побеждены были молитвами святой Богородицы и святого отца нашего Феодосия. Такое обыкновение имел Святополк когда шел на войну или куда-нибудь, то сперва поклонившись гробу Феодосиеву и молитву взяв у игумена печерского, только тогда уже отправлялся в путь свой. В тот же год преставилась княгиня, мать Святополка, месяца января в 4-й день. В том же году, в том же месяце, пошел Владимир, и Давыд, и Олег к Аепе и ко другому Аепе и сотворили мир, И, взял Владимир за Юрия Аепину дочь, Осеневу внучку, а Олег взял за сына Аепину дочь, Гиргенеу внучку, месяца января в 12-й день; А февраля 5-го тряслася земля ночью перед рассветом.

В год 6616 (1108). Заложена была церковь святого Михаила, Златоверхая, Святополком князем, 11 июля. И закончили трапезницу Печерского монастыря при Феоктисте игумене, который ее и заложил по повелению Глеба на его пожертвования. В тот же год вода была велика в Днепре, и в Десне, и в Припяти. В том же Воду вложил бог в

сердце Феоктисту, игумену Печерскому, и стал говорить князю Святополку, чтобы вписал Феодосия в синодик. И тот, обрадовавшись, обещал и исполнил, повелел митрополиту вписать его в синодик. И повелел вписывать его по всем епископиям, и все епископы с радостью вписали, и повелел поминать его на всех соборах. В тот же год преставилась Катерина, дочь Всеволода, месяца июля в 11-й день. В тот же год кончили верх святой Богородицы на Клове, заложенной Стефаном, игуменом Печерским.

В год 6617 (1109). Преставилась Евпраксия, дочь Всеволода, месяца июля в 10-й день, и положена была в Печерском монастыре у дверей, которые к югу. И сделали над ней божницу, там, где лежит тело ее. В тот же год месяца декабря во 2-й день Дмитр Иворович захватил вежи половецкие у Дона.

В ход 6618 (1110). По весне ходили на половцев Святополк, и Владимир, и Давыд. И, дойдя до Воиня, воротились. В тот же год было знаменье в Печерском монастыре, в 11-й день февраля месяца: явился столп огненный от земли до неба, а молния осветила всю землю, и в небе прогремело в первый час ночи, и все люди видели это. Этот же столп сперва стал над трапезницей каменной, так что не видно было креста, и, постояв немного, перешел на церковь, и стал над гробом Феодосьевым, и потом перешел на верх церкви, как бы к востоку лицом, а потом стал невидим. Но то был не огненный столп, а явление ангельское: ибо ангел так является – иногда столпом огненным, иногда пламенем. Как сказал Давыд: «Обращая ангелов своих в духов и слуг своих в огонь палящий», посылает их повелением божьим, куда хочет, владыка, и творец всех. Ангел же приходит туда, где есть благие места и молитвенные дома, и тут чуть являет свой вид, чтобы можно было людям увидеть его; ибо людям невозможно видеть естество ангельское, как и Моисей великий не смог видеть ангельского естества: ибо водил его днем столп облачный, а ночью столп огненный, но это не столп водил их, но ангел шел перед ними ночью и днем. Так и это предсказывало некоторое явление, которому предстояло быть и которое сбылось на второй год, ибо не этот ли ан-

гел был вождем на иноплеменников и супостатов, как сказано: «Ангел тебе предшествует», и еще: «Ангел твой да будет с тобой».

Игумен Сильвестр святого Михаила написал книгу эту, летописец, надеясь от Бога милость получить, при князе Владимире, когда княжил он в Киеве, а я в то время игуменствовал у святого Михаила в **6624 (1116)** году, индикта в 9-й год. А кто читает книги эти – помолись за меня.

II. РУССКАЯ ПРАВДА

Одним из важнейших источников по истории Древнерусского государства является Русская Правда – памятник древнерусского права. В настоящее время известно более ста списков Русской Правды, входящих в состав различных сборников и летописей XIII – XVIII вв.

По своему содержанию и особенностям списки Русской Правды разделены на три редакции: Краткую, Пространную и Сокращенную, представляющих собой памятники, написанные в разное время, но взаимосвязанные по содержанию. Изучение различных редакций Русской Правды даёт возможность проследить уровень социально-экономического развития Руси в XI – XIII вв.

Приоритет открытия Краткой Русской Правды принадлежит выдающемуся русскому историку В.Н. Татищеву, обнаружившему её в составе Новгородской летописи в 1738 г., однако опубликована она была только в 1767 г. А.Х. Шлецером. Пространная Правда введена в научный оборот в 1788 г. В.В. Крестининым, а Сокращённая Правда – лишь в 1846 г. Н.В. Качаловым³⁸. За прошедшие 200 лет десятки историков и правоведов так или иначе обращались к анализу Русской Правды, в результате чего появилась обширная литература, посвящённая данному законодательному памятнику³⁹.

Краткая Русская Правда представляет собой древнейшую часть Русской Правды. Она сохранилась только в двух древних списках – Академическом и Археографическом, названных так по месту их хранения. Этот замечательный памятник истории включен в состав Новгородской Первой летописи Младшего извода, созданной на основе более ранних источников в первой половине XV в. В летописи

³⁸ Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 9-15.

³⁹ Русская Правда (тексты на основании 7 списков 5 редакций составил и подготовил к печати проф. С. Юшков). Киев, 1935; П р а в д а русская / Под ред. Б.Д. Грекова, В 2 т.; т. 1. Тексты. М, 1939; т. 2. Комментарий. М. — Л., 1947; Памятники русского права. Вып., первый. М., 1952; Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953; Российское законодательство X-XX вв. В 9 т. Т. I. Законодательство Древней Руси. М., 1984 и др.

Краткая Правда помещена под 1016 г. и идёт после описания победы Ярослава над Святополком: «...и отпусти их всех домовъ и дав им Правду и Устав списав, тако рекши им: «по се грамоте ходите, якоже писах вам, такоже держите. А се есть правда русскаа...»⁴⁰. Далее следует текст документа.

Краткая Русская Правда неоднородна по своему содержанию. Исследователи выделяют в ней четыре части: Правду Ярослава (ст.1 – 18), Правду Ярославичей (ст. 19 – 41), Покон (или Поклон) Вирный (ст. 42) и урок Мостников (ст. 43).

Относительно времени создания Правды Ярослава сложились две устойчивые точки зрения. Одни учёные (Б.В. Греков, Л.В. Черепнин, А.А. Зимин) считают, что она создана в 1016 г., под которым и помещена в летописи. Другие (М.Н. Тихомиров, С.В. Юшков) составление документа относят к 30-м годам XI в. По летописи, Ярослав Мудрый в 1036 г. дал новгородцам грамоту, посадив новгородским князем своего сына Владимира. Нам представляется, что более логична первая точка зрения. Появление Правды Ярослава было вызвано трагическими событиями в Новгороде в 1015 г., а также необходимостью регулирования отношений наемников с местным населением и защиты княжеской дружины от новгородцев после завоевания Ярославом киевского престола. Источником для написания Правды Ярослава, по мнению большинства исследователей, послужил «Закон Русский», о котором упоминают договоры Руси с Византией в X в. Действительно, древнейшая часть Русской Правды содержит ряд положений, отражающих период ранней стадии развития государственности на Руси. В ней находят отражение пережитки первобытнообщинного строя, например, частично сохраняется кровная месть, патриархальное рабство, общество разделяется на челядь, холопов и свободных мужей. Вместе с этим появляются нормы права, отражающие интересы княжеской дружины. Они становятся важными законодательными актами классового общества.

⁴⁰ Новгородская Первая летопись Старшего и Младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 175-176.

Правда Ярославичей представляет собой особый памятник, принятый сыновьями Ярослава Мудрого. Она начинается словами: «Правда уставлена руськой земли, егда ся съвокупил Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячко Перенег, Микыфор Кыянин, Чюдин Микула»⁴¹.

Время возникновения Правды Ярославичей определяется в пределах 1054 г. (год смерти Ярослава) и 1073 г. (в этом году Святослав выгнал из Киева старшего брата Изяслава, и после этого Ярославичи вместе уже не собирались). Возможно, Правда Ярославичей была принята в 1072 г. в городе Вышгороде, когда состоялся съезд князей и их бояр. Поводом послужило перенесение мощей Бориса и Глеба в новую церковь. К этому событию были приурочены не только церковные торжества, но и принятие ряда решений по политическим проблемам, стоящим в то время перед обществом. В 1068-1071 гг. по всей Руси прокатилась волна восстаний, сопровождавшаяся разграблением княжеского и боярского имущества, убийством княжеских слуг и дружинников., Возникла острая необходимость единения князей в отстаивании своих интересов, создании новых норм права, защищавших феодалов, обеспечивавших охрану их доменов и княжеской администрации. В этих условиях Правда Ярославичей призвана была охранять княжеские вотчины от разбоя. Главное внимание в ней уделялось защите княжеских людей. Этот документ определял и регулировал систему взаимоотношений феодальной вотчины со свободным крестьянским миром.

Завершается Краткая Правда Поконом Вирным (определяющим нормы содержания княжеского вирника во время сбора податей, размеры виры в пользу князей) и Уроком Мостников (устанавливающим порядок оплаты труда княжеских слуг, занимавшихся постройкой и ремонтом мостов, мостовых). Большинство историков появление этих двух статей относят к 20-30 годам XI в. и связывают их с законодательной деятельностью Ярослава Мудрого.

⁴¹ Российское законодательство... Т. I. С.48.

Наибольшее распространение на Руси получила Пространная Русская Правда. Юридические сборники («Кормчие»; «Мерила Правоведные») и ряд летописей донесли до нас более 100 списков этого документа. «Пространная Правда» разделена на две Части: «Суд Ярослава Владимировича – Правда Русская» и «Устав Владимира Всеволодовича».

Относительно структуры Пространной Правды и её источников в историографии существует много разнообразных и порой противоречивых точек зрения. Одни исследователи (С.В. Юшков и др.) рассматривали «Суд Ярослава Владимировича» и «Устав Владимира Всеволодовича» как два самостоятельных документа в составе Пространной Правды. В настоящее время преобладает позиция, что Пространная Русская Правда представляет собой единый законодательный памятник, составленный на основе разных источников⁴². Прежде всего основой для Пространной Правды явилась Краткая Правда. Кроме неё составители использовали Устав Владимира Мономаха и законы других киевских князей конца XI – XII вв. По Л.В. Черепнину, Пространная Правда имеет следующую структуру⁴³:

1. Начальные статьи (I-46) во многом повторяют Краткую Правду. Многие из них видоизменены под новые социально-экономические условия, сложившиеся в конце XI века. О том, что составители Пространной Правды следуют законам Ярослава и его сыновей прямо говорится в ст.2: «...а ино все, яко же Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша»⁴⁴. Данный правовой кодекс был, очевидно, принят на княжеском съезде в Любиче в 1097 г. при непосредственном участии и по инициативе Владимира Мономаха.

2. Статьи 47-52 посвящены обязательственному праву и регламентируют условия займа, ростовщичества. Их появление связывают с деятельностью киевского князя Святополка Изяславовича, который

⁴² Российское законодательство... Т. I. С. 41.

⁴³ Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская правда // древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 195-279.

⁴⁴ Российское законодательство... Т. I. С. 64.

покровительствовал ростовщикам⁴⁵. Результатом его ростовщической политики и стало народное восстание, произошедшее в Киеве после смерти Святополка в 1113 г.

3. Устав Владимира Всеволодовича Мономаха открывается статьями 53-66. Появление данных законодательных актов было обусловлено необходимостью укрепления позиций господствующего класса ценой некоторых уступок восставшим горожанам и крестьянам⁴⁶. Статья 53 сообщает, что Владимир Всеволодович вместе со своей дружиной и представителями феодальной знати принял данный устав в Берестове. Л.В.Черепнин считает, что в Берестове был принят только закон о резах, смягчающий условия взимания процентов и ограничивающий ростовщичество (что и требовали восставшие). Дальнейшие же положения Устава были разработаны позднее, когда Мономах уже был киевским князем⁴⁷. В Уставе Владимира Всеволодовича особый интерес представляют статьи о закупах (ст.56-62) и холопах (ст.63, 65, 66). В них определяется социальный статус закупа и холопов, регламентируются их взаимоотношения с господином. Очевидно, появление статей о закупах и холопах – это тоже реакция на события 1113 г., т.к. в восстании принимали участие не только горожане, но и крестьянские массы.

4. За Уставом Мономаха следует дополнительный Устав князя Святослава (1072 г.), не вошедший в правовой кодекс 1097 г. из-за отрицательного отношения к съезду в Любиче сына Святослава – Олега. В Пространную редакцию Русской Правды он вошёл статьями 67-73 и 75-85, и включение его в текст относится ко времени правления в Киеве внука Святослава и сына Олега – князя Всеволода Ольговича Черниговского (1139-1146 гг.)⁴⁸. Данный Устав, регулируя социальные взаимоотношения в феодальных имениях собственников разных категорий, обеспечивал правопорядок в княжеских сёлах.

⁴⁵ Памятники русского права. С. 19.

⁴⁶ Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси... С. 236.

⁴⁷ Там же. С. 237.

⁴⁸ Там же. С. 258.

Л.В.Черепнин выделяет статьи 90-95, 98-106 в самостоятельный устав, посвященный наследственному праву. О времени его составления судить трудно. В нём содержатся положения, датируемые ещё X в. И все же исследователь относит создание этого документа ко времени составления Устава Всеволода Ольговича и связывает окончательное его оформление с именем князя Изяслава Мстиславича⁴⁹.

5. Последние два блока статей, входящих в Пространную Русскую Правду, связываются с законотворческой деятельностью князей Владимиро-Суздальской земли. Статьи 74, 86 – 89, 96, 97, 107, 109 определяют размеры пошлин, взимаемых лицами, выполняющими судебно-административные обязанности. Статьи 110 – 121 представляют собой Устав о холопстве. Л.В. Черепнин относит создание этих статей к деятельности владимирского великого князя Всеволода Юрьевича. Поводом для принятия данного законодательства послужили события 70-х годов XII в. и прежде всего восстание 1174 – 1175 гг., приведшее к гибели Андрея Боголюбского⁵⁰.

Встаёт вопрос: когда, где и при каких обстоятельствах все эти блоки статей были объединены воедино, т.е. когда была собственно создана Пространная Русская Правда?

Л.В. Черепнин создание Пространной Русской Правды относит к началу XIII в. Произошло это, по его мнению, в Новгороде после восстания 1209 г.⁵¹ Эту же точку зрения поддерживает и М.Н. Тихомиров.⁵²

Относительно Сокращённой Правды можно сказать, что большинство исследователей считает ее простым сокращенным вариантом Пространной Русской Правды, относящимся к более позднему времени. Поэтому в курсе истории отечества она не изучается и в данной хрестоматии не анализируется.

II. Русская правда

⁴⁹ Там же. С. 265.

⁵⁰ Там же. С. 272, 274.

⁵¹ Черепнин Л.В. Общественно-политические отношения в Древней Руси... С. 236.

⁵² Тихомиров М.Н. Пособие для изучения... С. 24.

КРАТКАЯ РУССКАЯ ПРАВДА

(Печатается по книге: Российское законодательство X-XX вв. В 9 т. Законодательство Древней Руси. Т. I. М., 1984)

1. Если человек убьёт человека, то мстит брат за брата, сын за отца или двоюродный брат, или племянник со стороны сестры; если не будет никого, кто бы отомстил, положить 40 гривен за убитого; если (убитый) будет русин, гридин, купчина, ябедник, мечник или же изгой и словенин, то положить за него 40 гривен.

2. Если кто-либо будет избит до крови или до синяков, то не искать этому человеку свидетелей; если же на нём не будет никаких следов (побоев), то пусть придут свидетели, если же не может (привести свидетелей), то делу конец; если же за себя не может мстить, то пусть возьмет себе с виновного 3 гривны вознаграждения потерпевшему, да ещё плату лекарю.

3. Если же кто кого ударит батоном, жердью, ладонью, чашей, рогом или мечом плашмя, то (платить) 12 гривен; если его не настигнут, то он платит, и на этом дело кончается.

4. Если (кто-либо) ударит мечом, не вынув его (из ножен), или рукоятью, то платить 12 гривен вознаграждения потерпевшему.

5. Если же (кто-либо) ударит (мечом) по руке, и отвалится рука или отсохнет, то (платить) 40 гривен.

6. Если нога останется цела, но начнёт хромать, тогда пусть смиряют (виновного) домочадцы (раненого).

7. Если же (кто) отсечёт (кому-либо) какой-нибудь палец, то (платить) 3 гривны вознаграждения потерпевшему.

8. А за (выдернутый ус) платить 12 гривен, а за клоч бороды – 12 гривен.

9. Если же кто обнажит меч, но не ударит (им), то он положит гривну.

10. Если же человек пихнёт человека от себя или к себе, (то платить) 3 гривны, если выставит двух свидетелей; но если (побитый) будет варяг или колбяг, то (пусть сам) идет к присяге.

11. Если же челядин скроется у варяга или у колбяга, а его в течение трёх дней не вернут (прежнему господину), то опознав его на третий день, ему (т.е. прежнему господину) взять своего челядина, а (укрывателю платить) 3 гривны вознаграждения потерпевшему.

12. Если кто поедет на чужом коне, без спросу, то платить 3 гривны.

13. Если кто возьмёт чужого коня, оружие или одежду, а (хозяин) опознает (их) в своём мире, то пусть он возьмёт своё, а (вору платить) 3 гривны вознаграждения потерпевшему.

14. Если кто опознает (свою вещь у кого-либо), то нельзя ему ее взять, говоря (при этом): «моё», но пусть скажет: «пойди на свод», (выясним), где взял её; если (тот) не пойдёт, то пусть (выставит) поручника, (что явится на свод) не позднее пяти дней.

15. Если где-нибудь (кто) взыщет с кого-либо остальное, а тот начнёт запираяться, то идти ему (с ответчиком) на свод перед 12 чело-веками; и если окажется, что злонамеренно не отдавал (предмет иска), то (за искомую вещь) следует (заплатить) ему, т.е. потерпевшему деньгами и (сверху того) 3 гривны вознаграждения потерпевшему.

16. Если кто, опознав своего (пропавшего) челядина, захочет взять его, то отвести (его). к тому, у кого он был куплен, а тот отправляется ко второму (перекупщику), и когда дойдут до третьего, то пусть скажет ему: «ты мне отдай своего челядина, а своих денег ищи при свидетеле».

17. Если холоп ударит свободного человека и убежит в хоромы, а господин не захочет его выдать, то господину холопа забрать себе и заплатить за него 12 гривен; а после того, если где-либо найдёт холопа побитый им человек, пусть его убьёт

18. А если (кто) ломает копье, щит или (испортит) одежду и захочет их оставить у себя, то(хозяину) получить (за это компенсацию) деньгами; если же, что-нибудь сломав, попытается (сломанное) воз-

вратить, то заплатить ему деньгами, сколько (хозяин) дал при покупке этой вещи.

Закон, установленный для Русской земли, когда собрались Изяслав, Всеволод, Святослав, Коснячко Перенег, Микыфор Киевлянин, Чудин Микула.

19. Если убьют дворецкого, мстя за (нанесённую им) обиду, то убийце платить за него 80 гривен, а людям (платить) не нужно, а (за убийство) княжеского подъездного (платить) 80 гривен.

20. А если убьют дворецкого в разбое, а убийцу (люди) не будут искать, то виру платит вервь, в которой найден труп убитого.

21. Если убьют дворецкого (за кражею) в доме или (за кражею) лошади или за кражею коровы, то пусть убьют (его), как собаку. Такое же установление (действует) и при убийстве тиуна.

22. А за (убитого) княжеского тиуна (платить) 80 гривен.

23. А за (убийство) старшего конюшего при стаде (платить) 80 гривен, как постановил Изяслав, когда дорогобужцы убили его конюха.

24. А за убийство княжеского старосты, ведавшего селами и пашнями, (платить) 12 гривен.

25. А за (убийство) княжеского рядовича (платить) 5 гривен.

26. А за (убийство) смерда или холопа платить 5 гривен.

27. Если (убита) раба-кормилица или дядька-воспитатель, то платить 12 гривен.

28. А за княжеского коня., если он с клеймом, (платить) 3 гривны, а за смердьего – 2 гривны, за кобылу – 60 резан, а за вола – гривну, за корову – 40 резан, а за трёхлетку – 15 кун, за двухлетку – полгривны, за телёнка – 5 резан, за ягнёнка – ногата, за барана – ногата.

29. А если (кто-либо) уведёт чужого холопа или рабу, (то) он платит 12 гривен вознаграждения потерпевшему.

30. Если же придёт разбитый до крови или до синяков человек, то не искать ему свидетелей.

31. А если (кто-либо) украдет коня или волов или (обокрадет) дом, да при этом крал их один, то платить ему гривну (33 гривны) и

тридцать резан, если воров будет 18 (? даже 10), то (платить каждому) по три гривны и по 30 резан платить людям (? княжеским).

32. А если подожгут княжескую борть или выдернут (из нее) пчел, (то платить) 3 гривны.

33. Если без княжеского распоряжения будут истязать смерда, (то платить) 3 гривны за обиду: а за(истязание) огнищанина, тиуна и мечника – 12 гривен.

34. А если (кто-либо) перепашет межу или уничтожит межевой знак на дереве, то (платить) 12 гривен вознаграждения потерпевшему.

35. А если (кто-либо) украдет ладью, то за ладью платить 30 резан, а штрафа 60 резан.

36. А за голубя и за курицу (платить) 9 кун, а за утку, за журавля и за лебедя – 30 резан; а штрафа 60 резан.

37. А если украдут чужого пса, ястреба или сокола, то (платить) вознаграждения потерпевшему 3 гривны.

38. Если убьют вора на своем дворе или в доме или у хлева, то так тому и быть; если же додержали (его) до рассвета, то отвести его на княжеский двор; а если же (его) убьют, и люди видели (его) связанным, то платить за него.

39. Если украдут сено, то (платить) 9 кун; а за дрова 9 кун.

40. Если украдут овцу, козу или свинью, притом одну овцу украли 10 (человек), то пусть положат по 60 резан штрафа (каждый); а задержавшему (вора платить) 10 резан.

41. А из гривны мечнику (полагается) куна, а в десятину 15 кун, а князю 3 гривны; а из 12 гривен – задержавшему вора 70 кун, а в десятину 2 гривны, а князю 10. гривен.

42. А вот установление для вирника: вирнику (следует) взять в неделю 7 ведер солоду, а также барана или полтуши мяса или две ногаты; а в среду резану или сыры; также в пятницу, а хлеба и пшена (взять) сколько могут поесть, а кур (брать) по две в день; поставить 4 коня и кормить их досыта; а вирнику (платить) 60 гривен, 10 резан и 12 веверин; а при въезде гривну; если же потребуется во время поста (ему) рыбы, то взять за рыбу 7 резан; итого всех денег 15 кун; а хлеба

(давать), сколько могут съесть; пусть вирники соберут виру в течение недели. Вот таково распоряжение Ярослава.

43. А вот подати (установленные для) строителей мостов: если построят мост, то взять за работу ногату и от каждого пролета моста ногата; если же починили несколько досок старого моста – 3, 4 или 5, то брать столько же.

Пространная русская правда Суд Ярославль Володимеричь Правда Русьская

1. Если человек убьёт человека, то мстит брат за брата, сыну за отца, отцу за сына, или племяннику как по брате, так и по сестре. Если же некому мстить, то с убийцы взыскать деньгами; за голову мужа или тиуна княжеского 80 гривен; за убитого русина или гридина, или купца, или боярского тиуна, или мечника, или изгоя или словенина взыскивается 40 гривен.

2. После смерти Ярослава собрались сыновья его: Изяслав, Святослав, Всеволод со своими боярами Коснячко, Перенегом и Никифором и отменили мщение смертью за убийство, установив выкуп деньгами; во всем же ином как судил Ярослав, так решили судить и сыновья его.

3. Если кто убьёт княжеского мужа в результате разбойничьего нападения, а убийцу люди не ищут, то виру – 80 гривен – платит та община, на территории которой обнаружен убитый. Если же будет убит простой человек, то община за его убийство платит 40 гривен.

4. Если какая-либо вервь начнёт платить дикую виру, то (пусть) заплатит её, во сколько лет сможет, ибо платит без (участия) убийцы.

5. Если убийца из (числа членов) верви окажется налицо, то им (следует) помогать ему (в платеже виры), ибо он сам приплачивает за других (в таких же случаях). Если (платится) дикая вира, то сообща платится 40 гривен, а головничество – сам убийца, выплачивая (также) совместно с другими в 40 гривнах свою часть.

6. Если же (кто) совершил убийство открыто во время ссоры или на пиру, то теперь он платит вместе с вервью, (поскольку и сам он) участвует в общинных платежах (дикой) виры.

7. Если (кто) совершит беспричинное умышленное убийство. Если (кто) совершит умышленное убийство (к тому же) не во время какой-либо ссоры, то за преступника люди не платят (виру), а выдадут его самого (вместе) с женою и детьми на поток (т.е. для продажи их в рабство, изгнания?) и для конфискации всего имущества.

8. Если кто не участвовал в платежах дикой виры, то и ему люди не помогают (в уплате виры, которою) он пусть платит сам.

9. А вот установление для вирника, существовавшее при Ярославле: вирнику взять в неделю 7 ведер солоду, (а) также барана или полтуши мяса или 2 ногаты; а в среду – куну или сыр, также и в пятницу, а кур ему по две на день, а хлебов 7 на неделю, пшена 7 уборков, гороху 7 уборков; соли 7 головок; все это (полагается) вирнику с отроком; а коней (поставить им) 4, коней кормить овсом; вирнику (платить) 8 гривен и 10 кун перекладных, а метельнику 12 векш; а при въезде – гривну.

10. *О вирах.* Если будет вира в 80 гривен, то (платить) вирнику 16 гривен 10 кун и 12 векш, а при въезде – гривну, а за мертвое тело 3 гривны.

11. *О княжеском отроке.* Если (убьют) княжеского отрока, или конюха, или повара, то (платить) 40 гривен.

12. А за (убийство) дворецкого или конюшего (платить) 80 гривен.

13. А за (убийство) княжеского тиуна, ведавшего сёлами или пашнями (платить) 12 гривен.

14. А за (убийство) рядовича (платить) 5 гривен. Также (платить) и за боярского (рядовича).

15. *О ремесленнике и ремесленнице.* А за убийство ремесленника или ремесленницы (платить) 12 гривен.

16. А за убийство пашенного холопа (платить) 5 гривен, а за рабу – 6 гривен.

17. А за (убийство) кормильца (платить) 12 гривен, также и за кормилицу (таким образом без различия), холоп это будет или раба.

18. *Об обвинении в убийстве по подозрению.* Если кого-либо будут обвинять в убийстве по подозрению, то пусть выставят семь свидетелей, которые снимут (это) обвинение в убийстве, если (обвиняемый) будет варяг или какой-либо другой (иноземец), то выставить двух (свидетелей).

19. А за кости и за мертвеца, имя которого не известно, вервь не платит.

20. Если кто-либо отведёт от себя подозрение в убийстве. Но если (кто-либо) и отведёт от себя подозрение, то (всё равно он платит) отроку гривну кун за снятие обвинения, а тот, кто его обвинял, должен дать другую гривну; да за помощь, оказанную при снятии обвинения в убийстве, 9 кун.

21. Если (ответчик) станет искать свидетелей и не найдёт (их), а истец будет обвинять (его) в убийстве, то пусть дело решится испытанием железом.

22. Так же и во всех делах, о воровстве и (делах) по подозрению (в воровстве), если нет поличного, а иск не менее полугривны золотом, то подвергать насильно его (т.е. обвиняемого) испытанию железом когда же (иск) менее, то, если до двух гривен, подвергать испытанию водой, а если ещё меньше, то для получения своих денег истцу (достаточно) присягнуть.

23. Если кто ударит (кого-либо) мечом, не вынув его (из ножен), или рукоятью, то (платить) 12 гривен.

24. Если же вынет меч (из ножен), но не ударит (им), то (платить) гривну кун.

25. Если кто ударит кого-либо батогом, чашей, рогом или мечом плашмя, то (платить) 12 гривен.

26. Если же (он), не стерпев, (в отместку) ударит того (т.е. обидчика) мечом, то этого ему в вину не ставить.

27. Если же (кто) ударит (мечом) по руке и отвалится рука, или отсохнет, или отсечёт ногу или глаз (выколет), то (платить) полувирые – 20 гривен, а тому (т.е. потерпевшему) за увечье 10 гривен.

28. Если (кто) отсечет (кому-либо) какой-нибудь палец, то (платить) князю 3 гривны штрафа, а самому (т.е. потерпевшему) гривну кун.

29. Если придёт избитый до крови человек. Если придет избитый до крови или до синяков человек, то не искать ему свидетелей, но пусть обидчик заплатит 3 гривны штрафа; если на нём не будет следов (побоев), то привести для подтверждения (своих) слов свидетелей; а кто начал (драку), тому платить 60 кун; если даже он, начав (драку), придёт избитый до крови, и подтвердят это свидетели, то всё равно платит, несмотря на то, что был избит.

30. Если (кто) ударит (кого-либо) мечом, а не зарубит на смерть, то (платить) 3 гривны, а самому (потерпевшему) заплатить гривну за лечение раны; зарубит ли на смерть, тогда (платить) виру.

31. Если человек пихнет человека к себе либо от себя или ударит по лицу или палкой ударит, то (платить) 3 гривны штрафа, если будут выставлены два свидетеля; но если (побитый) будет варяг или колбяг, то свидетелей вывести сполна и пойти к присяге.

32. *О челяди.* Если челядин скроется (у кого-либо) и (об его пропаже) объявят на торгу и в течение трёх дней (после этого) не вернут его (прежнему господину), то, опознав его на третий день, он (т.е. прежний господин) (может) взять своего челядина, а тому (т.е. укрывателю) платить 3 гривны штрафа.

33. Если кто-либо сядет на чужого коня. Если кто-либо сядет на чужого коня без спросу, то (платить) 3 гривны.

34. Если у кого пропадёт конь, оружие или одежда, и (потерпевший об этом) объявит на торгу, то потом, опознав (пропавшее в своём городе, он может взять свою вещь, имеющуюся налицо, а штрафа заплатит он (т.е. виновный) 3 гривны.

35. Если кто опознает свою вещь, потерянную им или украденную у него, (а именно) коня, одежду или скотину, то ему не (следует) говорить «это моё», но (пусть скажет так) «пойди на свод, (выясним),

где ты взял (её)». Если на своде выявится (тот), кто виновен (в присвоении чужой вещи), то на того и падёт ответственность за воровство; тогда он (т.е. истец) возьмёт свою вещь, ему же будет платить виновный и за то, что пропало вместе с обнаруженной вещью; если будет конокрад, то выдать его князю на поток (т.е. для продажи в рабство? изгнания?); если же будет обыкновенный вор, то ему платить 3 гривны.

36. *О своде.* Если свод будет только в одном городе, то истцу довести его до конца; если захватит свод и земли (тянущие к городу), то ему идти до третьего ответчика, а третий платит ему деньгами за наличное (т.е. обнаруженную вещь), с которым идут ко конца свода, а истец ждёт остального (т.е. того, что не обнаружено); когда же дойдёт дело до последнего (ответчика), то тот к платит всё, включая и штраф.

37. *О воровстве.* Если же (кто) купил на торгу что-нибудь краденое (а именно) коня, одежду или скотину, то пусть выставит двух свободных человек или мытника; если не знает, у кого купил (краденое), то эти свидетели должны присягнуть в его пользу, а истец – взять обнаруженную вещь; а с тем, что пропало вместе с ней, пусть простится, ответчик же пусть простится со своими деньгами (заплаченными за краденое), ибо сам (виноват, что) не знает, у кого покупал это (т.е. краденое): если опознает впоследствии (того), у кого покупал это (т.е. краденое), то пусть возьмёт свои деньги (с него), а тот пусть платит и за пропавшее (вместе с обнаруженной вещью) и штраф князю.

38. Если опознает кто (свою) челядь. Если кто опознает и возьмёт своего украденного челядина, то он (должен) вести его согласно деньгам (полученным при его перепродаже) до третьего ответчика, (уж кого он) берёт челядина вместо (своего) челядина, а этому (ответчику) дать опознанного, пусть ведёт свод до конца, ибо это (т.е. челядин) не скот, и нельзя сказать «не знаю, у кого купил», но (следует) согласно показаниям (челядина) идти до конца (свода), а когда окончательно будет найден вор, то возвратить (опознанного) челядина (его хозяину), третьему ответчику взять своего (челядина), а вор

платит убытки (хозяину) за украденного челядина и князю 2 гривен штрафа.

39. Осводе же. А из своего города в чужие земли свода нет, но также (слдует) ему (т.е. ответчику) выставить свидетелей или мытника, перед кем совершал покупку, и взять опознанную вещь, а с остальным, что пропало вместе с ней, (нужно) проститься, а тому (т.е. перекупщику) проститься со своими деньгами (заплаченными за опознанную вещь).

40. *О воровстве.* Если кого-либо убьют (за кражею), в доме или (вообще) во время какой-нибудь кражи, то пусть убьют (его) как собаку; если же додержат до рассвета, то вести (его) на княжеский двор; если же убьют его и люди видели (его) уже связанным, то платить за него 12 гривен.

41. Если кто крадет скот из хлева или (обокрадет) дом, то если совершал кражу один, платить ему 3 гривны и 30 кун, если крали несколько (воров), то (также) каждому платить по 3 гривны и 30 кун.

42. *О воровстве же.* Если (кто) крадет скот с поля или (крадет) овец, коз или свиней, (то платить) 60 кун, если крали несколько (воров), то каждому (платить) по 60 кун.

43. Если обокрадут гумно или (украдут) зерно в яме, то сколько бы (воров) не совершало кражу, каждый из них платит по 3 гривны и по 30 кун.

44. Тот же, у кого пропала его вещь, возьмёт её, если она окажется налицо, (сверх того) возьмёт за (каждый) год, (прошедший с момента её пропажи), по полугривне.

45. Если же наличного не будет, то за княжеского коня платить 3 гривны, а за других – 2 гривны.

А вот установленные расценки за скот: лошадь 60 кун, за вола гривну, а за корову 40 кун, а за трехлетку 30 кун, за двухлетку полгривны, за теленка 5 кун, за свинью 5 кун, за поросенка ногата, за овцу 5 кун, за барана ногата, за необъезженного жеребца гривну кун, за жеребца 6 ногат. Таковы расценки, установленные смердам (на те случаи), когда они платят князю штраф.

46. *Если окажется холопы ворами, то судит князь.*

Если окажутся холопы ворами – княжеские, боярские и церковные, то их князь штрафом не наказывает, поскольку они не свободны, но пусть их хозяин платит вдвойне вознаграждение потерпевшему истцу.

47. *Если кто взыщет деньги (с кого-либо).* Если кто станет взыскивать с другого деньги, а тот начнёт заператься, и если он (т.е. истец) выставит свидетелей и те присягнут, то он может взять свои деньги; (а) так как (должник) не отдавал ему деньги в течение ряда лет, то заплатить вознаграждение заимодавцу (размером) в 3 гривны.

48. Если какой-либо купец даст купцу денег на оптовую или мелкую торговлю, то поскольку деньги берутся купцом в отсутствие свидетелей, ему (т.е. истцу) не нужны свидетели (и для взыскания их), но (следует) ему самому присягнуть, если (ответчик) начнет заператься.

49. *О товаре, данном на сохранение.* Если кто кладет у кого-либо товар на сохранение, то при этом свидетели не нужны; если же (положивший на хранение) станет взыскивать больше (чем сам отдал), то пусть присягнет тот, у кого находился товар (на сохранении, заявляя, что) «ты у меня положил лишь столько (не более)», ибо (он) уже тем ему (т.е. истцу) оказывал благодеяние, что хранил его товар.

50. *О проценте.* Если кто даст деньги под проценты, мед с условием наддачи, зерно с условием надбавки, то ему (следует) выставить свидетелей (и), как договорился, так пусть и получает.

51. *О месячном проценте.* А месячный процент взимать ему (т.е. кредитору) только в течение небольшого срока, если не будут выплачены деньги в установленный срок, то пусть дают процент из расчёта на два третий (т.е. 50%), а месячный процент аннулируется.

52. Если не будет (выставлено) свидетелей, а (иск) будет (в) 3 гривны, то достаточно ему (т.е. заимодавцу) для (взыскания) своих денег присягнуть, если (иск) будет касаться большей суммы, то (следует) ему так сказать: "Сам виноват, что не выставлял послухов (при отдаче денег займы)".

53. *Устав Владимира Всеволодовича.* А вот (как) постановил Владимир Всеволодович после (смерти) Святополка, созвав в Берестове свою дружину: Ратибора, киевского тысяцкого, Прокопия, белгородского тысяцкого, Станислава, переяславского тысяцкого, Нажира, Мирослава, Иванка Чудиновича мужа (князя) Олега; и постановили (они), что если кто берет деньги (под проценты из расчета) на два третий, то (братъ ему) до третьего платежа процентов; если кто-либо возьмет проценты дважды, то тогда он может получить и (сами) деньги (отданные под проценты), если возьмет проценты трижды, то (этих) денег ему не получать.

О проценте. Если кто-либо взимает ежегодно по 10 кун на гривну, то это не воспрещается.

54. *Если какой-либо купец потерпит кораблекрушение.* Если какой-либо купец, отправившись с чужими деньгами, где-нибудь потерпит кораблекрушение или подвергнется нападению неприятеля, или (его) настигнет пожар, то не творить над ним насилия, не продавать (его и его имущество), но пусть, как начнёт (выплачивать долг) погодно, так и платит, ибо это несчастье от бога, а он (т.е. купец) не виновен, если же он пропъется или проиграется, в (своем) безумии нанеся ущерб чужому товару, то пусть будет, как угодно тем, чьим был тот товар, ждут ли (пока он возместит сам ущерб) – на то их воля; продадут ли (его и его имущество) – на то (также) их воля.

55. *О долге.* Если кто-либо должен будет многим, а крупный иногородний или чужеземный купец, приехав, не зная этого, отдаст ему (свой товар), а (тот) не захочет отдать купцу деньги, к тому же первые заимодавцы станут препятствовать (этому), не давая денег, – тогда отвести его (т.е. должника) на торг, продать (его имущество и его самого), затем отдать вначале деньги (иноземного или иногороднего) купца, а местные (пусть) поделятся теми деньгами, которые останутся; если же будут (за должником). княжеские деньги, то деньги князя возратить вначале, а остальное (поступит) в раздел; если кто взимал неоднократно проценты (с должника), то тот не должен ничего получать.

56. *Если закуп убежит.* Если закуп убежит от господина, то он становится обельным (холопом); если уйдет на поиски денег, притом открыто, или убежит ко князю или судьям из-за обиды, нанесенной ему господином, то за это его не порабощать, но дать ему управу по закону.

57. *О закупе же.* Если у господина (будет) пашенный закуп и погубит (тот) хозяйского коня, то (он) не платит ему (т.е. господину), но если господин дал ему плуг и борону, взимая от него платежи в счет купы, то (закуп), погубив их (т.е. плуг и борону), платит; если же господин отошлет его на свою работу, а без него (конь) погибнет, то за это ему (т.е. закупу) не платить.

58. *О закупе же.* Если (коня) выведут из хлева, то закупу за него не платить; но если же погубит (его) на поле, или в двор не введет и не запрет, где ему велит господин, или погубит во время своей собственной работы, то за это ему платить.

59. Если господин обидит закупа, причинив вред его купе или отарице, то все это ему вернуть и уплатить за обиду 60 кун.

60. Если же (господин) возьмет с него (т.е. закупа) больше денег (чем полагалось), то ему (следует) возвратить назад взятые (сверх положенного) деньги и заплатить за обиду князю 12 гривен штрафа.

61. Если господин продаст закупа в обельные (холопы), то наймит получает свободу от всех денежных обязательств (по отношению к хозяину), а господин за обиду платит 12 гривен штрафа.

62. Если господин бьет закупа за дело, то этого (ему) в вину не ставить; если же побьет бессмысленно, будучи пьяным, без (какой-либо) вины (со стороны закупа), то тогда за (избиение) закупа устанавливается такой же платеж, как и за (избиение) свободного.

63. *О холопе.* Если обельный холоп уведет чьего-либо коня, то платить за него 2 гривны.

64. *О закупе.* Если закуп украдет что-либо, то господин, (отвечает) за него; но если где-нибудь его (т.е. закупа) найдут, то господин, заплатив вначале за коня или за что-либо другое взятое им, его самого (обращает) в обельные холопы; и если же господин не захочет пла-

тить за него и продаст его, то пусть вначале отдаст за коня, за вола, за чужой товар, взятый им (т.е. закупом), а оставшееся после выплаты за краденое может взять самому себе.

65. А вот если холоп ударит. Если холоп ударит свободного человека и убежит в хоромы, а господин его не выдаст, то господин платит за него 12 гривен; а если после того найдет тот побитый (человек) своего оскорбителя, то Ярослав постановил, что он мог его убить, но сыновья его (т.е. Ярослава) после (смерти) отца установили денежные штрафы: либо публично высесть его (т.е. холопа) либо взять за бесчестье деньгами.

66. *О свидетельстве.* На свидетельство холопа не ссылаться; не будет свободного (человека в качестве свидетеля), то при необходимости (можно) сослаться на боярского тиуна, а на других не ссылаться. А при небольшом иске по необходимости (можно) сослаться на закупа.

67. *О бороде.* А (если) кто вырвет (у кого) клоч бороды и останется знак (от этого), к тому же будут свидетели, то (платить) 12 гривен штрафа; если свидетелей не будет, а (будет) только (одна) жалоба, то князю штрафа не платить.

68. *О зубе.* Если (кому-либо) выбьют зуб и можно (будет) увидеть у него во рту кровь, к тому же еще будут свидетели, то (платить) 12 гривен штрафа и за зуб гривну.

69. Если кто украдет бобра, то (платить) 12 гривен.

70. Если будет разрыта земля или (останутся) признаки ловли или сеть, (то следует) или искать в верви вора или платить штраф.

71. *Если кто уничтожит знак собственности на борти.* Если (кто) уничтожит знак собственности на борти, то (платить) 12 гривен.

72. Если (кто) срубит знак бортной (межи) или распашет пашенную межу или тыном перегородит дворовую, то (платить) 12 гривен штрафа.

73. Если (кто) подрубит дуб со знаменем или межевой, то (платить) 12 гривен штрафа.

74. А вот накладные пошлины. А вот накладные пошлины (о) 12 гривен (штрафа): отроку 2 гривны и 20 кун, а самому ехать с отроком на двух конях, (которых) кормить овсом; (им следует) дать также овцу или полтуши мяса, а иным кормом кормить досыта; писцу (дать) 10 кун, перекладного 5 кун, за пергамент 2 ногаты.

75. *А вот о борти.* Если (кто) подрубит борт, то (платить) 3 гривны штрафа, а за дерево полгривны.

76. Если (кто) выдерет (из борти) пчел, то (платить) 3 гривны штрафа, а за мед, если пчёлы не приготовлены на зимовку, то (платить) 10 кун, если улей был уже приготовлен – то 5 кун.

77. Если вора не будет (сразу обнаружено), то искать (его) по следу; если не будет следа к (частновладельческому) селу или к торговому стану, а (люди, т.е. члены верви) не отведут следа от себя. и не поедут по следу (разыскивать вора) или воспротивятся (разысканию вора у них), то они платят и убытки, причиненные воровством, и штраф; если же (при разыскании) след затеряется на большой дороге (где) и села (поблизости) не будет, или на пустыре, где не будет ни села, ни людей, (то им) не следует платить ни убытки за воровство, ни штраф.

78. *О смерде.* Если смерд истязает смерда без княжеского распоряжения, то (платить) 3 гривны штрафа, а за истязание гривну денег, если истязает огнищанина, то (платить) 12 гривен штрафа и за истязание гривна.

79. Если (кто) украдёт ладью, то (платить) 60 кун штрафа, а самую ладью вернуть (хозяину), за морскую ладью (платить) 3 гривны, за набойную – 2 гривны, за челн 20 кун, за струг – гривна.

80. *О силках.* Если кто подрежет верёвку в силках, то (платить) 3 гривны штрафа, а господину за веревку – гривну денег.

81. Если кто украдет в чьих-либо силках ястреба или сокола, то (платить) 3 гривны штрафа, а господину гривна; а за голубя (платить) 9 кун, за курицу 9 кун, за утку 30 кун, за гуся 30 кун, за лебедя 30 кун, за журавля 30 кун.

82. А за сено и за дрова (платить) 9 кун, а господину взимать, сколько бы ни было возов украдено за воз по 2 ногаты.

83. *О гумне.* Если (кто) подожжет гумно, то (выдать) его на поток (для продажи в рабство? изгнания?), а его имущество для конфискации; сначала выплатить (потерпевшему) убытки, а остальным при потоке (продаже в рабство? изгнании?) распоряжается князь. Так же (поступать) если кто-либо подожжет двор.

84. Если кто злонамеренно зарежет коня или скотину, (платить) штрафа 12 гривен, а господину платиь вознаграждение за ущерб.

85. Все эти тяжбы решаются показаниями свидетелей из числа свободных (людей); если случится свидетелем быть холопу, то на суде ему не выступать, но если захочет истец подвергнуть ответчика испытанию (железом), то сказав так: «согласно показаниям этого (холопа), я беру тебя (для испытания железом), но беру тебя я, а не холоп», (он может) взять его (т.е. ответчика) для испытания железом; если удастся обвинить его, то он (т.е. истец) получает с него свое; не удастся обвинить его – платить ему за истязание гривну, ибо взял его (для испытания) согласно показаниям холопа.

86. А пошлин за испытание железом платить 40 кун, мечнику 5 кун, детскому пол гривны; вот таковы пошлины, (взимающиеся) при испытании железом, кто за что получает.

87. Если (кто) возьмет (кого-либо) для испытания железом, согласно показаниям свободных людей, или по подозрению, (лежащему) на нем, или (на основании того), что (его) видели ночью (около места преступления), то за истязание ему (не следует) платить, но кто его взял (для испытания), платит только пошлины за испытание железом.

88. *О женщине.* Если кто убьет женщину, то (его следует) судить по тому же закону, как и при убийстве мужчины; если (обвиняемый в убийстве) будет виновен, то (платит) половину виры – 20 гривен.

89. А за (убийство) холопа и рабы вира не взыскивается, но если холоп или раба убиты безвинно, то за них платится возмещение убытка (хозяина) и князю 12 гривен штрафа.

90. *Если умрет смерд.* Если умрет смерд, то его наследство (идет) князю; если у него в доме будут дочери, то им (следует) дать выдел; если они будут замужем, то выдела им не давать.

91. *О наследстве бояр и дружинников.* Если (кто-либо) умрет из бояр или из дружины, то наследство князю не идет; если же (у умершего) не будет сыновей, то пусть возьмут (наследство) дочери.

92. Если кто, умирая, разделит свое имущество детям, то пусть так и будет; если же (он) умрет без завешания, то (имущество идет) всем детям, а на помин души самого (умершего) дать выдел.

93. Если жена после (смерти) мужа останется во вдовах, то ей дать выдел, она же является госпожой того, что ей завещал муж, но до (самого): наследства мужа ей дела нет.

94. Если останутся дети от первой жены, то они возьмут то (что причитается) их матери; если даже их умерший отец завещал (это имущество другой) жене, все равно они возьмут себе (причитающееся) их матери.

95. Если останется дома (незамужней) сестра (у сыновей умершего), то та в наследстве не участвует, но братья отдадут ее замуж сообразно с их достатком.

96. *А вот (подати взимающиеся) при закладке города.* А вот подати строителю города: при закладке звена (крепостной стены) взять куну, а при окончании (работы) – ногату; а на корм, питье, на мясо и на рыбу (взять) в неделю 7 кун, 7 хлебов, 7 уборков пшена и на 4 коней 7 лукон овса; (это все) пусть он взимает до тех пор, пока не будет срублен город; а одного только солоду дадут (ему) 10 лукон.

97. *О мостниках.* А вот подати строителю мостов: при потроении моста взимать ему по ногате за (каждые) 10 локтей (моста); если починит старый мост, то взять ему за каждый пролет по куне, сколько бы пролетов ни починил; а строителю моста (следует) ездить с отроком на двух конях, (которым давать) 4 лукна овса в неделю, а кормить (его) досыта.

98. *А вот (установление) о наследстве.* Если останутся у (какого-либо) человека дети от рабы, то они в наследстве не принимают участия, но получают вместе с матерью свободу.

99. Если останутся в доме (после смерти отца) малолетние дети и не будут еще свободны сами о себе позаботиться, а их мать выйдет (снова) замуж, то дать их вместе с движимым и недвижимым имуществом под опеку ближайшему родичу до тех пор, пока не подрастут; (при этом) товар передать (опекуну) в присутствии свидетелей; а что (в дальнейшем) он наживет, отдавая тот товар под проценты, или пуская его в торговый оборот то, возвратив им (т.е. опекаемым) самый товар, пусть он возьмет себе прибыль, ибо кормил и заботился о них; если же будет приплод от челяди или от скота, то это все взять (опекаемым); если же он что-либо утратил, то за все ему (следует) заплатить тем самым детям наличностью; если даже отчим возьмет под опеку детей с (их) наследством; то условия договора (будут) те же.

100. Но отцовский двор всегда без раздела (передается) младшему сыну.

101. *О жене, решившейся остаться вдовою.* Если жена после (смерти) мужа решит остаться вдовою, а расточит имущество (своего покойного мужа) и выйдет. (снова) замуж, то ей заплатить (за) все детям (покойного супруга).

102. Если дети не захотят жить с нею на (одном) дворе, а она всячески будет стремиться (там) остаться, то исполнить во всем её волю, а детям воли не давать; и при этом ей сидеть во вдовстве с тем (имуществом), что дал ей муж, или получив, свой выдел, также сидеть (во вдовстве).

103. А до выдела матери детям дела нет; кому же (свой) выдел отдаст мать, тот (его) и возьмёт; отдаст ли всем (своим детям), то все (его) разделят (между) собой; умрет ли (мать) без завещательного распоряжения, то его взять тому, у кого она жила на дворе и кто ее кормил.

104. Если останутся дети от одной матери, но от двух (разных) отцов, то одни (берут) наследство своего отца, а другие своего.

105. Если отчим расточит чье-либо (из имущества) отца своих пасынков, то (после его смерти) их (сводному) брату (т.е. сыну отчима), согласно показаниям свидетелей (следует им все) возвратить, а что (досталось) ему (по наследству) от своего отца, тем он владеет.

106. А мать (пусть) даст своё (имущество тому) сыну, который (был) добр (по отношению к ней), будь он от первого мужа, или от второго; а если все её сыновья будут неблагодарны, то может отдать (своё имущество той) дочери, которая её кормила.

107. *А вот судебные пошлины.* А вот судебные пошлины: от дела по обвинению в убийстве (платить) 9 кун, а метельнику 9 векш, с дела о бортном угоде 30 кун, а со всех иных дел (те), кому (судебные агенты) помогли (выиграть процесс, платят) по 4 куны, а судебному исполнителю (по) 6 векш.

108. *О наследстве.* Если братья станут тягаться на княжеском суде о наследстве, то детскому, который делит их (имущество), взять гривну кун.

109. *Пошлины, установленные за принесение (на суде) присяги.* А вот пошлины, установленные за принесение (на суде) присяги: с дела по обвинению в убийстве – 30 кун, а с дела о бортном угоде – 30 кун без трех; также и с дела о пашенной земле. А с дел, касающихся свободы (человека от холопства), – 9 кун.

110. *О холопстве.* Обельное холопство (бывает) трех видов: если кто купит (кого-либо), хотя бы за пол гривны, выставив свидетелей и дав (продавцу) в присутствии самого холопа (хотя бы) ногату; второе холопство – (если) женится на рабе без (предварительного) договора, женится ли согласно договору, то как будет договорено, так пусть и останется; а вот третье холопство – тиунство без (предварительного) договора, если же согласно договору; то как будет договорено, так и пусть останется.

111. А человек, отрабатывающий данные ему (в ссуду) деньги, – не холоп; нельзя поработать (его также) ни за хлеб, ни за что-либо, данное вместе с тем; но если он не отрабатает (своего) срока, то ему

(следует) вернуть полученное (от хозяина); если отработает, то ничем (ему) не обязан.

112. Если холоп убежит и господин объявит (об этом на торгу), а кто-либо, зная по наслышке или доподлинно, что тот является холопом, накормит его или поможет ему скрыться, то он (т.е. пособник) платит за холопа 5 гривен, а за рабу 6 гривен.

113. А если кто схватит чужого холопа и известит (об этом) его господина, то получить ему за поимку гривну; если не сохранит (его до передачи хозяину), то платит сам 4 гривны, а за пятую (засчитывается) гривна, (полагающаяся ему) за поимку; если же (будет) раба, то (платит) 5 гривен, а за шестую засчитывается гривна, (полагающаяся ему) за поимку.

114. Если кто сам разыщет своего холопа в каком-либо городе, а посадник о нем (т.е. холопе) не знал, то сообщив посаднику, (следует) взять у него отрока, отправиться связать его (т.е. холопа) и дать ему (т.е. отроку) 10 кун вязебного, а платы за поимку нет; если (господин холопа), упустит его, преследуя, то сам виноват, а за это никто не платит, нет также платы и за поимку.

115. Если кто, повстречав чужого (беглого) холопа, по неведению поможет ему скрыться или укроет его у себя, а он (потом) уйдет от него, то (следует) ему присягнуть, что не знал, что имел дело с холопом, а платежа за то (никакого) нет.

116. Если же холоп где-либо обманом достанет денег, а тот (т.е. давший ему эти деньги) дал (ему) по неведению, то господину выкупать (холопа) или расстаться с ним, если же дал (холопу), зная (о его холопстве), то ему расстаться со своими деньгами.

117. Если кто пошлет холопа торговать, а (он) задолжает, то господину его (следует) выкупать, а не расставаться с ним.

118. Если кто купит чужого (беглого) холопа по неведению, то первому господину (следует) взять холопа, а тому (т.е. купившему холопа) взять (свои) деньги, присягнув, что купил по неведению; (если же купил зная (о его холопстве), то деньги его пусть пропадут).

119. Если же в бегах (холоп) приобретет (какой-либо) товар, то господину (платить) за него долги), господину же и товар, а не расставаться с ним.

120. Если кто бежал, взяв при этом что-либо у соседа или (какой-нибудь) товар, то господин платит за него стоимость того, что он взял.

121. Если холоп обокрадет кого-либо, то господину выкупать его или выдать (вместе с тем), с кем (он) крал, а жену и детей (выдавать) не нужно но если (они) крали и прятали (краденое вместе) с ним, то господин всех их выдает; если же с ним крали и прятали (краденое) свободные (люди), то они (платят) князю штраф.

III. «Слово о законе и благодати митрополита Илариона»

«Слова» – как поучительный жанр были широко распространены в византийской литературе, и очень быстро на Руси появляются собственные оригинальные произведения. Среди памятников литературы середины XI века прежде всего выделяется «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Так кратко читается более развернутое название: «О законе Моисеем данеом и о благодати и истине Иисус Христом бывши. И како закон отиде, благодать же и истина всю землю исполни и вера в все языки простресея и до нашего языка русскаго. И похвала кагану нашему Влодемиру от него же крещени быхом».

Слово было составлено в промежутке между 1037 и 1050 г.г. В первом случае в «Слове» говорится о церкви Благовещения на Золотых воротах в Киеве, построенной в 1037 году, во втором – упоминается жена Ярослава Мудрого Ирина (Ингигерда), умершая в 1050 году. Д.С. Лихачев считает, что «Слово» было произнесено Иларионом в 1049 году в честь завершения строительства оборонительной стены в Киеве и позднее было записано.⁵³ Иларион, крупнейший религиозный деятель середины 11 века, ближайший сподвижник Ярослава Владимировича,⁵⁴ отличался энциклопедическим для своего времени знаниями, литературным талантом, незаурядным ораторским мастерством.

«Слово о Законе и Благодати» можно определить как своего рода религиозно-политический трактат, определяющий место молодой христианской Руси на мировой арене. Автор очень логично и последовательно выстраивает цепь доказательств равноправия христиан-

⁵³ Лихачев Д.С. Великое наследие. М., 1975, С.10

⁵⁴ О нем: Елагин В.С., Назанский В.В. Историко-биографический словарь «Повести временных лет». Новосибирск.2002,С.50.

ских народов, прославляет могущество Русской земли, подчеркивая ее высокий авторитет.

«Слово о законе и благодати» построено по очень строгому и логически продуманному плану. В нем выделяется три крупные части, идейно связанные друг с другом. Сначала идет вводная часть, в которой содержатся пространные богословские рассуждения. В них автор, умело играя на противопоставлениях, доказывает преимущество Благодати перед Законом. Закон составляет некую подоснову, на которой развивается и, без соблюдения которого не может существовать, Благодать. По Илариону, Закон – это Ветхий Завет, на основе которого расцвела Благодать – Новый Завет. Он постоянно пользуется библейскими сравнениями, так с Законом ассоциируется Агарь и ее сын Измаил, с Благодатью – Сарра и Исаак. «А образ Закона и Благодати – Агарь и Сарра, рабская Агарь и свободная Сарра, рабская прежде, потом свободная». Ветхий Завет был дан богом пророку Моисею. Он узко корпоративен и не распространяется за рамки еврейского народа. В тоже время Новый Завет, возникший на основе Ветхого, стал Благодатью и распространился на все народы, принявшие христианство. «Как отошел свет луны, когда солнце воссияло, так и Закон – перед Благодатью явившейся. И стужа ночная побеждена, солнечная теплота землю согрела» – аллегорически говорит об этом Иларион.

Во второй части «Слова» Иларион восхваляет Русь, на которую снизошла Благодать божья, благодаря вхождению ее в семью христианских народов, «...ибо вера благодатная по всей земле простерлась и до нашего народа русского дошла». И здесь автор, сопоставляет с известной мировой историей, подводит читателя к мысли о равноправии Русского государства в семье христианских стран. В каждой стране есть свои учителя, и эти народы «Чтут и славят каждый – их учителя, что научил их православной вере». Есть таковой и на Русикнязь Владимир. «Похвалим же и мы, по силе нашей, малыми похвалами великое и дивное сотворившего нашего учителя и наставника великого государя нашей земли Владимира». Владимир в «Слове»

вырастает до уровня мирового масштаба, он сравнивается с самим Константином, Крестителем «Двух Римов». Отсюда и историческая миссия, которая возлагается на молодое христианское государство. За Русью будущее. Она и раньше, благодаря мужеству и храбрости предков Владимира, его отца Святослава и деда-Игоря была широко известна «ибо не в худой и неведомой земле владычествовали, но в Русской, что ведома и слышима всеми четырьмя концами земли». Став христианской, благодаря духовному подвигу князя Владимира, Русь встала в один уровень с Византией, стала блюстителем Христианской Благодати.

Завершается вторая часть авторским обращением к Владимиру с призывом встать из гроба и посмотреть на деяния своего сына Георгия (христианское имя Ярослава). Эта часть написана с особым пафосом, необычайным поэтическим подъемом. Не надо забывать, что Иларион не только современник, но и соратник Ярослава, сообщник во всех его делах. 30-50 годы XI века можно обозначить временем двух крупнейших деятелей древнерусской истории: Ярослава и Илариона. Первый ратным трудом, «землеустройством» создал политические и экономические условия возвышения государства. Вторым необычайно много сделал для распространения христианской веры в глубь и в ширь, создания новой христианской идеологии, христианской нравственности. Не случайно в это время в трех центрах древнерусского государства (Киеве, Новгороде, Полоцке) появляются храмы, посвященные Св. Софии. Премудрость, а по Илариону Благодать, обосновалась в новой для себя родине – Руси, избрав ее таким образом как центр христианского мира. «Он дом божий великий его святой премудрость создал на святость и священие граду твоему... та церковь дивная и славная по всем окружным странам, другой такой не сыщется во всем полуночье земном», – говорит Иларион о Софийском соборе в Киеве. В «Слове о Законе и Благодати» прославляется Ярослав, он достойный продолжатель дел своего отца. Христианские семена, засеянные Владимиром дали всходы при его сыне Ярославе, насытив Русь божественной Благодатью. «Восстань, обращается Ила-

рион к гробу Владимира, ты не умер, не лепо тебе умереть, веровавшему во Христа, дающему жизнь всему миру. Отряхни сон, возведи очи, да видишь, какой тебе чести господь здесь сподобил, и на земле не беспамятной оставил в сыне твоём».

Таким образом «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона призвано было укрепить слушателей в сознании величия христианской Руси, ее божественного предопределения, независимость и равноправия христианских народов.

СЛОВО О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ

**(Печатается по: Альманах библиофила. Вып. 26.
Тысячелетие русской письменной культуры (988 – 1988).
М., «Книга», 1989.)**

О Законе, Моисеем данном,
и о Благодати и истине в Иисусе Христе явившихся;
о том, как Закон отошел,
а Благодать и истина всю землю исполнили,
и вера на все языки простерлась,
и на наш народ русский.
Похвала государю нашему Владимиру,
им мы крещены были;
молитва богу от всей земли нашей.
Господи, благослови, отче!

Благословен господь бог Израиля, бог христианский,
что посетил людей своих и содеял им избавление,
что не дал тварям своим
вечно идольским мраком одержимыми быть
и в бесовском служении гибнуть.
Но сперва он указал путь племени Авраамову
Законом на скрижалях,
а после сыном своим все народы спас,
евангелием и крещением вводя их
в обновление послебытия – в жизнь вечную.

Да хвалим его и прославляем,
хвалимого ангелами беспрестанно,
и поклонимся ему.
Ему же поклоняются херувимы и серафимы,
ибо, увидев, призрел он людей своих.
И не посол его, не вестник,
но сам он спас нас.
Не видением придя на землю,
но истинно, пострадав за нас плотью и до гроба,
и с собою воскресив нас.
Так к живущим на земле людям, одевшись во плоть, он пришел,
а к тем, что в аду, распятым и лежащим во гробе сошел.
Да познают живые и мертвые свое посещение и божье
пришествие,
да разумеют, что равно живым и мертвым
крепок и силен бог.
Ибо кто велик, как бог наш!
Он один, творящий чудеса,
положил Закон на предуготовление истине и Благодати;
да обвыкнет в нем человеческое естество,
от многобожия идольского уклоняясь,
в единого бога веровать.
Как сосуд скверный, омовенный водою, да примет человечество
Законом и обрезанием млеко Благодати и крещения;
Ибо Закон – предтечей стал и слугой Благодати и истине,
истина же и Благодать – слуга веку будущему, жизни
нетленной.

Как Закон приводил подзаконных
к благодетельному крещению,
так крещение сынов своих
впускает в вечную жизнь.
Ведь Моисей и пророки о Христовом пришествии поведали,
а Христос и апостолы его – о воскресении и о будущем веке.

Зачем поминать мне в писаньи этом
и пророческие проповеди о Христе,
и апостольские учения о будущем веке?
Излишне это, и к тщеславию склоняется.
Ибо, что в иных книгах писано и вам ведомо,
то здесь излагать – пустая дерзость и желанье славы.
Ведь не к несведущим пишем, но к преизобильно насытившимся
сладостью книжной,
не к врагам божьим, иноверным, но к настоящим сынам его,
и не к сторонним, а к наследникам небесного царства.
Итак, о Законе, Моисеем данном,
и о Благодати и истине, в Христе явившихся, повесть эта.
Что дал Закон, и что Благодать?
Прежде Закон, потом она, Благодать,
Прежде лишь тень, потом – истина.
А образ Закона и Благодати – Агарь и Сарра,
рабская Агарь и свободная Сарра,
рабская прежде, потом – свободная.
Да разумеет читатель, что Авраам от юности своей
Сарру имел, жену свободную, а не рабыню.
Бог ведь до начала века изволил и промыслил
сына своего в мир послать,
и им Благодатью явиться.
Сарра же не рожала, будто была неплодна?
Не была неплодна, обречена была
божьим промыслом на старость родить.
Безвестное и тайное в премудрости божьей
утаено было от ангелов и от людей,
не как неявное, но утаенное
и в конце века явиться должное.
Сарра сказала Аврааму: «Обрек меня господь бог не рожать,
так войди к рабыне моей Агари и родишь от нее».

Благодать же сказала богу: «Еще не время сойти мне на землю
и спасти мир,
сойди на гору Синай и Закон положи».

Послушал Авраам речи Саррины и вошел к рабыне ее Агари.
Послушал же и бог те слова, что от Благодати, и сошел на
Синай.

Родила же Агарь рабыня от Авраама, раба от рабыни,
И нарек Авраам имя ему Измаил.

Вынес и Моисей с Синайской горы
Закон, а не Благодать, тень, а не истину.

С годами уж старыми стали Авраам и Сарра.

И однажды в полдень явился бог Аврааму,
когда сидел тот у двери шатра своего под дубом

мамврийским.

Авраам пошел навстречу ему, поклонился ему до земли
и принял его в шатре своем.

И когда век тот к концу приближался, посетил господь род
человеческий,

и сошел с небес, в утробу девицы входя.

Приняла же его девица с поклоном в шатер своей плоти
безболезненно, и сказала потом ангелу:

«Вот я – раба господня, да будет со мною по слову твоему!»

Тогда же разомкнул бог и утробу Саррину,
и, зачав, родила Исаака – свободная свободного.

Как посетил бог человеческое естество,
уже явилось неведомое и утаенное:

и родилась Благодать – истина, а не Закон, сын, а не раб.

Как отнят был от груди Исаак и окреп,

сотворил Авраам угощение большое, ведь отнят уж от груди

Исаак, сын его.

Когда Христос на земле пребывал,
а Благодать еще не окрепла, еще была у груди,
тридцать лет и более в ней Христос таился.

Но как вскормилась и окрепла,
явилась Благодать божья всем людям в Иорданской реке,
сотворил бог пир большой и угощение с тельцом, упитанным
от века,
с возлюбленным сыном своим Иисусом Христом, созвав на единое
веселье
небесное и земное, совокупив воедино ангелов и людей.

Прошли годы, вот видит Сарра Измаила,
сына Агарина, играющего с сыном своим Исааком.
И как обижен был Исаак Измаилом,
сказала Аврааму: «Отринь рабыню, и с сыном ее,
не может наследовать сын рабыни, лишь сын свободной».

Было это по вознесении господина Иисуса:
ученики его и иные, уж веровавшие в Христа, были в
Иерусалиме,
те и другие в смешеньи были, иудеи и христиане,
и крещение благодатное терпело обиды
от обрезанья законного.

И даже не принимала в Иерусалиме
христианская церковь епископа необрезанного,
потому что старейшины были из обрезанных.
Насилие они творили над христианами,
рожденные в рабстве – над сынами свободными,
и было между ними много распрей и ссор.
Видев свободная Благодать чада свои христианские,
обижаемые иудеями, сынами рабского Закона,
возопила к богу: «Отринь иудеев с Законом их,
рассей их по странам. Что общего
между тенью и истиной, иудейством и христианством!»

И отогнана была Агарь, рабыня, с сыном ее Измаилом,
а Исаак, сын свободной, наследником стал Аврааму,
отцу своему.

И изгнаны были иудеи, и рассеяны по странам,

а чада благодетельные христиане наследниками стали богу
и отцу.

Как отошел свет луны, когда солнце воссияло,
так и Закон – пред Благодатью явившейся.

И стужа ночная побеждена,
солнечная теплота землю согрела.

И уже не теснится человечество в Законе,
а в Благодати свободно ходит.

Ибо иудеи при свече Закона себя утверждали,
христиане же при благодетельном солнце свое спасение
зждут;

ибо иудеи тенью и Законом утверждали себя,
а не спасались,
христиане же истиной и Благодатью не утверждают себя,
а спасаются.

Ибо среди иудеев – самоутверждение, а у христиан – спасение.
Как самоутверждение в этом мире, спасение – в будущем
веке,

ибо иудеи о земном радели, христиане же – о небесном.
Их самоутверждение иудейское скупое от зависти,
ибо не простиралось оно на другие народы, оно стало лишь для
иудеев,
а христиан спасение благо и щедро простирается на все края
земные.

Сбылось благословение, ибо старейшинство Манасси
левицей Иакова благословлено было,
а Ефремово младенчество – десницей.

Хоть и был старше Манассия Ефрема,
но благословением Иаковлевым стал меньшим.

Так иудейство, хоть и прежде было, но Благодатью христиане
возвысились.

Как сказал Иосиф Иакову: «На этого, отец, возложи десницу,
ибо он старше».

Отвечал Иаков: «Знаю, чадо, знаю. И тот из людей, и
вознесется,
но брат его меньший больше его станет,
а племя его будет во многих народах».
Так же и стало: Закон прежде стал и вознесся в малом,
и отошел,
вера же христианская, после придя, первой
стала
и распространилась на множество языков.
И Христова Благодать всю землю объяла,
как вода морская, покрыла ее.
И все, ветхое отложив, закоснелое в зависти иудейской,
нового держатся, по пророчеству Исайеву:
«Ветхое минует, и новое вам возвещаю;
Пойте богу песнь новую!»
«Славится имя его от концов земли,
и выходящими в море, и плавающими по нему, и на островах
всеми».
И еще: «Кто работает ради меня, назовется именем новым,
кто благословит на земле, благословят бога истинного».
Ибо прежде в одном Иерусалиме поклонялись,
ныне же – по всей земле.
Как сказал Гедеон богу: «Если рукой моей спасешь израильтян,
то будет роса на руне только, а по всей земле – суша».
Так и стало, ибо по всей земле суша наступила прежде –
идольской лести народы поддались
и росы благодетельной не принимали.
Иудеи лишь только познали бога,
израильтяне славили имя его – в Иерусалиме одном пребывал
бог.
Сказал же после Гедеон богу:
«Да будет суша на руне только,
по всей же земле – роса». И стало так.

Иудейству положен предел и Закон отошел –
жертвы не приняты, киот, скрижали и жертвенник оставлены.
По всей же земле роса: по всей земле вера простерлась,
дождь благодетельный оросил купель воскресения,
чтоб сынов своих в нетленья облачить.
Так же и самарянке говорил спаситель:
«Грядет година, и ныне уж наступает,
когда не на горе этой, не в Иерусалиме поклонятся отцу,
но будут истинные поклонники,
которые поклонятся отцу в духе и истине.
Ибо отец тех ищет, кто поклоняется ему,
то есть и с сыном и со святым духом».
Так же и есть по всей земле –
уж славится святая троица
и поклонение приемлет от всех тварей.
Малые и великие славят бога по пророчеству:
«И не научит каждый ближнего своего
и человек брата своего,
говоря: «Познай господа,
ибо узнают меня от мала до велика».
Как спаситель Христос отцу говорил:
«Исповедаюсь тебе, отче, владыка неба и земли,
что утаил ты от премудрых и разумных
и открыл младенцам.
Воистину, отче, таково благоизволение пред тобою».
Итак, помиловал благий бог человеческий род,
и теперь люди во плоти, крещением, благими делами,
сынами богу и причастными Христу стали.
«Ибо тем, – сказал евангелист, – кто принял его,
дал он право быть чадами божьими, им, верующим

в имя его –

тем, кто не от крови, не от похоти плотской, не от похоти
мужской,
но от бога родился святым духом в святой купели.

Все бог наш на небесах и на земле,
как восхотел, так и сотворил».

Так кто же не прославит, кто не восхвалит,
кто не поклонится величеству славы его
и кто не подивится неизмеримому человеколюбию его!

Прежде века от отца рожден,
один он сопрестолен, отцу единосущен,
как солнца свет, сошел на землю.

Посетил он людей своих, не отлучившись от отца,
он воплотился от девицы чистой, безмужней и бесскверной,
вошел, сам ведает как, и, плоть приняв, вышел,

как и вошел,

един из троицы в двух естествах —
божество и человек.

Вполне человек — по плоти человеческой,
он — не привидение.

Но вполне бог — по божественному,
это не просто человек,
явивший на земле божеское и человеческое.

Как будто человек, утробу материну тяготил,
и, как бог, родился, девства не повредив.

Как человек, материнское млеко принял,
и, как бог, приставил ангелов с пастухами петь:
«Слава в вышних богу!»

Как человек, повит был в пелены,
и, как бог, волхвов звездою вел.

Как человек, возлежал в яслях,
и, как бог, от волхвов дары и поклонение принял.

Как человек, бежал в Египет,
и, как богу, рукотворенья-кумиры египетские ему поклонились.

Как человек, пришел на крещение,
и, как бога, Иордан, устранившись его, вспять обратился.

Как человек, обнажившись, влез в воду,

и, как бог, от отца свидетельство принял:
«Вот он, сын мой возлюбленный».
Как человек, постился сорок дней, взалкав,
и, как бог, победил искушающего.
Как человек, пришел на брачный пир в Кане Галилейской,
и, как бог, воду в вино превратил.
Как человек, в корабле спал,
и, как бог, преградил ветры и море, и те послушали его.
Как человек, по Лазаре прослезился,
и, как бог, воскресил его из мертвых.
Как человек, на осла воссел,
и, как богу, ему возглашали:
«Благословен грядущий во имя господне!»
Как человек, распят был,
и, как бог, своею властью
сораспятого с ним впустил в рай.
Как человек, вина вкусив, испустил дух,
и, как бог, солнце помрачил и землю потряс.
Как человек, во гроб положен был,
и, как бог, ад разрушил и души освободил.
Как человека, запечатали его во гробе,
и, как бог, восстал, печати целыми сохранив.
Как человека, тщились иудеи
утаить его воскресение, подкупая стражей,
но, как бога, его уведали,
и познан был всеми концами земли.
Поистине, кто бог больший, нежели бог наш!
Он есть бог, творящий чудеса.
Содеял спасение посреди земли крестом и мукою,
на месте лобном вкусив вина и желчи.
Да сладостное вкушение Адамово, что от древа,
что преступленье и грех, вкушением горести будет отогнано.
Те же, сотворившие это ему, преткнулись о него, о камень, и –
сокрушены.

Как ведь господь говорил: «Падающий на камень – тем
сокрушится,
а на него ж падет камень, – сокрушит его».

Ибо пришел к нам, исполняя пророчества, прореченные о нем.
Как же и говорилось: «Я не послан только к овцам гибнущим
из дома Израилева».

И после: «Не пришел я разорить Закон, но исполнить».

И хананеянке-иноязычнице, просящей исцеление дочери своей,
говорил: «Недобро это – отнять хлеб у чад и бросить псам».

Они же нарекли его лжецом [и от блуда рожденным],
и с помощью Вельзевула бесов изгоняющим.

Христос слепых их сделал зрячими, прокаженных очистил,
согбенных выправил, бесноватых исцелил, расслабленных
укрепил, мертвых воскресил.

Они же, как злодея, измучив, к кресту его пригвоздили,
потому пришел на них гнев божий конечный.

Ведь сами они и предрекли свою погибель.

Когда сказал спаситель притчу о винограднике и о работниках,
то спросил:

«Что же делает хозяин работникам тем?» Они отвечали:
«За зло злом платит им, и виноградник отдает иным работникам,
которые воздадут ему плоды во времена свои».

И сами они своей гибели пророками стали.

Пришел ведь на землю посетить их, и не приняли его,
поскольку дела их темными были,
не возлюбили света:

да не станут явными дела их, так как темны они.

Потому, придя к Иерусалиму, увидев град, Иисус прослезился,
сказав о нем: «Если б разумел ты сегодня,
что будет миру твоему!

Ныне то скрыто от глаз твоих,
как приидут дни твои.

И обложат враги твои острог вокруг тебя,

и окружают тебя, и сожмут тебя повсюду,
и разобьют тебя, и чад твоих в тебе,
потому что не понял времени посещения твоего».
И еще: «О, Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков,
каменьем побивающий посланных к тебе!
Сколь сильно восхотел я собрать чад твоих,
как собирает наседка птенцов под крыло свое.
Но не восхотели вы – и вот остается дом ваш пуст».
Так и стало. Ибо пришли римляне,
пленили Иерусалим и разбили до основания его.
Иудейство от поры той пало, и Закон после того, как вечерняя
заря, погас.
И рассеяны были иудеи по странам – да не вкупе злое
пребывает!
Ибо пришел спаситель, и не принят был израильтянами.
И по евангельскому слову: «К своим пришел, и свои его
не приняли».
Народами же принят был.
Так же сказал Иаков: «Он чаяние народов».
Ибо и при рождении его волхвы других народов прежде
поклонились ему.
А иудеи убить его искали,
потому и младенцев избиили.
И сбылось слово спасителя:
«Многие от Востока и Запада приидут
и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в царстве
небесном,
а сыны царства изгнаны будут во тьму кромешную».
И далее: «Вот и отнимется от вас царство божие
и отдано будет странам, творящим плоды его».
К ним же послал учеников своих, сказав:
«Шествуя по всему миру,
проповедуйте евангелие всем тварям.

Кто верует и крестится, да спасен будет!
Шествуя, научите все языки,
крестя их во имя отца и сына и святого духа,
уча их блюсти все,
что заповедал я вам».

Лепо Благодати и истине на новых людей воссиять!
Не вливают ведь, по слову господню,
вина нового учения благодетельного
в мехи ветхие, обветшавшие в иудействе.
Ежели просядутся мехи, то вино прольется.
Ведь не смогла Закона тень удержать.
Но многожды идолам поклоняясь,
как истинной Благодати удержать учение?
Но новое учение – новые мехи, новые языки,
и соблюдены будут – оно и они.

Так и есть. Ибо вера благодатная по всей земле

простерлась,

и до нашего народа русского дошла.

И Закона озеро пересохло,
евангельский же источник наводнился,
и, всю землю покрыв, до нас разлился.

Вот уж и мы со всеми христианами
славим святую троицу.

А Иудея молчит.

Христа славят, а иудеев клянут.

Народы приведены, а иудеи отринуты.

Как пророк Малахия сказал:

«Нет моего благоволения к сынам израилевым,

и жертвы из рук их не приемлю,

потому что от востока до запада

имя мое славят в странах

и во всяком месте фимиам имени моему приносят.

Как имя мое велико в странах!»
И Давид сказал: «Вся земля да поклонится тебе
и поет тебе: «О, господи, господь наш!
Как чудно имя твое по всей земле!»
И уже не идолослужители зовемся, но христиане;
не без надежды уж пребываем,
но уповаем на жизнь вечную.
И уж не капище сатанинское городим,
но Христовы церкви зиждем.
Уже не даем на закляние бесам друг друга,
но Христос за нас идет на закляние,
и дробим он в жертву богу и отцу.
И уже не жертвенную кровь вкушая погибаем,
но Христову пречистую кровь вкушая, спасаемся.
Все страны благий бог наш помиловал,
и нас не презрел – восхотел и спас нас,
и в разум истинный привел.
И в пустой, пресухой земле нашей, идольским зноем
иссушенной,
внезапно потек источник евангельский,
питая всю землю нашу.
Так же сказал Исайя:
«Разверзнется вода пред ходящими по бездне,
и будет безводье болотом,
и в земле жаждущей – источник воды будет».
Когда мы были слепыми,
а истинного света не видели,
но в лести идольской блуждали,
к тому же и глухи были
к спасительному учению,
помиловал нас бог –
и воссиял и в нас свет разума,
чтоб познать его, по пророчеству:
«Тогда отверзнутся очи слепых,

и уши глухих услышат».

И когда претыкались мы на путях погибели,
за бесами следуя,
а пути, ведущего в жизнь вечную, не ведали,
к тому же и гугнили мы языками нашими,
моля идолов, а не бога нашего и творца,
посетило нас человеколюбие божие.

И уже не следуем бесам,
но ясно славим Христа, бога нашего, по пророчеству:
«Тогда поскачет, подобно оленю, хромой,
и ясен будет язык гугнивых».

Прежде были мы, как звери и скоты,
не разумели десницу и шуйцу,
и лишь к земному прилежали,
и даже мало о небесном не пеклись.
Но послал господь и к нам заповеди,
ведущие в жизнь вечную, по пророчеству Осии:
«И будет в день оный, говорит господь:
«Завещаю им завет с птицами небесными и зверьми
земными».

И не говорю людям моим: «Люди вы мои!»,
они мне говорят: «Господь бог ты наш!»
И так, чужими будучи, людьми божьими мы нарекли себя.
И, врагами бывшие, сынами его мы назвали себя.
И не по-иудейски хулим,
но по-христиански благословим.
И не совет творим, как его распять,
но как распятому поклониться.
Не распинаем спасителя,
но руки к нему воздеваем.
Не прободаем ребер его,
но от них пьем источник нетления.

Не тридцать серебряников наживаем на нем,
но друг друга и все нажитое ему отдаем.
Не таим воскресения,
но во всех домах своих зовем:
«Христос воскрес из мертвых!»
Не говорим, что украден был,
но что вознесся туда, где ж и был.
Не неверуем, но, как Петр, ему говорим:
«Ты, – Христос, сын бога живого»;
и с Фомою: «Ты господь наш и бог»;
и с разбойником: «Помяни нас, господи, в царствии своем!»
И так веруя ему,
и святых отцов семи соборов предание держа,
молим бога еще и еще поспешить
и направить нас на путь заповедей его.
И сбылось в нас реченное о язычниках:
«Откроет господь мышцу свою святую
пред всеми народами,
и узрят все концы земли спасение,
что от бога нашего».
И другое: «Живу я, говорит господь,
так мне поклонится всякое колено,
и всякий язык исповедуется богу».
И Исаино: «Всякая дебрь наполнится,
а всякая гора и холм сравняются,
и будут кривизны прямыми,
и неровности в пути – гладкими.
И явится слава господня,
и всякая плоть узрит
спасение бога нашего».
И Даниила: «Все люди, племена и народы ему послужат».
И Давида: «Да исповедуются тебе люди, боже,
да исповедаются тебе люди все,

да возвеселятся и возрадуются народы!»
И все народы воспещите руками,
и воскликните богу гласом радости:
«Так господь вышний и всесильный –
царь великий по всей земле».
И чуть ниже: «Пойте богу нашему, пойте!
Пойте царю нашему, пойте,
ведь царь всей земли – бог;
пойте разумно: «Воцарился бог над народами;
и вся земля да поклонится тебе и поет тебе, –
да поет же имени твоему, вышний!»
И «Хвалите господа все народы,
и восхвалите все люди!»
И еще: «От Востока и до Запада
хвалимо имя господне.
Высок над всеми народами господь,
над небесами слава его».
«По имени твоему, боже,
и хвала твоя до концов земли».
«Услышь нас, боже, спаситель наш,
упование всем концам земли и тем, кто в море далече».
И «Да познаем на земле путь твой,
и во всех народах спасение твое».
И «Цесари земные и все люди,
князи и все судьи земные,
юноши и девы, старцы и отроки
да хвалят имя господне».
И Исаино: «Послушайте меня, люди мои, –
говорит господь, – и цари, мне внимлите,
ибо Закон от меня изыдет,
и суд мой – свет странам;
приближается скоро правда моя.
И снизойдет, как свет, спасение мое.

Меня острова ждут,
и на мышцу мою страны уповают».
Хвалит же похвальными гласами
Римская страна Петра и Павла,
от них же уверовали в Иисуса Христа, сына божьего;
Азия и Эфес и Павм – Иоанна Богословца;
Индия – Фому, Египет – Марка.
Все страны, и грады, и люди
чтут и славят каждый – их учителя,
что научил их православной вере.
Похвалим же и мы, по силе нашей,
малыми похвалами великое и дивное сотворившего
нашего учителя и наставника
великого государя нашей земли Владимира,
внука старого Игоря,
сына же славного Святослава.
Те в лета своего владычества
мужеством и храбростью прославились в странах многих,
и победами, и крепостью поминаются ныне
и прославляются.
Ибо не в худой и неведомой земле владычествовали,
но в Русской,
что ведома и слышима
всеми четырьмя концами земли.
Сей славный – от славных родился,
благородный – от благородных,
каган наш Владимир.
И возрос и окреп – от детской младости
вполне возмужав,
крепостью и силою совершенствуясь,
в мужестве и силе преуспевая.
И единодержцем будучи земли своей,
покорил под себя окрестные страны –
те миром, а непокорные мечом.

И так, когда он дни свои жил,
и землю свою пас
правдою, мужеством и смыслом,
сошло на него посещение вышнего,
призрело его всемилостивое око благого бога.
И воссиял разум в сердце его,
как разуместь суету идольской лести,
взыскать единого бога,
сотворившего всю тварь,
видимую и невидимую.
Вполне же наслышан был он всегда
о благоверной земле греческой,
христоролюбивой и сильной верою,
как единого бога в троице там чтут и ему поклоняются,
как у них совершаются
явления, и чудеса, и знаменья,
как церкви людьми там преполнены,
как все грады благоверны,
все в молитвах предстоят,
все пред богом предстают.
И слыша это, возжелал он сердцем,
возгорелся духом,
чтоб быть ему христианином, и земле его.
Так и стало, как бог изволил о человеческом естестве.
И совлек с себя каган наш,
вместе с ризами, ветхого человека.
Сложил тленное, стряхнул прах неверия.
И влез в святую купель,
и породился от духа и воды,
в Христа крестившись, в Христа облачился;
и вышел из купели, обеленный,
сыном став нетления,
сыном воскресения,

имя приняв навечно
именитое из рода в род – Василий.
Под ним же записан он в книги жизни
в вышнем граде, в нетленном Иерусалиме.
Со времени, как было это, и доселе
не престал благоверия подвиг.
Не тем только, что явил он сущую в нем к богу любовь,
но подвигся далее, заповедав по всей земле
креститься во имя отца и сына и святого духа,
и ясно, и велегласно во всех градах
славить святую троицу.
И всем быть христианами –
малым и великим,
рабам и свободным,
юным и старым,
боярам и простым,
богатым и убогим.
И не было ни одного, кто противился
благочестному его повелению.
Да если кто и не с любовью,
то со страхом пред повелевшим крестились,
ведь было благоверие его
с властью сопряжено.
И в единое время
вся земля наша
восславила Христа
с отцом и со святым духом.
Тогда начал мрак идольский от нас отходить,
и зори благоверия явились.
Тогда тьма бесслужения погибла,
и слово евангельское землю нашу осияло.
Капища разрушались,
а церкви возводились;

идолы сокрушались,
а иконы святых являлись;
бесы убежали –
крест грады освятил.
Пастыри словесных овец Христовых, епископы,
стали пред святым алтарем,
жертву бесскверную вознося.
Попы и дьяконы, и весь клир
украшили и в лепоту одели святые церкви.
Апостольская труба и евангельский гром все грады огласили.
Фимиам, богу воспускаемый,
очистил воздух,
монастыри на горах встали,
черноризцы явились.
Мужи и жены, малые и великие, все люди
наполнили святые церкви, восславили его, возглашая:
«Един свят, един господь Иисус Христос,
во славу богу отцу, аминь».
Христос победил!
Христос одолел!
Христос воцарился!
Христос прославился!
Велик ты, господи!
И чудны дела твои, боже наш, слава тебе!
Тебя же как похвалим, о, честный и славный,
в земных владыках премужественный Василий.
Как доброте подивимся, и крепости, и силе;
каково тебе благодарение воздадим,
что с тобою познали мы господя,
и от лести идольской избавились;
как твоим повелением
по всей земле твоей Христос славится.
Или как еще наречем тебя? О, христоролюбец!

Друг правде, смыслу вместилище, милости гнездо!
Как уверовал?
Как разгорелся ты любовью Христовой?
Какой вселился в тебя разум,
выше разума земных мудрецов,
чтоб невидимого возлюбить
и на небесное подвигнуться?
Как взыскал Христа,
как предался ему?
Поведай нам, рабам твоим,
поведай, учитель наш!
Откуда тебе повеяло благоухание святого духа?
Откуда испил ты памяти будущей жизни сладкую чашу?
Откуда вкусил и увидел, как благ господь?
Не видел ты Христа,
не ходил ты за ним –
как учеником его сделался?
Иные, видев его, не уверовали,
ты же, не видев, уверовал.
Поистине, сбылось на тебе благословение господа Иисуса,
реченное к Фоме:
«Блаженны не видевшие и уверовавшие».

Потому же с дерзновением и без сомнения взываем к тебе:
О блаженный! Самого тебя спаситель нарек – блажен ты.
Как уверовал в него,
и не соблазнился о нем
по слову его неложному:
«И блажен, кто не соблазнится о мне»?
Ибо, ведавшие Закон и пророков,
распяли его.
Ты ж, ни Закона, ни пророков не почитавший,
распятому поклонился.

Как твое сердце разверзлось?
Как вошел в тебя страх божий?
Как проникся любовью к нему?
Не видел ты апостола, проходившего землю твою,
и нищетою своею, и наготою, голодом и жаждою
сердце твое к смирению он не склонял.
Не видел ты, как бесов изгоняют именем Иисуса Христа,
болящие выздоравливают, немые речь обретают,
горячка в холод обращается, мертвые восстают.
Того всего не видел, как же уверовал?
Дивное чудо! Иные цесари и властители,
видя все, что совершается святыми мужами,
не уверовали,
но более того – на муки и страдания предали их.
Ты же, о блаженный, безо всего того
пришел к Христу,
только благим смыслом и острым умом уразумев,
что есть бог един –
творец невидимым и видимым, небесным и земным,
и что послал он в мир, спасенья ради, возлюбленного
сына своего.

И о том помыслив, вошел ты в святую купель.
Что иным уродством кажется, тебе силой божьей представилось.
К тому ж, кто поведает
о многих твоих ночных милостях и дневных щедротах,
что убогим творил ты, сирым, болящим, должникам, вдовам,
и всем, требующим милости?
Ибо слышал ты слово, сказанное Даниилом
Навуходоносору:
«Совет мой да будет тебе угоден, царь Навуходоносор!
Грехи свои милостынями очисти,
а беззакония свои – щедростью к нищим».

То услышав, ты, о пречестный,
не словами подтвердил сказанное, но дела свершил,
просящим подавая, нагих одевая,
жаждущих и алчущих насыщая,
болящим всякое утешенье посылая,
должников выкупая, рабам свободу даруя.

Так твои щедроты и милости и ныне среди людей

поминаются,

особенно же пред богом и ангелами его.

Из-за нее, доброприлюбной богом милости,
ты много дерзаешь к нему, как истинный Христов

раб.

Помогает мне слова прорицавший:

«Милость превозносится над судом»,
и «милостыни мужа, как печать бога».

Вернее же самого господа слово:

«Блаженны милостивые, ибо помилованы будут».

Иное же ясное и верное свидетельство

приведем о тебе из святого Писания,

реченное Иаковом, апостолом, как то:

«Отвративший грешника от заблуждения на пути его,
спасет душу от смерти и покроет множество грехов».

Да если одного человека обратившему,

такое вознаграждение от благого бога,

то каково же спасение обрел ты, о Василий!

Какое бремя греховное рассыпал,

не одного отвратив человека от заблуждения идольской

лести,

не десять, не город, но всю страну эту?

Показывает нам и уверяет сам спаситель Христос,

какой тебя славы и чести сподобил на небесах,

говоря:

«Кто исповедует меня пред людьми,
исповедую того и я пред отцом моим, который на небесах».
Да если исповедание приемлет себе Христово

к богу-отцу

познавший его только лишь пред людьми,
сколь ты похвален должен быть пред ним,
не только познав,
что сын божий – Христос,
но исповедав и веру его утвердив
не в одном соборе,
но по всей земле этой,
и церкви Христовы поставив,
и служителей ему введя?

О, подобный великому Константину,
равноумный, равнохристоролюбивый,
равно чтящий служителей его!

Он со святыми отцами Никейского собора
закон людям устанавливал,

ты же, с новыми нашими отцами епископами сходясь часто,
с глубоким смирением совещаля,
как в людях этих, новопознавших господу, закон

уоставить.

Он царство эллинов и римлян богу покорил, ты же –

Русь.

И вот уж не только у них, но и у нас Христос царем зовется.

Он с матерью своею Еленой крест из Иерусалима

принес,

по всему миру своему его разнеся, веру утвердил.

Ты же с бабкою своею Ольгой,

принеся крест из нового Иерусалима, Константина града,

по всей земле своей его поставив, утвердил веру,

ибо ты подобен ему.

С ним единой чести и славы сопричастником

сотворил тебя господь на небесах,
по благоверию твоему,
что имел ты в жизни своей.

Добрый пастух благоверию твоему, о блаженный, –
святая церковь святой богородицы Марии,
которую построил ты на правоверной основе,
и где мужественное твое тело ныне лежит,
ожидая зова трубы архангеловой.

Доброе весьма и верное свидетельство –
сын твой Георгий.

Его ведь сотворил господь наместником тебе,
твоему владычеству,
не рушащим твоих уставов, но утверждающим,
не умаляющим твоего благоверия сокровищ,
но более их умножающим,
не говорящим, но свершающим,
что недокончено тобою, кончающим,
как Соломон – дела Давидовы.

Он дом божий великий его святой премудрости создал
на святость и священство граду твоему,
его же всякою красотою украсил
златом и серебром, и камнем дорогим,
и сосудами святыми.

Та церковь дивная и славная по всем окружным странам,
другой такой не сыщется во всем полуночье земном,
от востока и до запада.

И славный град свой Киев
ты величеством, как венцом увенчал.

Ты предал людей своих и город
святой, всеславной; скорой в помощи христианам
святой богородице.

Ей же и церковь на великих вратах возвел
во имя первого господня праздника – святого Благовещения.

Пусть целованье, что дарит архангел деве,
будет и граду тому,
ибо сказано ей:
«Радуйся, обрадованная, господь с тобою!»
И граду же: «Радуйся, благоверный град, господь с тобою!»
Восстань, о честный муж, из гроба своего!
Восстань, отряхни сон, ибо ты не умер,
но спишь до общего для всех восстания.
Восстань, ты не умер,
не лепо тебе умереть, веровавшему во Христа,
дающего жизнь всему миру!

Отряхни сон, возведи очи,
да видишь, какой тебя чести господь здесь сподобил,
и на земле не беспамятной оставил в сыне твоём.
Восстань, узри чадо свое Георгия!
Узри утробу свою, узри милого своего!
Узри, ведь его господь вывел из плоти твоей,
узри украшение престола земли твоей,
и возрадуйся, и возвеселись!
Рядом с ним узри
и благоверную сноху свою Ирину.
Узри внуков своих и правнуков,
как здравствуют,
как хранимы господом,
как благоверие держат по завету твоему,
как святые церкви чтут,
как славят Христа,
как поклоняются имени его.
Узри же и город, величеством сияющий,
узри церкви цветущие,
узри христианство растущее.
Узри город, иконами святых освященный и блистающий,
и фамиамом курящийся,

и хвалами, и молитвами, и песнопением святым оглашаемый
И все это увидев, возрадуйся и возвеселись,
и похвали благого бога, всему тому строителя.
Зри, хотя не во плоти, но духом
показывает тебе господь все это.
О них же радуйся и веселись, сколь верен твой посев,
не иссушил его зной неверия,
но с дождем божьего поспешения взошел он многоплодно.
Радуйся, во владыках апостол,
не мертвые тела воскрешающий,
но нас, душою мертвых,
умерших недугом идолослужения, воскресивший.
Ведь тобою приобщились
и жизнь Христа познали.
Скорчены были от бесовской лести,
а тобою мы распрямились и на путь жизни вступили.
Слепыми были от бесовской лести,
а тобою мы прозрели сердечными очами.

Ослеплены были невидением,
а тобою мы прозрели для света трехсолнечного божества.
Немы были, а тобою мы речь обрели,
и ныне уж, малые и великие, славим единосущную троицу.
Радуйся, учитель наш и наставник благоверию!
Ты правдою облечен, крепостью препоясан,
истиною обвит, смыслом венчан,
и милостынею, как ожерельем
и убранством златым красуешься.
Ты стал, о честная глава, нагим – одеждой.
Ты стал алчущим – кормитель.
Ты стал жаждущей утробе прохладой.
Ты стал вдовицам помощник.
Ты стал странникам пристанищем.

Ты стал бездомным – кровом.
Ты стал обиженным заступником,
бедным – обогащением.
За эти благие дела и иные
воздаяние приемлешь на небесах –
блага, что уготовал бог вам, любящим его.
И лицезрением сладкого лица его насыщаясь,
помолись о земле своей и о людях,
ими ты благоверно владычествовал.
Да сохранит их в мире и благоверии
предание твое!
И да славится в нем правоверие,
и да проклято всякое еретичество!
И да соблюдет их господь бог
от всякой рати и пленения,
от голода и всякой скорби и печали.
Особенно же помолись о сыне твоём
благоверном государе нашем Георгии,
в мире и в здравии пучину жизни ему переплыть,
и в пристанище небесного заветрия пристать,
невредимо корабль душевный и веру сохранив,
и с богатством добрых дел, без соблазна,
богом данными ему людьми управляя,
стать с тобою без стыда
пред престолом вседержителя бога,
и за труд пастьбы людей его
принять от него венец славы небесной
со всеми праведными, трудившимися ради него.

IV. Поучение Владимира Мономаха

Жанр поучений был необычайно популярен у различных народов в средневековой литературе. Это понятно и объяснимо. С высоты прожитых лет у человека появляется желание не только оглядеть свой

жизненный путь, подвести некие итоги сделанному, проанализировать нереализованные моменты, но и предостеречь своих детей, последующие поколения от возможных жизненных ошибок. Вот почему одной из жемчужин древнерусской литературы является памятник публицистики начала 12 века «Поучение Владимира Мономаха».

Владимир Всеволодович Мономах – один из самых знаменитых и узнаваемых князей древнерусского государства.⁵⁵ Он жил в эпоху, когда формировались новые тенденции в обществе, когда на смену единой Руси приходила Русь раздробленная. Владимир Мономах не противился процессу возникновения новых княжеств, но при этом стремился сохранить прошлое политическое единство. Как любой человек, живущий во времени перемен, он очень остро переживал за происходившие перемены, его волновало, что будет с его детьми, его страной. Вот почему так остро выплеснулись все чувства в этом произведении.

Поучение, очевидно, было написано где-то в 20-е годы 12 века, не задолго до смерти автора (1125 г.). В пользу этого говорит фраза «сedia на санех», означающая ожидание близкой смерти. Дело в том, что по древнерусскому обычаю, восходящему еще к славянскому язычеству, умершего везли к могиле на санях не зависимо от времени смерти. Однако в «Повести временных лет» оно помещено под 1096 годом, явно разрывая рассказ о происхождении половцев. Сейчас уже трудно определить, что это ошибка поздних переписчиков или продуманная редакторская вставка, еще более обнажающая существо происходивших в это время событий (Любеческий съезд, ослепление Василька Тербовльского).

«Поучение» выходит за рамки семейного предсмертного завещания, оно направлено ко всем жителям Руси «кто слышит сию граматицю», а поэтому приобретает большое общественно – политическое значение. Владимир Мономах в своем «Поучении» теснейшим

⁵⁵ Елагин В.С., Назанский В.В. Историко – биографический словарь «Повести временных лет». Новосибирск. 2002., С. 19-22.

образом переплетает автобиографические воспоминания с размышлениями об образе идеального князя. Главная обязанность князя – забота о своей стране, своем народе. Мономах беспрекословно отстаивает тезис подчинения «старейшему», жить в мире с другими князьями, никого не притесняя. Князь должен заботиться «о худом смерде», «убогой вдовице», т.е. создавать тот баланс при котором хорошо всем членам общества.

Не менее важной обязанностью князя следить за нравственным состоянием общества. И здесь на первый план выступает христианская мораль. Владимир выступает ревностным поборником соблюдения религиозной обрядности, считая что только тремя добрыми делами: покаянием, слезами и милостыней можно «избыти грехов своих».

Во главу угла В.Мономах ставит труд, причем для князя это прежде всего труд ратный. Он приводит примеры из личной жизни, отмечая что одних только больших походов совершил 83, «а малых и не упомянет», заключил 20 мирных договоров. Князь – воин, князь – победитель – вот идеал В.Мономаха. Но как достичь этого? Неустанной тренировкой, охотой в мирное время, когда человек подвергается постоянной опасности и рискует жизнью «лютый зверь скочил ко мне на бедра и конь со мною поверже».

Владимир категорически отвергает леность. Она противник всего, наносит сокрушительный ущерб хозяйству, приводит к поражениям и гибели. Он призывает в ведении хозяйства не доверять никому, самому, вникать во все мелочи. «В дому своем не ленитесь, но за всем смотрите...» Особое отношение у Владимира Мономаха к войне, военным походам. В них раскрывается князь, благодаря его умению и поступкам не только достигаются победы, но и сохраняется жизнь самого князя и его дружины. «Выйдя на войну не ленитесь, не надейтесь на воевод. Не предавайте ни питью, ни пирам, ни спанью...от лености внезапно человек погибает» – вразумляет князь своих слушателей.

Особое отношение у Владимира Мономаха к просвещению. Сам князь выступает как человек высокообразованный, хорошо разбирающийся в литературе своего времени. В «Поучении» он свободно цитирует выдержки из Псалтыря, «Шестоднева», поучения Василия Великого. Отбирая наиболее эмоциональные и живописные образы, он создает удивительно свободный и живой язык общения, доступный всем слоям общества. По мнению Мономаха, учиться надо всегда, в любом возрасте. «Что вы уже умеете делать хорошего – этого не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь». Идеалом для Владимира является его отец, великий князь киевский Всеволод, который «Сидя дома, выучился пять языкам. За это почет от всех земель».

Князь должен быть и образчиком семейной жизни. Он перед богом несет ответственность за всех членов своей семьи. Семейные отношения строятся на уважении к жене «Жену свою любите, но не давайте им над собой власти». «Старых чтите как отца, а молодых, как братьев». Обязательно, по мнению В.Мономаха, надо посещать больных, провожать покойников, «ведь мы все смертны».

За «Поучением» следует письмо Владимира Мономаха к Олегу Святославичу Черниговскому еще одному пассионарию XI – нач. XII вв. Письмо проникнуто необычайной душевной теплотой. Да это и понятно. Поводом написания послужило убийство Олегом сына Владимира Изяслава. Владимир Мономах находит в себе силы выступить не как мститель, хотя в письме так ярко выражено чувство скорби, а как мудрый политик, желающий примирения. Особый лиризм читается в просьбе отпустить из плена жену Изяслава, чтобы Владимир, обняв сноху «оплакал мужа ее» Да с нею кончав слезы посажу на месте, и сядет акы горлица на сусе древе желеючи – восклицает убитый горем князь.

И «Поучение» и «Письмо» показывают необычайно широкий кругозор князя, его недюженный литературный талант, ярко рисуется образ князя – идеала для которого в первую очередь забота о своем государстве о своем народе.

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

(Печатается по: Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. М., 1978 г.)

ПОУЧЕНИЕ

Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов... и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет люба, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, бога ради и души своей, страх имейте божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра. Если же кому не люба грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безлепицу молвил.

Ибо встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: «Поспеш к нам, и выгоним Ростиславичей, и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы – сами по себе будем, а ты – сам по себе». И ответил я: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить».

И, отпустив их, взял Псалтырь, в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось: «О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?» – и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся слова и расположил их по порядку и написал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите.

«Зачем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? Уповай на бога, ибо верю в него». «Не соревнуйся с лукавыми, не завидуй

творящим беззаконие, ибо лукавые будут истреблены,» послушные же господу будут владеть землей». И еще немного: «И не будет грешника; посмотришь на место его и не найдешь его. Кроткие же унаследуют землю и многим насладятся миром. Злоумышляет грешный против праведного и скрежещет на него зубами своими; господь же посмеется над ним, ибо видит, что настанет день его. Оружие извлекли грешники, натягивают лук свой, чтобы пронзить нищего и убогого, заклать правых сердцем. Оружие их пронзит сердца их, и луки их сокрушатся. Лучше праведнику малое, нежели многие богатства грешным. Ибо сила грешных сокрушится, праведных же укрепляет господь. Как грешники погибнут, праведных же милует и одаривает. Ибо благословляющие его наследуют землю, клянущие же его истребятся. Господом стопы человека направляются. Когда он упадет, то не разобьется, ибо господь поддерживает руку его. Молод был и состарился, и не видел праведника покинутым, ни потомков его просящими хлеба. Всякий день милостыню творит праведник и займы дает и племя его благословенно будет. Уклонись от зла, сотвори добро, найди мир и отгони зло, и живи во веки веков».

«Когда восстали бы люди, то живыми пожрали бы нас; когда прогневалась бы на нас ярость его, то воды бы потопили нас».

«Помилуй меня, боже, ибо пограл меня человек; всякий день нападая, теснит меня. Пограл меня враги мои, ибо много восстающих на меня свыше». «Возвеселится праведник и, когда увидит отмщение, руки омоет свои в крови грешника. И скажет человек: «Если есть награда праведнику, значит есть бог, творящий суд на земле». «Освободи меня от врагов моих, боже, и от восстающих на меня защити меня. Избавь меня от творящих беззаконие и от мужа крови спаси меня, ибо уже уловили душу мою». «Ибо гнев в мгновение ярости его, а вся жизнь в воле его: вечером водворится плач, а наутро радость». «Ибо милость твоя лучше, чем жизнь моя, и уста мои да восхвалят тебя. Так благословлю тебя при жизни моей и во имя твое воздну руки мои». «Укрой меня от сборища лукавых и от множества

делающих неправду». «Возвеселитесь все праведные сердцем. Благословлю господа во всякое время, непрестанна хвала ему», и прочее.

Ибо как Василий учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово господне: «Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуместь; не свиреповать словом, не хулить в беседе не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты; Не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из вас может другим принести пользу, от бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится». «О владычица богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего» в ничтожной этой жизни.

Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, «очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, господа ради; лишаемый – не мсти, ненавидимый – люби, гонимый – терпи, хулимый – молчи, умертви грех». «Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу. Приходите да соединимся, говорит господь. Если будут грехи ваши как обгаренные,— как снег обелю их», и прочее. «Воссияет весна поста и цветок покаяния; очистим себя, братья, от всякой крови телесной и душевной. Взывая к светодавцу, скажем: «Слава тебе, человеколюбец!»

Поистине, дети мои, разумейте, что человеколюбец бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь; а господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться

от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и царствия небесного не лишиться.

Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию.

«Что такое человек, как подумаешь о нем?» «Велик ты, господи, и чудны дела твои; разум человеческий не может постигнуть чудеса твои», – и снова скажем: «Велик ты, господи, и чудны дела твои, и благословенно и славно имя твое вовеки по всей земле». Ибо кто не восхвалит и не прославит силу твою и твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет, и земля на водах положена, господи, твоим промыслом! Звери различные, и птицы и рыбы украшены твоим промыслом, господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут, и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые идут по всем землям, по божьему повелению, чтобы наполнились леса и поля. Все же это дал бог на пользу людям, в пищу и на радость. Велика, господи, милость твоя к нам, так как блага эти сотворил ты ради человека грешного. И те же птицы небесные умудрены тобою, господи: когда повелишь, то запоют и людей веселят; а когда не повелишь им, то и имея язык онемеют. «И благословен, господи, и прославлен зело!» «Всякие чудеса и эти блага сотворил и совершил. И кто не восхвалит тебя, господи, и не верует всем сердцем и всей душой во имя отца и сына и святого духа, да будет проклят!»

Прочитав эти божественные слова, дети мои, похвалите бога, подавшего нам милость свою; а то дальнейшее – это моего собствен-

ного слабого ума наставление. Послушайте меня; если не все примете, то хоть половину.

«Если вам бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: «Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал ты, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте и ложась. Не пропускайте ни одной ночи, – если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможет, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «господи помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, – нежели думать безлепицу, ездя.

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение, и не устраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от бога. Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чтите как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам, ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, рас-

ставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, – то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте им власти над собой. А вот вам и основа всему: страх божий имейте превыше всего.

Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь – как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Лениость ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене воздавши богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе боже, давший мне свет твой прекрасный». И еще: «Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать. Спать в полдень назначено богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди.

РАССКАЗ МОНОМАХА О СВОЕЙ ЖИЗНИ

А теперь поведаю вам, дети мои, о труде своем, как трудился я в разъездах и на охотах с тринадцати лет. Сначала я к Ростову пошел сквозь землю вятичей; послал меня отец, а сам он пошел к Курску; и снова вторично ходил я к Смоленску, со Ставком Гордятичем, который затем пошел к Берестью с Изяславом, а меня послал к Смоленску; а из Смоленска пошел во Владимир. Той же зимой послали меня в Берестье братья на пожарище, что поляки пожгли, и там правил я городом утишенным. Затем ходил в Переяславль к отцу, а после Пасхи из Переяславля во Владимир – в Сутейске мир заключить с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир.

Затем послал меня Святослав в Польшу: ходил я за Глогов до Чешского леса, и ходил в земле их четыре месяца. И в том же году и сын родился у меня старший, новгородский. А оттуда ходил я в Туров, а на весну в Переяславль и опять в Туров.

И Святослав умер, и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород; весной – Глебу в помощь. А летом с отцом – под Полоцк, а на другую зиму со Святополком под Полоцк, и выжгли Полоцк; он пошел к Новгороду, а я с половцами на Одреск войною и в Чернигов. И снова пришел я из Смоленска к отцу в Чернигов. И Олег пришел туда, из Владимира выведенный, и я позвал его к себе на обед с отцом в Чернигове, на Красном дворе, и дал отцу триста гривен золота. И опять из Смоленска же придя, пробился я через половецкие войска с боем до Переяславля и отца застал вернувшегося из похода. Затем ходили мы опять в том же году с отцом и с Изяславом к Чернигову биться с Борисом и победили Бориса и Олега. И опять пошли в Переяславль и стали в Оброве.

И Всеслав Смоленск пожег, и я с черниговцами верхом с поводными конями помчался и не застали... в Смоленске. В том походе за Всеславом пожег землю и повоевал ее до Лукомля и до Логожска, затем на Друцк войною и опять в Чернигов.

А в ту зиму повоевали половцы Стародуб весь, и я, идя с черниговцами и со своими половцами, на Десне взяли в плен князей Асадука и Саука, а дружину их перебили. И на следующий день за Новым Городом разбили сильное войско Белкатгина, а семечей и пленников всех отняли.

А в Вятческую землю ходили подряд две зимы на Ходоту и на сына его и к Корьдну ходили первую зиму. И опять ходили мы и за Ростиславичами за Микулин, и не настигли их. И на ту весну – к Ярополку на совет в Броды.

В том же году гнались за Хорол за половцами, которые взяли Горошин.

На ту осень ходили с черниговцами и с половцами – читеевичами к Минску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни скотины.

В ту зиму ходили к Ярополку на сбор в Броды и дружбу великую заключили.

И на весну посадил меня отец в Переяславле выше всей братии и ходили за Супой. И по пути к Прилуку городу встретили нас внезапно половецкие князья, с восемью тысячами, и хотели было с ними сразиться, но оружие было отослано вперед на возах, и мы вошли в город; только семца одного живым захватили да смердов несколько, а наши половцев больше убили и захватили, и половцы, не смея сойти с коней, побежали к Суле в ту же ночь. И на следующий день, на Успение, пошли мы к Белой Веже, бог нам помог и святая богородица: перебили девятьсот половцев и двух князей взяли, Багубарсовых братьев, Осеня и Сакзя, и только два мужа убежали.

И потом на Святославль гнались за половцами, и затем на Торческ город, и потом на Юрьев за половцами. И снова на той же стороне, у Красна, половцев победили, и потом с Ростиславом же у Варина вежи взяли. И затем ходил во Владимир опять, Ярополка там посадил, и Ярополк умер.

И снова, по смерти отца и при Святополке, на Стугне бились мы с половцами до вечера, бились у Халепа, и потом мир сотворили с

Тугорканом и с другими князьями половецкими, и у Глебовой чади отняли дружину свою всю.

И потом Олег на меня пришел со всею Половецкою землею к Чернигову, и билась дружина моя с ними восемь дней за малый вал и не дала им войти в острог; пожалел я христианских душ, и сел горящих, и монастырей и сказал: «Пусть не похваляются язычники». И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около ста человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы точно волки, стоя у перевоза и на горах, – бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля.

И сидел я в Переяславле три лета и три зимы с дружиною своею, и много бед приняли мы от войны и голода. И ходили на воинов их за Римов, и бог нам помог, перебили их, а других захватили.

И вновь Итлареву чадь перебили, и вежи их взяли, идя за Голтав.

И к Стародубу ходили на Олега, потому что он сдружился с половцами. И на Буг ходили со Святополком на Боняка, за Рось.

И в Смоленск пошли, с Давыдом помирившись. Вновь ходили во второй раз с Вороницы.

Тогда же и торки пришли ко мне с половцами-читеевичами, и ходили мы им навстречу на Сулу.

И потом снова ходили к Ростову на зиму, и три зимы ходили к Смоленску. Из Смоленска пошел я в Ростов.

И опять со Святополком гнались за Боняком, но... убили, и не настигли их. И потом за Боняком же гнались за Рось, и снова не настигли его.

И на зиму в Смоленск пошел; из Смоленска после Пасхи вышел; и Юрьева мать умерла.

В Переяславль вернувшись к лету, собрал братьев.

И Боняк пришел со всеми половцами к Кснятину; мы пошли за ними из Переяславля за Сулу, и бог нам помог, и полки их победили,

и князей захватили лучших, и по Рождестве заключили мир с Аепою, и, взяв у него дочь, пошли к Смоленску. И потом пошел к Ростову.

Придя из Ростова, вновь пошел на половцев на Урусобу со Святополком, и бог нам помог.

И потом опять ходили на Боняка к Лубну, и бог нам помог.

И потом ходили к Воиню со Святополком, и потом снова на Дон ходили со Святополком и с Давыдом, и бог нам помог.

И к Вырю пришли было Аепа и Боняк, хотели взять его; к Ромну пошли мы с Олегом и с детьми на них, и они, узнав, убежали.

И потом к Минску ходили на Глеба, который наших людей захватил, и бог нам помог, и сделали то, что задумали.

И потом ходили к Владимиру на Ярославца, не стерпев злодеяний его.

А из Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу, за один день проезжая, до вечерни. А всего походов было восемьдесят и три великих, а остальных и не упомню меньших. И миров заключил с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце и без отца, а раздаривал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков лучших князей половецких столько: Шаруканевых двух братьев, Багубарсовых трех, Осеневых братьев четырех, а всего других лучших князей сто. А самих князей бог живыми в руки давал: Коксусь с сыном, Аклан Бурчевич, таревский князь Азгулуй и иных витязей молодых пятнадцать, этих я, приведя живых, иссек и бросил в ту речку Сальню. А врозь перебил их в то время около двухсот лучших мужей.

А вот как я трудился, охотясь, пока сидел в Чернигове; а из Чернигова выйдя и до этого года по сту уганивал и брал без трудов, не считая другой охоты, вне Турова, где с отцом охотился на всякого зверя.

А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на

бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул. И бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал и руки и ноги свои повреждал – в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал – на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах и о ястребах заботился.

Также и бедного смерда и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал.

Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтет: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю бога и прославляю милость его за то, что он меня, грешного и худого, столько лет оберегал от тех смертных опасностей, и не ленивым меня, дурного, создал, на всякие дела человеческие годным. Прочитав эту грамотку, постарайтесь на всякие добрые дела, славя бога со святыми его. Смерти ведь, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам бог пошлет. Ибо, если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от бога повелено. А если случится от бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело – остерегаться самому, то божие обережение лучше человеческого.

ПИСЬМО МОНОМАХА К ОЛЕГУ СВЯТОСЛАВИЧУ

О я, многострадальный и печальный! Много борешься, душа, с сердцем и одолевашь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным судьей, не покаившись и не помирившись между собою.

Ибо кто молвит: «Бога люблю, а брата своего не люблю», – ложь это. И еще: «Если не простите прегрешений брату, то и вам не простит отец ваш небесный». Пророк говорит: «Не соревнуйся лукавствующим, не завидуй творящим беззаконие». «Что лучше и прекраснее, чем жить братьям вместе». Но все наущение дьявола! Были ведь войны при умных дедах наших, при добрых и при блаженных отцах наших. Дьявол ведь ссорит нас, ибо не хочет добра роду человеческому. Это я тебе написал, потому что понудил меня сын мой, крещенный тобою, что сидит близко от тебя; прислал он ко мне мужа своего и грамоту, говоря в ней так: «Договоримся и помиримся, а братцу моему божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на бога, когда предстанут перед богом; а Русскую землю не погубим». И я видел смирение сына моего, сжалился и, бога устранившись, сказал: «Он по молодости своей и неразумию так смиряется, на бога возлагает; я же – человек, грешнее всех людей».

Послушал я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли ты ее по-доброму или с поруганием, то и другое увижу из твоей грамоты. Этими ведь словами я предупредил тебя, чего я ждал от тебя, смирением и покаянием желая от бога отпущения прошлых своих грехов. Господь наш не человек, но бог всей вселенной, – что захочет, во мгновение ока все сотворит, – и все же сам претерпел хулу, и оплевание, и удары и на смерть отдал себя, владея жизнью и смертью. А мы что такое, люди грешные и худые? – сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и в чести, а завтра в гробу и забыты, – другие собранное нами разделят.

Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды? Только и есть у них, что сделали душе своей. С этими словами тебе первому, брат, надлежало послать ко мне и предупредить меня. Когда же убили дитя, мое и твое, перед тобою, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его, увянувшее подобно цветку, впервые распутившемуся, подобно агнцу заколотому, сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: «Увы мне, что я сделал! И, воспользовавшись его неразумием, ради неправды света сего суетного нажил я грех себе, а отцу и матери его принес слезы!»

Надо было бы сказать тебе словами Давида: «Знаю, грех мой всегда передо мною». Не из-за пролития крови, а свершив прелюбодеяние, помазанник божий Давид посыпал главу свою и плакал горько, – в тот час отпустил ему согрешенья его бог. Богу бы тебе покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне, – ибо нет в ней ни зла, ни добра, – чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и ту свадьбу их, вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их, за грехи мои. Ради бога, пусти ее ко мне поскорее с первым послем, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица на сухом дереве, горя, а сам бы я утешился в боге.

Тем ведь путем шли деда и отцы наши: суд от бога пришел ему, а не от тебя. Если бы тогда ты свою волю сотворил и Муром добыл, а Ростова бы не занимал и послал бы ко мне, то мы бы отсюда и уладились. Но сам рассуди, мне ли было достойно послать к тебе или тебе ко мне? Если бы ты велел сыну моему: «Сошлись с отцом», десять раз я бы послал.

Дивно ли, если муж пал на войне? Умирали так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать чужого и меня в позор и в печаль вводить. Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла. И если начнешь каяться богу и ко мне будешь, добр сердцем, послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдою, тогда и волость получишь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба; но не дай мне бог видеть кровь ни от руки твоей, ни от повеления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если же я лгу, то бог мне судья и крест честной! Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за язычников, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, потому что я человек.

Если тебе хорошо, то... если тебе плохо, то вот сидит подле тебя сын твой крестный с малым братом своим и хлеб едят дедовский, а ты сидишь на своем хлебе, об этом и рядись; если же хочешь их убить, то вот они у тебя оба. Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии

и Русской земле. А что ты хочешь добыть насильем, то мы, заботясь о тебе, давали тебе и в Стародубе отчину твою. Бог свидетель, что мы с братом твоим рядились, если он не сможет рядиться без тебя. И мы не сделали ничего дурного, не сказали: пересылайся с братом до тех пор, пока не уладимся. Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, пусть тому от бога мира не видать душе своей на том свете!

Не от нужды говорю я это, ни от беды какой-нибудь, посланной богом, сам поймешь, но душа своя мне дороже всего света сего. На Страшном суде без обвинителей сам себя обличаю. И прочее.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Повесть временных лет.....	27
Русская правда.....	193
Слово о Законе и Благодати.....	215
Поучение Владимира Мономаха.....	250

Учебное издание

Хрестоматия по истории Древнерусского Государства

Автор – составитель *В. С. Елагин*

Редактор – *В.В. Козлова*

Компьютерная верстка – *А.С. Павлюченко*

Подписано в печать ____ . ____ . 2009 г. Формат бумаги 60x84/16.

Печать RISO. Уч.-изд. л. ____ . Усл. печ. л. ____ .

Тираж ____ экз. Заказ № ____ .

Отпечатано: 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28.